

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

40 2022
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 40 (435) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Лев Семёнович Выготский* (1895–1934), психолог, организатор построения авангардной футуристической «науки о сверхчеловеке», родоначальник культурно-исторической теории, объединивший вокруг себя коллектив исследователей, известный как «круг Выготского — Лурии» (также «круг Выготского»), автор литературоведческих публикаций, работ по педологии и когнитивному развитию ребёнка.

Лев Семёнович Выготский (при рождении его звали Лев Симхович Выгодский) родился в Белоруссии, в городе Орше в многодетной еврейской семье. Его отец, Симхи Лейбович, выпускник Харьковского коммерческого училища, был купцом, а затем и финансистом. Мать будущего учёного, Цецилия Моисеевна, работала преподавателем. Детские годы мальчика прошли в Гомеле, где он вместе с братьями и сестрами получал домашнее образование. Педагогом у ребят был Соломон Апшиза, практиковавший метод обучения греческого философа Сократа, известного тем, что он поддерживал идеи социал-демократов и имел революционные взгляды. Мировоззрение преподавателя и прогрессивные убеждения многих родственников Льва Семёновича повлияли на характер мальчика и сыграли огромную роль при выборе будущей профессии и формировании взглядов на жизнь.

В 1913 году, получив среднее образование, Лев Выготский решил продолжить обучение и легко сдал вступительные испытания в Императорский Московский университет. В 1919–1923 годах он со своим двоюродным братом Давидом Выготским преподавал литературу в трудовой школе и педагогическом техникуме Гомеля.

В 1920 году Лев Семёнович начал применять экспериментальные методы по психологии, которые он разработал для выступления на Всероссийском тематическом собрании, а затем собрал все полученные результаты и опубликовал свой первый научный труд.

В 1922 году он возглавил один из отделов издательства «Гомпечать», а в 1923–1924 годах занял должность литературного редактора в издательском отделе Гомельского губернского управления партийной и советской печати. Он издал сборник И. Г. Эренбурга и выпустил номер литературного журнала «Вереск».

В 1924 году Лев Семёнович перебрался в Москву, где был представлен Александру Лурии. Они вместе организовали кружок, который занимался исследованиями в области психологии. Учёный общался с А. Н. Леонтьевым, Н. А. Бернштейном, Р. О. Якобсоном, В. Б. Шкловским, И. Г. Эренбургом, О. Э. Ман-

дельштамом, С. М. Эйзенштейном. Благодаря занимаемой должности руководителя исследовательского кружка он получил возможность посетить Германию и Великобританию. По возвращении учёный был госпитализирован, так как к этому времени уже был серьёзно болен туберкулёзом.

Ему всё же удалось без личного присутствия защитить диссертацию, которая позднее стала книгой «Психология искусства». Он дополнил её разделом «Легкое дыхание» и ещё несколькими. Благодаря этим трудам он стал старшим научным сотрудником, что приравнялось к статусу кандидата медицинских наук.

Во время болезни он писал заметки, которые издал позднее под названием «Исторический смысл психологического кризиса». Именно в этой работе он дал определение сознанию человека так, как видел это он. Лев Семёнович резко раскритиковал анализ человеческого поведения при помощи простых понятий.

Выготский определил, что на основе детской психиатрии и дефектологии можно определить сознание человека, которое, с его точки зрения, имело отношение к понятию аффективных и интеллектуальных действий, имевших системный динамический смысл.

В 1927 году Лев был назначен начальником Московской медико-педагогической станции вместо уволенного В. П. Кащенко. Впоследствии станция приобрела статус Российского экспериментального дефектологического института (ЭДИ). Толчком к этому назначению послужила книга под названием «Мышление и речь». Позже Выготский покинул эту должность по собственному желанию и начал работать внештатным консультантом и научным руководителем психологических лабораторий.

В 1931 году теория Выготского и Лурии о «реактологической» концепции была раскритикована, и это направление в психологии было закрыто для изучения в институте. Произошли кадровые изменения, многих сотрудников уволили, но Лев Семёнович получил повышение с должности «сотрудника первого разряда» до «действительного члена».

Обе дочери Выготского продолжили дело своего знаменитого родителя и сделали карьеру в области психологии и дефектологии.

В июне 1934 года учёный скончался от туберкулёза. Урна с его прахом захоронена на Новодевичьем кладбище.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдувалиева К. У.

Смарт-контракты: преимущества и вызовы с точки зрения цифрового права.....61

Аганина А. А.

К вопросу о субъективной стороне доведения до самоубийства63

Аникин А. С., Башмакова Е. С.

Обусловленность правовой охраны товарного знака его использованием.....65

Балакшина Ю. А.

Правовая природа обычая как источника семейного права67

Бурдина А. А., Беляева А. А.

Экологическая правовая ответственность: сущность и признаки69

Бурдина А. А., Беляева А. А.

Административная ответственность за экологические правонарушения.....71

Виноградова В. А.

Понятие и содержание специальных знаний в уголовном процессе.....73

Голенко М. С., Шепелева Е. В.

Особенности административной ответственности должностных лиц в Российской Федерации75

Голенко М. С., Шепелева Е. В.

Понятие и признаки административной ответственности.....77

Грачева М. С.

Проблемы толкования оценочного понятия «заведомо ложное публичное объявление» (статья 197 УК РФ)79

Джаббарова Э. Ф.

Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ)80

Дорофеева М. Г.

Предмет, объект и пределы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях83

Казакова О. С.

Правовая регламентация необходимой обороны в уголовном праве России84

Казакова Д. С.

Особенности уголовной ответственности за разбой в уголовном праве России86

Канатов Г. С.

Налоговые преступления. Понятие, характеристика и взаимосвязь налоговых преступлений с преступлениями, предусмотренными статьями 171, 174, 196, 197 УК РФ.....88

Коваленко С. А.

Проблема соотношения понятий «политическая агитация» и «политическая реклама»91

Колокольникова П. Е.

Полномочия Министерства юстиции в сфере оспаривания региональных нормативно-правовых актов.....93

Колокольникова П. Е.

Региональное законодательство в области обращения с животными95

Кошелева В. А.

Некоторые проблемы кадровой политики на государственной службе субъекта Российской Федерации96

Крикуненко Е. А.

Специфика безвиновной ответственности в предпринимательской деятельности98

Крикуненко Е. А.

Гражданско-правовая ответственность без вины: проблемы теории99

Кузнецов И. А. Позитивные и негативные аспекты правового регулирования статуса индивидуального предпринимателя в российском законодательстве.....	101
Купцова А. С. Актуальные проблемы законодательства в области государственной историко-культурной экспертизы земельных участков (на примере Иркутской области).....	103
Куртынова Е. И. Незаконная вырубка леса.....	107
Лисицына И. Д. Особенности налоговых поступлений в бюджеты Российской Федерации	109
Литвинова К. И. Правовое регулирование заведомо ложной рекламы.....	111
Лиханов А. А. Проблемы института алиментных обязательств родителей. Способы повышения эффективности взыскания денежных средств с должников....	112
Лиханова В. А. Актуальность тайны усыновления.....	114
Любимова Ю. Ю. Проблемы незаконного использования фирменного стиля компании	115
Мавренков А. С. О некоторых вопросах направления ответчику копий искового заявления в гражданском процессе.....	117

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Смарт-контракты: преимущества и вызовы с точки зрения цифрового права

Абдувалиева Камилла Улугмирзаевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор предлагает рассмотреть сравнительно новый, но при этом быстро развивающийся институт смарт-контрактов, при этом выявляя основные подходы к пониманию их сущности. Также исходя из комплексного анализа доктринальных исследований и законодательных инициатив определяются вызванные отсутствием регулирования смарт-контрактов проблемы функционирования данной конструкции, а также преимущества их использования. В этой связи автор приходит к выводу и необходимости регламентации смарт-контрактов, поскольку применение смарт-контрактов становится все более актуальным и необходимым в век цифровизации, компьютеризации всех сфер общественной жизни.

Ключевые слова: смарт-контракты, цифровые технологии, компьютеризация, безопасность, отсутствие посредников, автоматизация смарт-контрактов.

В эпоху компьютеризации, информатизации и цифровизации все сферы общественной жизни претерпевают существенные изменения. Стремительное развитие современных технологий оказывает влияние непосредственно и на формирование сравнительно новой отрасли цифрового права, предопределяет создание ранее неизвестных правовых институтов и юридических конструкций, среди которых особое место занимают смарт-контракты, применение которых в рамках складывающихся общественных отношений обретает все большую популярность.

В российской действительности область использования смарт-контрактов с каждым днем расширяется. В частности, смарт-контракты все больше реализуются в рамках торговли в глобальной сети «Интернет» (так называемой «сетевой торговли»), системы здравоохранения, недвижимости, управлении цепями поставок и прочее [5].

Тем не менее, смарт-контракты представляют собой такую конструкцию, которая в недавнем прошлом не имела аналогов, соответственно выявление их юридической природы, определение правового регулирования, а также их преимуществ и связанных с ними проблем становится одной из важнейших задач как для законодателя, так и для теоретиков права [8].

В первую очередь стоит отметить, что в настоящее время отсутствует единый подход к определению сущности смарт-контрактов. На законодательном уровне предпринималась попытка по детерминации данного института. Так, согласно статье 2 проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» под смарт-контрактами предлага-

лось понимать «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [3]. Однако в последствии вышеуказанный закон в редакции первого чтения принят не был, что не позволило разрешить проблему неоднозначности понимания конструкции смарт-контрактов.

В научном сообществе существует многочисленные позиции относительно того, что можно относить к смарт-контрактам. На основании комплексного анализа доктринальных исследований можно выделить следующие основные подходы:

1) Смарт-контракты рассматриваются как компьютерный код, который путем специального его программирования используется в соответствующих сферах и позволяет реализовать тот или иной коммерческий интерес, в частности, в рамках гражданско-правовых отношений. Также здесь уместно обратиться к позиции самого основателя концепции применения смарт-контрактов и термина «смарт-контракт» («умный контракт») Нику Сабо, который подразумевал под ними «транзакционный протокол, который позволяет осуществить исполнение условий договора» [4].

2) Смарт-контракты представляют собой некий алгоритм, который способствует автоматизации процесса исполнения договоров в силу того, что данный алгоритм самостоятельно осуществляет заранее заложенные в него условия. В этом

случае смарт-контракт является способом исполнения возложенных на стороны обязательств, но не лишь формой выражения компьютерного кода [6].

3) Смарт-контракты есть вид гражданско-правового договора, который существует в электронной форме и защищен специальным кодом, при этом позволяющий автономно и самостоятельно исполнить условий данного договора в том случае, если будут иметь место предварительно определенные в нем обстоятельства [7]. О принадлежности смарт-контрактов к договорам, по мнению ряда исследователей, свидетельствует то, что результатом заключения договора становится возникновение у сторон соответствующих прав и обязанностей на основании тех условий договора, на основании которых он заключен; также заключение смарт-контрактов базируется на волеизъявлении сторон несмотря на то, что характерное для смарт-контрактов автоматизированное исполнение обязательства по смыслу статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации не требует «отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон» [1]. Тем не менее, нельзя отрицать в силу своей природы и присущих смарт-контрактам особенностей, которые отличают их от классических гражданско-правовых договоров, например, способ исполнения.

Отсюда следует, что в настоящее время нельзя отрицать многовариативность подходов к пониманию сущности смарт-контрактов, их ключевых особенностей и юридической специфики. Отсутствие единой позиции, раскрытой как в законодательстве, так и в ученой среде приводит к правовой неопределенности конструкции смарт-контрактов, потенциальных рисков их применения. Именно поэтому важным представляется правовое регулирование смарт-контрактов либо через внесение изменений в уже существующее на данный момент законодательное регулирование, либо путем внедрения абсолютно нового правового института и закрепления в нем присущей смарт-контрактам специфики. Как отмечалось ранее, в Российской Федерации уже выдвигались инициативы по регулированию смарт-контрактов, тем не менее, они не были воплощены в жизнь. Видится, что детальная регламентация смарт-контрактов может разрешить следующие вызовы — выбор применимого права для отношений в рамках использования смарт-контрактов, их существенные признаки, порядок исполнения обязательств по смарт-контрактам, способы защиты прав сторон, вопросы их потенциальной юридической ответственности и прочее.

Необходимость регулирования смарт-контрактов в российской правовой действительности обусловлена и тем, что использование смарт-контрактов, вопреки недавнему появлению, на практике доказало наличие ряда положительных аспектов их применения. Отсюда основными преимуществами использования смарт-контрактов являются:

1) Безопасность. Такое преимущество можно рассматривать с разных позиций. С точки зрения компьютерной безопасности, безусловно, важным является то, что смарт-контракты

являются достаточно надежной и безопасной системой, которая может хранить в себе соответствующие документы и необходимую информацию в цифровом пространстве, а при построении правильного алгоритма вероятность взлома смарт-контрактов остается минимальной. Кроме того, о безопасности смарт-контрактов говорится и в Аналитическом обзоре Банка России по теме «Смарт-контракты» согласно которому смарт-контракты обеспечивают достойный уровень защищенности их сторон не только от внешнего воздействия, но и друг от друга в силу того, что «условия контракта записываются в электронном виде и непосредственно сам контракт хранится в распределенной сети» [2], именно поэтому становится невозможным одной стороне самостоятельно вносить изменения в условия смарт-контракта без непосредственного согласования с другой.

2) Отсутствие третьих лиц (посредников). Заранее написанный для смарт-контрактов программный код позволяют отказаться от привлечения посредников, что позволяет, во-первых, совершать сделку сторонам автономно без необходимости непосредственного участия иных лиц, а во-вторых, избежать дополнительных финансовых издержек на привлечение таких третьих лиц, а также на оплату посреднических комиссий, а также в силу отсутствия человеческого фактора — лишних временных затрат.

3) Быстрота исполнения смарт-контрактов (отдельных обязанностей) [5]. В силу того, что смарт-контракты функционируют в цифровом формате, автономно и обособленно от контролеров осуществляя поставленные перед ними задачи, увеличивается скорость осуществления транзакций, что значительно отличается от традиционных способов исполнения договора. Плюс ко всему, в силу автоматизированности данного процесса «выполнение необходимых проверок, визирований, расчетов и других действий происходит моментально в нужной последовательности» [2].

Таким образом, следует подчеркнуть, что развитие инновационных технологий неизбежно приводит к внедрению новшеств во все сферы жизни общества, внося в них существенные коррективы. Ярким подтверждением достаточно новой, но при этом стремительно развивающейся конструкции являются смарт-контракты, которые на данный момент в России остаются неурегулированными. Как на законодательном, так и на доктринальном уровне все еще отсутствует единообразное видение сущности смарт-контрактов, их ключевых признаков, что обуславливает правовую неопределенность данного института. Тем не менее, смарт-контракты, несомненно, обладают рядом преимуществ, что делает их использование более предпочтительным по сравнению с иными классическими правовыми конструкциями. Видится, что при должной регламентации смарт-контракты могут стать полноценной частью юридического оборота и предопределить дальнейший вектор развития российской правовой системы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС Консультант Плюс.

2. Аналитический обзор Банка России по теме «Смарт-контракты». Октябрь 2018 г. // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf
3. Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (принят в первом чтении 22 мая 2018 г.) (не действует) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7?ysclid=l8vsyjjumd740118006>
4. Szabo B. Smart Contracts. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschooi2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html>
5. Арсланов К. М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18–23.
6. Белов В. А. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // Право и экономика. 2021. № 9. С. 35–41.
7. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
8. Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149–172.

К вопросу о субъективной стороне доведения до самоубийства

Аганина Алёна Андреевна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматривается вопрос субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Вскоре после введения в действие данной нормы возникли разночтения, что породило различия в правоприменительной практике. В 2017 году законодатель дополнил существующую статью квалифицирующими признаками, а также ввел три новых состава преступления, связанного с доведением до самоубийства: склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Комплексный анализ субъективной стороны указанных преступлений позволит выявить тенденции развития уголовного законодательства и пути его совершенствования в данной сфере.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, субъективная сторона, прямой умысел, косвенный умысел, вина

Под субъективной стороной теории уголовного права понимает психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления, т.е. выполнения его объективной стороны, иначе говоря, психическое отношение виновного к совершаемому деянию.

Субъективная сторона — сложный элемент преступления. Для его установления при квалификации доведения до самоубийства необходимо оценить психическое отношение субъекта в тот момент, когда он совершал описанное в законе противоправное деяние, то, как он воспринимал общественно-опасные последствия, которые должны наступить вследствие совершения деяния или определённого ряда деяний. Также правильное установление вины позволяет отграничить доведение до самоубийства от смежных составов преступления, которые совпадают по некоторым объективным признакам. О важности определения субъективной стороны высказался Пленум Верховного Суда Российской Федерации: так, он указал, что при назначении наказания в числе прочих обстоятельств суды обязаны учитывать вид умысла, мотив и цель преступления [1].

Субъективная сторона по общему правилу включает в себя три элемента: вину, цель и мотив. Вина — обязательный признак каждого преступления, мотив и цель — элементы факультативные, необходимые только в случае прямого указания на них в диспозиции нормы. Профессор Н. С. Таганцев указывал, что мотив и цель — это два коррелятивных понятия [10].

Рассмотрим более подробно первый элемент субъективной стороны — вину, которая является обязательным признаком

преступления. Под виной теория уголовного права понимает психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию. По мнению А. И. Рарога, вина составляет ядро субъективной стороны преступления, хотя и не исчерпывает полностью ее содержания.

Вопрос о трактовке признаков субъективной стороны относительно такого преступления, как доведение до самоубийства, является неоднозначным, в науке уголовного права складываются различные версии на этот счёт.

В науке общего уголовного права существует правило, согласно которому в том случае, если указание на форму вины отсутствует в диспозиции статьи, действует положение, о том, что вина в данном случае может быть только умышленной, так как в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части.

По одной из версий, сложившихся в науке, данное преступление может быть совершено с любой из двух предусмотренных уголовным законом формой вины; по второй версии — доведение до самоубийства может характеризоваться только неосторожностью либо косвенным умыслом по отношению к последствиям. Так, сторонник второй теории — Т. А. Плаксина — утверждает, что при наличии прямого умысла виновный должен нести ответственность за убийство [6].

В свою очередь, В. Б. Малинин и Э. Ф. Побегайло в своих трудах указывают, что в диспозиции нормы не прямо не указана

форма вины по отношению к последствиям в виде самоубийства потерпевшего. По их мнению, на основе положений ст. 24 УК РФ, необходимо сделать вывод, что данное преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [5]. При этом умышленная форма вины выражена в косвенном умысле.

По мнению Авакяна Р.З., совершение данного преступления возможно с любым видом умысла. При прямом умысле виновный предвидит возможность самоубийства потерпевшего и желает этого, а при косвенном — сознательно допускает тот же результат [3].

В. Н. Радченко и А. С. Михлина в Комментарий к Уголовному кодексу указывают, что доведение до самоубийства предполагает наличие вины субъекта преступления в форме косвенного умысла. То есть лицо, совершившее данное деяние, осознавало общественную опасность своих действий (бездействий), предвидело возможность наступления общественно-опасных последствий (т.е. самоубийства или попытки такового потерпевшим), не желало, однако изначально допускало наступление этих последствий или же относилось к ним безразлично [4].

Следующая точка зрения предполагает, что доведение до самоубийства возможно только по неосторожности. Так, например, Н. А. Сафонова указывает, что доведение до самоубийства может совершаться не только по преступному легкомыслию, но и по преступной небрежности [9].

Помимо вышеуказанных теорий существует такая точка зрения, в соответствии с которой предлагается рассматривать в первую очередь вину преступника не за само доведение лица до самоубийства, равно как и покушение на него, а вину за действия виновного лица, которые предшествуют и служат основой для совершения жертвой суицида. В данном случае упор делается на то, что предикатные действия в отношении потерпевшего носят личный мотив, преступник преследует определенные цели при осуществлении действий, предшествующих суициду, которые обычно заключаются в демонстрации превосходства, влияния на жертву, причинении нравственных, физических страданий.

Однако, исследуя данный вопрос, нельзя оставить без внимания редко встречающуюся точку зрения, согласно которой субъективная сторона может характеризоваться как умышленной формой вины, так и неосторожной [8].

Авторы, поддерживающие данную теорию, приводят ряд аргументов в поддержку данной точки зрения. Так, например, по их мнению, если исключить доведение до самоубийства, совершенное по неосторожности, то проблема самоубийств в нашей стране станет еще острее и большое количество лиц незаслуженно уйдет от ответственности. И как следствие этого, состав

доведения до самоубийства лишится своего социального содержания. Данная точка зрения неоднократно подвергалась критике и существенной поддержки среди правоведов не нашла.

В диссертационных исследованиях последних лет вопрос о субъективной стороне доведения до самоубийства также не получил однозначной оценки правоведов. Так, Д. И. Эльмурзаев предполагает в данном преступлении два вида умысла: чаще всего это преступление совершается с косвенным умыслом, реже — с прямым [11].

Вполне целесообразно не считать доведение до самоубийства преступлением, совершаемым как умышленно, так и по неосторожности, так как в данном случае будет нарушен принцип дифференциации уголовной ответственности и принцип справедливости, так как возможно получить состав преступления, за которое и при умысле, и при неосторожности будет установлена одна и та же санкция.

Для решения этой коллизии автором исследования предлагается следующее решение: предусмотреть отдельно ответственность за доведение до самоубийства, совершенное умышленно, и отдельно — по неосторожности. При этом при неосторожной форме доведения до самоубийства нет оснований рассматривать как преступление против жизни, так как цель и мотив совершения такого преступления никак не направлены на лишение жизни потерпевшего. Скорее, в данном случае, мы можем вести речь о преступлении против нравственности, о нарушении моральных принципов общества в части отношении к человеческой личности путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Поэтому норму о доведении до самоубийства по неосторожности логичнее закрепить в Главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Несмотря на дискуссионность вопроса о форме вины в данном преступлении всё же следует отметить, что правоприменительная практика всегда шла по пути трактовки данного преступления как умышленного, причем, как правило, с косвенным умыслом. Однако, районный суд, характеризуя субъективную сторону совершенного преступления, указал, что «... Т., совершая издевательства над Ш. не предвидел наступление последствий в виде самоубийства, хотя в связи с жестоким характером своего обращения с ним мог и должен был предвидеть возможность самоубийства потерпевшего» [12]. Таким образом, следует отметить, что преступление может быть совершено с разными формами вины, однако следует отдельно закрепить ответственность в УК РФ за доведение до самоубийства умышленно и доведение до самоубийства по неосторожности.

Литература:

1. Постановление ВС РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (дата обращения: 25.02.2022)
2. Кассационное определение Иркутского областного суда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-103955118/>. (дата обращения 13.03.2022)
3. Авакян Р.З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние. Ереван, 1971. С. 71–72.
4. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под ред. В. Н. Радченко и А. С. Михлина. М., 2000. С. 232
5. Лысак Н., Лопаткин Д. Ответственность за доведения до самоубийства // Законность. 2006. № 3. С. 34.

6. Плаксина Т. А. Уголовная ответственность за убийство. Ч. 1. Барнаул. 1998. с. 36
7. Общая часть. Учебник издание второе переработанное и дополненное. Под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагога, А. И. Чучаева. — Москва, 2008. с. 157–158:
8. Рагога А. И. Постатейный комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. — М.: Эксмо, 2019. — 724 с.
9. Сафонова Н. А. Доведение до самоубийства: социальные и уголовно-правовые аспекты. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — С. 24–25
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. — Т. 1. — Москва: Наука, 1994. — 380 с.
11. Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.
12. Кассационное определение Иркутского областного суда [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-103955118/](https://www.rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-103955118/). (дата обращения 13.03.2022)

Обусловленность правовой охраны товарного знака его использованием

Аникин Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент;
Башмакова Елена Сергеевна, студент магистратуры
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматривается правовая природа товарного знака. Определены критерии, характеризующие смысловое содержание термина «товарный знак». Представлены условия прекращения правовой охраны товарного знака. Проанализированы особенности правового регулирования неиспользования товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, правовая охрана товарного знака, прекращение правовой охраны товарного знака, неиспользование товарного знака.

Особенности правового регулирования и охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации четко прописаны в части 4 Гражданского кодекса РФ, где происходит систематизация и упорядочивание правоотношений, содержащих интеллектуальные права. Такие правоотношения могут иметь как имущественную и неимущественную основу. Также необходимо отметить существование интеллектуальных правоотношений, характеризующихся как временным, так и условным характером.

По своей правовой природе товарный знак — это представитель закрытого перечня группы объектов интеллектуальной собственности. По своей сущности он является неким правовым гарантом эффективности товарного рынка, так как не без его помощи происходит регулирование товарооборота. Товарный знак — это «лицо» товара. [1, с. 54]

Если обратиться к статье 1477 ГК РФ, то в соответствии с ней товарный знак является своеобразным обозначением, с помощью которого осуществляется индивидуализация товаров как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Также под товарным знаком необходимо понимать обозначения, предназначением которых является индивидуализация товаров, позволяющая отличать друг от друга товары разных производителей. Такого рода обозначения должны быть зарегистрированы в обязательном порядке. Здесь необходимо сказать о все более учащающихся в правоприменительной практике случаях подмены товарного знака синонимичными понятиями, такими как «торговый знак», «торговая марка» или, к примеру, «бренд» [1, с. 70].

Так, в деле № А60–37803/2018 судом было указано, что аукционная комиссия неправомочно обосновала причину отклонения заявки на допуск к аукциону. В частности, было указано, что от-

сутствует торговый знак предприятия-изготовителя. Со своей правовой позиции суд указал, что понятия «торговый знак» и «товарный знак» не являются однозначными. В связи с этим и последствия использования данных объектов будут разными [2, с. 73].

Можно рассмотреть и другое постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 марта 2019 года № Ф09–1286/19, которым было установлена недопустимость использования термина «торговый знак» в официальной документации, если она является определенным юридически значимым актом [6].

В связи с этим представляется необходимым выделить критерии (признаки), которые передают, отображают более точное смысловое содержание понятия «товарный знак».

В основе понятия «товарный знак» находятся определенные признаки. К ним необходимо отнести новизну, а также различительную способность с условиями охраноспособности [3, с. 56].

Рассмотрим более подробно каждый признак. Что же такое новизна товарного знака? Это свойство или признак товарного знака, при наличии которого можно утверждать, что на момент подачи в государственный реестр документов на его регистрацию не будет найдено аналогичных товарных знаков.

Различительная способность дает возможность индивидуализировать товарный знак по отношению к другим знакам. Также она является своего рода запретом для выпуска однородных товаров со сходными до степени смешения обозначениями. Все это закреплено законодательно в статье 1483 ГК РФ. В данной статье представлен перечень оснований, в соответствии с которыми может быть отказано в регистрации товарного знака. К примеру, таким основанием является вхождение товарного знака во всеобщее употребление для обозначения товаров какого-либо конкретного вида (подп. 1 п. 1 ст. 1483 ГК РФ).

Под охраноспособностью товарного знака подразумевается оказание противодействия любым нарушениям, которые возникают в процессе деятельности недобросовестных участников гражданского оборота. Охраноспособность говорит о наличии законодательно признанной договорной структуры лишения и последующей передачи исключительного права на товарные знаки. При нарушении исключительного права правонарушителей ожидают неблагоприятные последствия. Они призываются к юридической ответственности, будь то уголовная, административная или гражданско-правовая ответственность.

Существуют случаи нивелирования охраноспособности товарных знаков, и это четко предусматривается в гражданском законодательстве Российской Федерации.

Например, пункт 1 статьи 1486 ГК РФ устанавливает временной период неиспользования товарного знака в размере трех лет, по окончании которого правовая охрана товарного знака прекращается в отношении либо части товаров, либо всех товаров, для индивидуализации которых знак был первоначально зарегистрирован.

Следуя указанной норме, законодательство выделяет ряд условий, при наступлении которых правовая охрана товарного знака прекращается по причине неиспользования:

- 1) товарный знак не используется непрерывно в течение 3-х лет;
- 2) товарный знак не используется для индивидуализации тех товаров либо услуг, для которых он был зарегистрирован;
- 3) получение правообладателем предложения от заинтересованного лица подать заявление об отказе от права на товарный знак либо заключить договор на отчуждение исключительного права на определенный товарный знак;
- 4) нет в наличии доказательств, указывающих на то, что товарный знак не использовался по обстоятельствам, не зависящим от правообладателя.

Можно рассмотреть перечисленные условия с практической точки зрения.

Выполнении первого условия вызывает небольшие затруднения на практике, так как здесь четко оговорены временные границы. То есть существует четкое определение и обозначение начала срока. Этот момент начинается по факту регистрации товарного знака. Также однозначно понимается указание на непрерывность использования.

Если рассматривать второе условие с практической точки зрения, то представляется актуальным следующий пример из судебной практики. Верховный Суд РФ 5 июля 2018 года принял решение по делу № 300 — ЭС18–3308. Было принято решение прекратить правовую охрану товарного знака (свидетельство РФ № 327632). В качестве причины указывалось не использование данного товарного знака как средства индивидуализации предоставления услуг по продаже недвижимости. Товарный знак использовался в рамках договоров аренды жилья, что явно не соответствовало той деятельности, которая была указана при регистрации [7].

Рассматриваемое условие тем самым четко устанавливает рамки использования товарного знака. В соответствии с ним товарные знаки могут использоваться только для индивидуализации той деятельности, которая была указана в процессе регистрации.

Если же товарный знак будет использоваться для индивидуализации другого вида деятельности, не указанного при регистрации, то это не будет считаться исполнением прописанных обязанностей.

При наличии третьего условия происходит определение субъектного состава рассматриваемой процедуры прекращения правовой охраны товарного знака. Кроме законного правообладателя в данном процессе принимает участие еще заинтересованное лицо. И именно только заинтересованное лицо может направить предложение правообладателю о том, чтобы он подал заявление на отказ от права использования товарного знака.

Приведем в качестве примера мнение М. В. Таболо, который считает, что в качестве заинтересованного лица может выступить любое лицо, а вот установить конкретные признаки для такого лица представляется недопустимым [4, с. 139].

Роспатент же, в свою очередь, устанавливает, что в качестве такого лица может выступать индивидуальный предприниматель либо же определенное юридическое лицо, являющееся параллельно и производителем товаров (работ, услуг), которое изъявило желание использовать товарный знак для своих целей, в плане индивидуализации товаров, работ и услуг.

По нашему мнению, в качестве заинтересованных лиц могут выступать как индивидуальные предприниматели, так и юридические лица, которые изъявляют желание произвести регистрацию товарного знака, не используемого непрерывно в течение 3-х лет, для дальнейшего его использования (индивидуализации товаров, работ и услуг). Если же заинтересованное лицо желает использовать товарный знак для других целей, то его действия необходимо признать неправомерными. Заинтересованность же лица возникает при подаче лицом искового заявления установленного образца и оплаты государственной пошлины.

Четвертое условие является самым противоречивым. Противоречивость заключается в том, что в ГК РФ отсутствует перечень обстоятельств (причин), которые оговариваются в условии.

Другими словами, в гражданском законодательстве не рассматриваются подобные случаи, закреплено лишь абстрактное суждение в п. 3 ст. 1486 ГК РФ (по не зависящим от правообладателя обстоятельствам).

К примеру, М. В. Таболо к данным причинам причисляет отсутствие необходимого спроса на какие-либо товар или услуги. Также упоминает необходимость лицензирования товаров и услуг или проведение испытательных мероприятий [5, с. 99].

Есть и другие мнения авторов, отмечающих существование множества факторов, которые можно отнести к событиям непреодолимой силы, таким как эпидемия, наводнение, война, которые необходимо закрепить законодательно [3, с. 55].

По нашему мнению, невозможно предусмотреть все сведения о фактах неиспользования товарного знака в законодательстве. Причиной тому является непрерывное развитие нашей цивилизации, объем и нюансы явлений которой просто невозможно разместить в нормативном правовом акте, в связи с чем считается уместным присутствие установленной оценочной категории. Процедура прекращения правовой охраны товарного знака позволит существенно разгрузить государ-

ственный реестр в связи со своевременным удалением из него неиспользуемых товарных знаков. Также будет способствовать предотвращению недобросовестной регистрации тех товарных знаков, которые заведомо не планируют использовать по назначению.

В заключение отметим, что в настоящее время положения гражданского законодательства, которые регулируют отношения, возникающие при неиспользовании товарного знака, способствуют защите прав и законных интересов как правообладателей, так и заинтересованных лиц.

Литература:

1. Романов С. С. Товарный знак: понятие и виды // Таврический научный обозреватель. 2018. № 12. С. 65–71.
2. Исютин-Федотков Д. «Товарный знак» и «торговый знак» в публичных закупках // Прогноз.рф. 2019. № 54. С. 71–74.
3. Наврузалиева В. Н. Понятие и признаки товарных знаков и знаков обслуживания в современных рыночных условиях // Юридические исследования. 2019. № 3. С. 53–56.
4. Таболо М. В. К вопросу о теоретическом понимании досрочного прекращения правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2018. № 14. С. 137–147.
5. Таболо М. В. О недостатках статьи 1486 ГК РФ: когда не следует применять досрочное прекращение правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 97–105.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.03.2019 № Ф09–1286/19. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=200808#09989496796580364> (дата обращения: 11.09.2022).
7. Определение ВС РФ от 05.07.2018 по делу № 300-ЭС18–3308. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&> (дата обращения: 10.09.2022).

Правовая природа обычая как источника семейного права

Балакшина Юлия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Караваев Николай Викторович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Обычай — это правило, форма поведения, в которой закреплено то, что сложилось в результате многолетней социальной практики. С появлением государства соблюдение обычая обеспечивается принудительной силой государства. Обычное право понимается как совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их многократного традиционного применения и санкционированных государственной властью. Обычай как социально-правовая конструкция направлен на эффективность, укрепление, оздоровление гражданского оборота и укрепление семьи, семейных ценностей, традиций, обрядов и в целом на укрепление государства, основ отношений в обществе. Обычай по своей природе и характеру является общественным неофициальным актом, пользующимся «покровительством» государства.

Ключевые слова: обычай, семейное право, семейные отношения, законодательство, правило поведения, норма.

The legal nature of custom as a source of family law

Custom is a rule, a form of behavior in which what has developed as a result of many years of social practice is fixed. With the advent of the State, the observance of custom is ensured by the coercive force of the State. Customary law is understood as a set of unwritten rules of conduct (customs) that have developed in society as a result of their repeated traditional application and sanctioned by state power. Custom as a socio-legal structure is aimed at efficiency, strengthening, improving civil turnover and strengthening the family, family values, traditions, rituals and, in general, strengthening the state, the foundations of relations in society. Custom by its nature and nature is a public unofficial act that enjoys the «patronage» of the state.

Keywords: lease agreement, lease, leasing, financial lease.

Правовой обычай — понятие, определяющее один из существующих источников права, который появился как следствие применения одной и той же модели поведения, приемлемой в обществе, в однотипных ситуациях на протяжении продолжительного временного промежутка и в настоящее время закрепленный на государственном уровне [5, с. 77–79].

В свое время обычай выступал основным источником права, однако постепенно, с развитием отношений и утратой актуаль-

ности того или иного правового обычая, утратил свои лидирующие позиции в пользу нормативно-правовых актов, судебных прецедентов и иных источников права.

На сегодняшний день обычай по-прежнему выступает в качестве источника права в существующих системах права.

Однако обычай как источник права теперь встречается лишь в отдельных отраслях:

— Семейном праве;

- Гражданском праве;
- Торговом праве;
- Конституционном праве.

В юридической литературе под источниками семейного права понимается форма внешнего выражения и закрепления семейно-правовых норм. В качестве источников семейного права рассматриваются Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, другие законы, подзаконные акты, судебная практика и правовые обычаи. В то же время правовое значение обычая в брачно-семейных отношениях является одной из наиболее интересных и малоизученных проблем как в рамках общей теории права, так и отраслевых юридических наук [4, с. 3].

Под обычаем как источником семейного права мы понимаем установленное правило поведения, закрепленное на уровне постоянных моделей поведения в конкретных случаях семейных правоотношений. Так, например, Д. Я. Самоквасов писал о важности обычного права в жизни села. Он пришел к выводу, что крестьянин в большинстве своих семейных и общественных отношений не знал норм законодательства, но определял свое отношение к семье и общине на основе правовых понятий, которые существовали в деревне в течение длительного времени [6, с. 245].

В то же время обычай, в отличие от привычки, имеет так называемую предписывающую составляющую: все члены общества придерживаются такого поведения при любых обстоятельствах, и нарушение обычая может повлечь за собой санкции, начиная от общественного неодобрения до разных форм наказания.

Правовой обычай, таким образом, является общим понятием для всех отраслей права, поскольку в совокупности представляет собой способ поведения, упорядоченный набор действий, привычный для членов любой социальной группы или общества в целом, и свой собственный способ удержания и контроля «субъектов-пользователей» правового обычая от его нарушения. В этом смысле мы можем говорить о стандартном правиле социального поведения, укорененном и передаваемом из поколения в поколение, от группы к группе, в рамках правовых отношений разной динамики развития.

Это правило соблюдается, потому что: 1) так делалось всегда (например, крестьянский обычай) или 2) так делают все (торговый обычай). Важно учитывать, что чем чаще соблюдается правило поведения, тем меньше сомнений возникает в существовании наиболее распространенной нормы.

И сегодня, одним из дискуссионных вопросов в российской юридической науке является вопрос об обычае как источнике российского права. Такие известные ученые, как Е. Н. Трубецкой, Д. И. Мейер, Н. М. Коркунов, Ю. С. Гамбаров, Е. А. Суханов и многие другие освещали в своих научных трудах проблемы применения обычая в качестве источника права.

Так, рассуждая об обычае, Н. Л. Дювернуа замечал, что «громкая масса норм неписаного права допущена законодателем к применению в низших судебных инстанциях, где и кончается их неизвестность. Эти обычные нормы не собраны, не записаны, за незначительными исключениями, не приведены к единству; между тем несомненно, что ими руководствуется самая значительная часть низших слоев русского народа» [3, с. 43–51].

М. Н. Марченко говорил о том, что «обычай санкционированное в прямой или косвенной форме государством правило поведения, сложившееся в обществе, в результате его многократного и длительного применения. Он является одним из древнейших и одним из важнейших для ранних правовых систем источников права». М. И. Брагинский, В. В. Витрянский определяют обычай как «правило поведения, основанное на длительности и многократности его применения».

В настоящее время основным источником правового регулирования семейных отношений в Российской Федерации считается Семейный кодекс Российской Федерации. Определение источников регулирования семейных отношений в самом Семейном кодексе содержится в статье 3 СК РФ и включает указание только на семейное законодательство.

Обычай упоминается в СК РФ только один раз — в терминах наименования (статья 58). В то же время статья 4 СК РФ устанавливает возможность применения норм гражданского законодательства к регулированию семейных отношений, не урегулированных СК РФ [2].

С внесением изменений в статью 5 Гражданского кодекса Российской Федерации значительно расширилась сфера применения обычая как источника гражданского права. Теперь его использование не ограничивается только сферой предпринимательской деятельности, как это было установлено для обычаев делового оборота.

В настоящее время устоявшееся и широко применяемое правило поведения признается обычаем. Поскольку нормы гражданского законодательства распространяются на семейные отношения, это означает, что норма статьи 5 Гражданского кодекса Российской Федерации также подлежит применению.

В статье 5 ГК РФ указано, что обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Обычай, противоречащий обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются [1].

На основании статьи 5 ГК РФ можно выделить и признаки обычая как источника семейного права:

- обычай представляет собой правило поведения. Несмотря на то, что обычай не санкционирован государством, он помогает регулировать семейные отношения;
- признается лишь сложившийся, длительное время действующий и достаточно определенный в своем содержании обычай. Данный признак обычая означает, что обычай должен быть неоднократно применен и широко использован в той или иной сфере правоотношений;
- обычай действует независимо от того закреплён ли он в каком-либо документе. Как правило обычаи не зафиксированы в Конституции РФ и используются в силу многократного применения;
- обычай признается российским обществом в целом либо специальными субъектами, к которым он обращен. В некоторых субъектах Российской Федерации обычаи имеют для общества такое же значение, как и законодательные акты РФ;

— обычай не противоречит основам нравственности и правопорядка в РФ. Те обычаи, которые не противоречат законодательству РФ применяются и используются в различных сферах общественной жизни.

К принципам правового обычая, характеризующим его, относятся:

— Принцип локальности. Распространение применения зачастую ограничивается территориально или этнически, либо по сфере применения;

— Принцип взаимодействия с иными социальными нормами;

— Принцип консервативности. Поскольку обязательность конкретного поведения сложилась в результате регулярного повторения такого поведения в типичных ситуациях на протяжении определенного времени и трансформаций не претерпевало;

— Обязательность приемлемого для государства правового обычая передается за счет санкции;

Обычное право следует рассматривать в единстве с другими его формами, поскольку имеет место целая правовая система с определенной иерархией источников, каждый из которых выполняет свои функции и представляет значение в целом. Понятие правовой обычай наравне с другой формой права выполняет функции определения правил поведения, ввиду чего

имеется определенное соотношение норм права и обычаев, выражающееся в ряде общих признаков:

— Всеобщность. Правило поведения охватывает неопределенный, неперсонифицированный круг лиц.

— Обязательность. Нарушение или неисполнение правила влечет порицание со стороны общества и государства.

Помимо единства принципов, функций и черт, имеются и отличительные особенности:

— Происхождение. Появление обычая связано с появлением человеческого общества, а иные источники права возникли как следствие государственно-организованного общества;

— Форма выражения. Обычаю присущ устный характер, закрепленный на подсознательном уровне людей. Иные формы права предусматривают письменное оформление;

— Способ обеспечения реализации. Правовой обычай, а точнее его обязательность, подкреплен мнением общественности.

Таким образом, можно сказать о том, что обычай обладает рядом признаков, благодаря которым его можно идентифицировать. Все эти признаки позволяют сделать вывод о том, что он играет значимую роль в регулировании общественных и семейных отношений, поскольку позволяет наряду с нормативно-правовыми актами в той или иной степени защищать свои права и законные интересы в различных сферах жизни общества.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. — Москва, 2022. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022).
3. Александров Н. Г. Понятие источников права. Ученые труды ВИЮН. М., 1946. Выпуск VIII. С. 43–51.
4. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. М., 2004. С. 3
5. Казарян А. Т. Особенности национальной правовой системы России / А. Т. Казарян // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4–2. С. 77–79.
6. Самоквасов Д. История русского права. Варшава, 1878. Т. 1. С. 245.

Экологическая правовая ответственность: сущность и признаки

Бурдина Анастасия Андреевна, студент магистратуры;
Беляева Ая Абильтманатовна, кандидат юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Проблема эколого-правовой ответственности в современном мире представляется одной из наиболее актуальных вопросов экологического права. Среди проблем выделяется отсутствие единой целостной системы, теоретической концепции такого вида ответственности. При этом, основная часть исследователей считают экологическую правовую ответственность самостоятельным видом юридической ответственности. Однако, не все разделяют такую точку зрения, что обуславливает необходимость исследования поставленной проблематики более подробно.

Цель исследования — комплексное изучение особенности экологической правовой ответственности в российском праве.

Ключевые слова: экологические правонарушения, административная ответственность, эколого-правовая ответственность, юридическая ответственность.

Эколого-правовая ответственность проявляется в двух аспектах. Она рассматривается как возникновение и развитие в установленном порядке особого положения субъек-

тов претерпевать, как принято, предусмотренные правовой нормой принуждения, в форме лишения или ограничения личного, имущественного либо организационного назначения на

нарушение правил и условий осуществления деятельности, которая связана с экологическим законодательством. Такая позиция дает возможность разделить в исследуемом понятии такие взгляды правовой науки относительно юридической ответственности, которые способствуют формированию непосредственно эколого-правовой ответственности в качестве нового явления и института, подходящего для последующих научных разработок и эффективной юридической практики.

Как отмечается в ряде исследований, признание в системе юридической ответственности эколого-правовой ответственности, которая призвана, в первую очередь, возместить экологический вред, стало сильной предпосылкой и для обеспечения возмещения такого вреда, и для достижения более важной цели, заключающейся в создании условий благоприятного социально-экономического развития [2, С. 80].

Придерживаясь того мнения, что эколого-правовая ответственность состоит из двух частей, можно отметить, что первая часть ответственности возникает из природоохранных правоотношений по факту нарушения требования охраны природной среды. Вторая часть, в свою очередь, возникает из уголовных, административных, гражданский и трудовых правоотношений, которые складываются по причине применения соответствующих санкций за совершенные правонарушения [4, С. 93].

Со временем такая концепция была реформирована В.В. Петровым, которые толковал эколого-правовую ответственность в качестве экономико-правового комплекса, соединяющего в себе нормы права и соответствующие им отношения по возмещению и предупреждению вреда природной среде. Так, были выделены две формы эколого-правовой ответственности: экономическая и юридическая. При этом, эколого-экономическая ответственность возникает не по факту правонарушения, а по факту причинения правомерного вреда. Она выражается взысканием в бесспорном порядке денежных сумм в виде компенсации за причиненный вред. Такой взгляд на проблематику оказал значительное влияние на дальнейшее развитие теории эколого-правовой ответственности.

В общем и целом, нужно отметить, что основная доля исследователей придерживаются того мнения, что в практике работы правоохранительных органов необходимо применять только «классические» формы юридической ответственности. Например, С.А. Боголюбов полагает, что при сохранении четырех традиционных видов ответственности за совершение экологических правонарушений, которыми являются дисциплинарная, гражданская, административная и уголовная, необходимо избегать дублирования норм каких-либо кодифицированных законов Российской Федерации. При этом автор считает необходимым предусмотреть нечто новое, относящееся к правонарушениям в данной области.

В научной литературе отмечено, что хоть нарушение законодательства области природопользования и охраны окружающей среды законодателем предусматриваются только традиционные формы ответственности, сами экологические правонарушения и меры воздействия за них содержатся в различных главах правовых актов, но не в тех, которые посвящены ответственности.

Необходимо признать, что в природоохранных отношениях имеет экологическая правовая ответственность в виде разновидности юридической ответственности. Она возникает в форме приостановления, ограничения и прекращения прав природопользования: аннулирование лицензии, лесорубочного и лесного билета, ордера, разрешения на отстрел и отлов животных, расторжение договора аренды и концессии в лесопользовании, землепользовании, водопользовании, недропользовании и прочее [5, С. 105].

Чтобы выделенные меры эколого-правовой ответственности можно было расценивать как вид юридической ответственности, она должна обладать рядом правовых признаков, коими являются следующие:

- наличие правового характера, предусмотренного законодательством;
- наступление таковой за совершение правонарушения;
- наличие принудительного характера;
- применение таковой соответствующими государственными властными органами.

Как уже отмечалось, существуют сторонники той позиции, что эколого-правовая ответственность представляется самостоятельной, особой разновидностью юридической ответственности.

Еще одни считают, что эколого-правовая ответственность — это условность. А некоторые вообще не признают такую форму ответственности.

Как бы то ни было, основная доля исследователей признают эколого-правовую ответственность правовым институтом, представляющим совокупность юридических норм, которые закрепляют виды, средства и порядок применения государством и его органами принудительных норм. В меньшинстве осталась та группа исследователей, которая придерживается позиции существования традиционных видов юридической ответственности в области охраны окружающей среды и рационального природопользования, не выделяя эколого-правовую ответственность в качестве самостоятельной формы юридической ответственности [2, С. 79].

В целом, считаем целесообразным придерживаться того мнения, что эколого-правовая ответственность представляет собой и обязанность лица претерпевать неблагоприятные последствия личного либо организационного характера в случае нарушения экологического законодательства, которые предусмотрены законодателем в виде санкций правовых норм, применяемых в конкретном процессуальном порядке с целью полного возмещения экологического вреда до полного восстановления благоприятной окружающей среды. Более того, эколого-правовая ответственность подразумевает самостоятельный вид юридической позитивной ответственности, которая предполагает воздержание совершения правонарушений против окружающей среды.

Среди характерных признаков, свойственных эколого-правовой форме ответственности, исследователи выделяют следующие:

- самостоятельная форма юридической ответственности за экологические правонарушения;

- основная форма юридической ответственности за экологические правонарушения. Этот вид ответственности представляется основным действенным механизмом окружающей среды;
- обязанность экологического правонарушителя принять неблагоприятные последствия;
- эколого-правовой характер неблагоприятных последствий, которые претерпевает правонарушитель;
- установление неблагоприятных последствий санкциями правовых норм, установленных экологическим законодательством;
- возложение в определенном процедурном эколого-процессуальном порядке, специально уполномоченными органами природопользования и охраны окружающей среды;
- отнесение только к институту экологического права;
- наступление ответственности за нарушение экологического законодательства, и некоторые другие признаки [3, С. 60].

Так, можно сказать, что эколого-правовая ответственность, будучи видом юридической ответственности, обладает своими характерными признаками, которые определяются спецификой экологических правоотношений.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Бучков, А. Д. К вопросу об административной ответственности за экологические правонарушения / А. Д. Бучков // Матрица научного познания. — 2020. — № 9–1. — С. 76–82.
3. Желябовская, Д. С. Экологические правонарушения и ответственность. Часть 1 / Д. С. Желябовская // Экология производства. — 2022. — № 6 (215). — С. 56–63.
4. Коротыш, Я. А. Административное правонарушение в сфере экологического права / Я. А. Коротыш // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения. — 2021. — С. 92–96.
5. Пирова, Р. Н. Направления совершенствования законодательства об административной ответственности за совершение экологических правонарушений / Р. Н. Пирова // Евразийский экономический журнал. — 2022. — № 3 (166). — С. 104–106.

Административная ответственность за экологические правонарушения

Бурдина Анастасия Андреевна, студент магистратуры;
 Беляева Ая Абильманатовна, кандидат юридических наук, профессор
 Московский финансово-юридический университет МФЮА

Административная ответственность представляет собой самый распространенный вид юридической ответственности, которая наступает за правонарушения в сфере природопользования и охраны окружающей среды. В этой связи, автор исследует сущность, признаки и порядок наступления административной ответственности за совершение экологических правонарушений.

Цель исследования — анализ особенностей административной ответственности за совершение экологических правонарушений.

Ключевые слова: экологические правонарушения, административная ответственность, эколого-правовая ответственность, юридическая ответственность.

Административная ответственность за экологические правонарушения заключается в применении компетентным органам государства мер административного взыскания за совершение правонарушений в области природопользования и охраны окружающей среды. Наступление

В завершении исследования отметим, что среди прочих форм юридической ответственности за экологические правонарушения эколого-правовая ответственность максимально полно учитывает правовую природу охраны окружающей среды и устанавливает единую терминологию. Не выделяя и не предавая особого статуса данному институту, не будет возможности создать надежную и стройную систему охраны окружающей среды. Из этого следует, что эколого-правовая ответственность должна рассматриваться в различных плоскостях, коими являются:

- вид юридической ответственности;
- институт экологического права;
- часть структуры правовой культуры общества;
- институт гражданского общества;
- гарантия реализации населением функций защиты окружающей среды.

Экологическая форма правовой ответственности — это новая, нетрадиционная разновидность юридической ответственности, свойственная области охраны окружающей среды. В этой связи, данная область ответственности является очень важной для исследования.

такого вида ответственности регулируется нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1] и экологическим законодательством. В кодифицированном законе таким видам правонарушений посвящена 7 глава.

Отметим, что меры административной ответственности, отличаясь от дисциплинарной, применяется не только в отношении должностных и физических лиц, но и в отношении юридических лиц [3, С. 78].

Законодателем Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации предусмотрено несколько видов административных взысканий [1], среди которых следующие:

- предупреждение;
- штраф;
- возмездное изъятие предмета, который является орудием совершения либо непосредственным объектом административного правонарушения;
- конфискация предмета, ставшего орудием совершения либо непосредственным объектом административного правонарушения;
- лишение специального права (например, право управления транспортным средством, право охоты и так далее);
- исправительные работы;
- административный арест [4, С. 59].

Статья 25 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации устанавливает, что возмездное изъятие и конфискация предметов, которые представляют значение в сфере охраны окружающей природной среды, особенно дикой фауны, может быть применено и как основная, и как дополнительная административная санкция, в то время, как все другие виды административных взысканий применяются только в качестве основных мер наказаний [8, С. 248].

Таким образом, за совершение одного административного правонарушения виновному лицу может быть назначено либо основное, либо основное и дополнительное наказание. Применяя административное взыскание, соответствующими органами или должностными лицами учитывается характер совершенного правонарушения, личность правонарушителя, степень вины, имущественные положения, а также обстоятельства, которые смягчают или отягчают наказание.

В свою очередь, такой важный документ в исследуемой области, как Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» предусматривает такие виды экологического правонарушений [2], совершение которых влечет за собой наступление административной ответственности:

1. Несоблюдение стандартов, норм и других нормативов качества окружающей природной среды.
2. Неисполнение обязанности по проведению государственной экологической экспертизы и требований, которые содержатся в заключении экологической экспертизы, а также в предоставлении заведомо ложных и необоснованных экспертных заключений.
3. Нарушение экологических требований при планировании, технико-экономическом обосновании, проектировании, размещении, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации предприятия, сооружений, технологических линий и других объектов.
4. Загрязнение природной среды и причинение по причине этого вреда здоровью человека, животному и растительному миру, а также имуществу граждан и организаций.

5. Повреждение природных объектов, включая памятники природы, истощение и разрушение природно-заповедных комплексов и естественных экологических систем.

6. Нарушение установленного порядка либо правил добычи, сбора, заготовки, продажи-покупки, приобретения, обмена, пересылки, ввоза-вывоза с территории Российской Федерации объектов растительного и животного мира, продуктов их происхождения, а также ботанических, минералогических и зоологических коллекций.

7. Нарушение выполнения либо невыполнение обязательных мер по восстановлению нарушенной окружающей природной среды и воспроизводству природных ресурсов.

8. Несоблюдение предписаний органов, которые осуществляют государственный экологический контроль.

9. Нарушение требований экологических норм и правил в части обезвреживания, переработки, утилизации, складирования либо захоронения производственных и бытовых отходов.

10. Нарушение экологических требований при использовании в народном хозяйстве и захоронении радиоактивных материалов, химических и других вредных веществ.

11. Превышение установленных уровней радиационного воздействия и прочее.

Самая распространенная мера административной ответственности, которая устанавливается за совершение экологических правонарушений, — это штраф. Определенный размер полагаемого штрафа определяется не только характером и видом совершенного правонарушения, степенью вины правонарушителя и причиненным вредом. Более того, размер штрафа зависит также от полномочий, которые предоставлены соответствующему органу, назначаемому штрафные санкции [7, С. 105].

Штрафы за административные правонарушения в области экологии назначаются специально уполномоченными на то государственными органами в области охраны окружающей среды, а также регулирования использования природных ресурсов в соответствии с их компетенцией. Право применения таких мер принадлежит специальным комиссиям, сформированным и осуществляющим свою деятельность при исполнительных органах власти, а также органам внутренних дел и должностным лицам контрольно-надзорных органов. Отметим, что меры административной ответственности определяются и назначаются без обращения в суд, по упрощенной процедуре. Штрафные санкции максимально четко и активно используются на нарушение водного законодательства [6, С. 93].

Суммы налагаемых штрафных санкций должны быть перечислены на специальные счета государственных экологических фондов. Как правило, постановление о назначении штрафа в административной порядке можно обжаловать в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде. При этом, оплата штрафа не является поводом для освобождения виновных лиц от обязанности возмещения причиненного ущерба [5, С. 21].

В завершении отметим, что привлечение к ответственности в виде штрафа, вне зависимости от его размера, не есть осно-

ванием освобождения правонарушителя от обязанности возместить причиненный вред. Это аргументируется тем фактом, что хотя штрафы и носят материальный характер, но все же они являются мерой наказания, но не возмещением причиненного

ущерба. Более того, суммы штрафов направляются не потерпевшему на возмещение вреда, а на специальные счета внебюджетных экологических фондов в соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2022 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Бучков, А. Д. К вопросу об административной ответственности за экологические правонарушения / А. Д. Бучков // Матрица научного познания. — 2020. — № 9-1. — С. 76-82.
4. Желябовская, Д. С. Экологические правонарушения и ответственность. Часть 1 / Д. С. Желябовская // Экология производства. — 2022. — № 6 (215). — С. 56-63.
5. Иванов, Р. А. Административная ответственность за экологические правонарушения / Р. А. Иванов // Студенческий вестник. — 2022. — № 10-2 (202). — С. 20-23.
6. Коротыш, Я. А. Административное правонарушение в сфере экологического права / Я. А. Коротыш // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения. — 2021. — С. 92-96.
7. Пирова, Р. Н. Направления совершенствования законодательства об административной ответственности за совершение экологических правонарушений / Р. Н. Пирова // Евразийский экономический журнал. — 2022. — № 3 (166). — С. 104-106.
8. Сайфулина, Г. Ш. Административная ответственность за экологические правонарушения: к определению дефиниции / Г. Ш. Сайфулина // Молодой ученый. — 2022. — № 17 (412). — С. 247-249.

Понятие и содержание специальных знаний в уголовном процессе

Виноградова Виктория Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автором проанализированы различные точки зрения относительно определения понятия «специальные знания» в уголовном процессе его содержания. Предпринята попытка раскрыть вопрос актуальности введения в уголовно-процессуальный закон легального понятия специальные знания. Сформулировано авторское определение специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: специальные знания, уголовный процесс, применение специальных знаний, преступления, расследование преступлений, уголовное судопроизводство.

Concept and content of special knowledge in criminal proceedings

Vinogradova Viktoriya Alekseevna, student master's degree
Saratov State Law Academy

In this article, the author analyzed various points of view regarding the definition of the concept of «special knowledge» in the criminal process of its content. An attempt was made to reveal the question of the relevance of introducing the legal concept of special knowledge into the criminal procedure law, and appropriate changes were proposed in the Criminal Procedure Code. The author's definition of special knowledge in criminal proceedings was formulated.

Key words: special knowledge, criminal process, application of special knowledge, crimes, investigation of crimes, criminal proceedings.

Применение специальных знаний в уголовном процессе помогает и упрощает уголовное судопроизводство Российской Федерации на протяжении многих лет. Специальные знания качественно способствуют раскрытию преступлений в современном мире. Специальные знания применялись еще

в уголовном судопроизводстве на Руси и позднее, начиная с XI века, когда к расследованию преступлений, в частности уголовного характера, привлекались врачи, лекари, аптекари, т.е. лица, обладающие специальными знаниями, Тем не менее, многолетнее существование и применение специальных знаний

в уголовном судопроизводстве не детерминировало появление определения термина «специальные знания» в современном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [1]. В уголовно-процессуальной теории постановка вопроса о понятии «специальные знания» вызывает волну обсуждений и различных точек зрения. Однако, общего подхода к определению специальных знаний в уголовном процессе у ученых пока не выработано.

Рассмотрим, основные позиции ученых-юристов по данному вопросу и сформируем собственную точку зрения относительно определения данного понятия.

Есть категория ученых, которые при определении понятия специальные знания учитывают преимущественно их профессиональный характер. К примеру, ученый В. М. Галкин именуется специальными познаниями те, что приобретены при помощи специального образования или профессионального опыта. Ученый А. А. Эйсман под специальными познаниями понимает знания не общеизвестные, не общедоступные, т.е. знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов.

По мнению Н. С. Новодрановой, нужно обратить внимание на свойства данного понятия, затрудняющие его доктринальную разработку [6, с. 248].

Есть ученые, отмечающие в предложенном определении исследуемого термина важность особенностей уголовного судопроизводства при применении специальных знаний. Так, по мнению И. Н. Сорокотягина, «специальные знания в уголовном судопроизводстве есть совокупность знаний о науке, технике, искусстве, ремесле, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта и применяемых для получения доказательственной, оперативно-розыскной и иной информации, которая необходима для раскрытия и расследования преступлений» [8, с. 5]. Сходной точки зрения придерживается и ученый Е. И. Зуев, отмечающий профессиональность специальных знаний и подчеркивающий важность их применения в уголовном процесс при установлении истины [5, с. 8].

Однако, есть ученые-юристы с нетривиальным подходом к пониманию термина «специальные знания». Например, Д. В. Зотов пишет о том, не видит разделения между общедоступными и специальными знаниями, отмечая, что такое деление носит скорее условный характер в силу высокой динамичности научных знаний [4, с. 71]. Такая точка зрения является интересной и дискуссионной, однако, на наш взгляд, не совсем правильной, в силу многих причин, которые будут приведены чуть позже при формулировании авторской позиции и авторского определения термину «специальные знания»

Стоит подчеркнуть тот факт, что при исследовании данной проблемы ученые используют два термина «специальные знания» и «специальные познания» в равной степени отождествляя и не отождествляя их. На наш взгляд, такие понятия стоит отграничивать друг друга, отмечая их сходство и общие черты, по причине того, что в данных терминах есть существенные отличия. Ряд ученых, к примеру В. Д. Арсеньев, отмечая различия в данных понятиях опираются то, что специальными являются те знания, которые получены в результате научной и практической деятельности и зафиксированные в научной и учебной литературе, специальные же познания — те знания, которые полу-

чены лицами путем теоретического и практического обучения по определенному виду деятельности и приобретения соответствующих навыков.

По мнению, А. Ф. Соколова и М. В. Ремизова, «анализ определения понятия »специальные знания« позволяет сделать вывод о том, что одни ученые включают в их структуру практические навыки, а другие такие навыки не выделяют в качестве составного элемента вышеупомянутого понятия» [7, с. 5].

На наш взгляд, при определении понятия «специальные знания» важен комплексный подход, в силу специфики предмета исследования и отсутствия четких границ у данного понятия. Легальное направление для формулирования данного определения нам дает ст. 9 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2]. Данный нормативный акт содержит определение судебной экспертизы, как предусмотренное законом РФ о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Такое определение дает нам законодательно закрепленное понимание того, что в уголовном судопроизводстве существуют обстоятельства, требующие совершения процессуальных действий в виде привлечения лиц, обладающих специальными знаниями. Какими именно, закон не говорит. Вероятно в силу того, что специальные знания соответствующих лиц (специалистов, экспертов) могут быть из разных областей и получены различными способами, например, образование, практический опыт. Согласно правовой позиции ВС РФ, выраженной в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 в контексте судебной экспертизы речь идет о специальных знаниях в науке, технике, искусстве или ремесле [3].

На наш взгляд, для признания знаний в уголовном судопроизводстве «специальными» требуется учитывать несколько важных качеств, коими такие знания обязаны обладать и соответствовать. Важно учитывать не только форму, область, цели и качество таких знаний, но и те черты (качества), которыми должен обладать субъект или носитель специальных знаний, такие, как его образование, опыт, его сфера деятельности. Итак, носитель специальных знаний, по нашему мнению, должен обладать не общедоступными знаниями, приобретенными с помощью полученного им профессионального образования, профессиональной подготовки или практического опыта. Законодатель в ст. 70 УПК РФ именуется обладание лицом специальными знаниями его компетентностью. А. Ф. Соколов и М. В. Ремизов отмечают, что, «практике известны случаи привлечения в качестве специалистов стеклодувов, сапожников и других лиц, которые являются узкими специалистами своего дела, специальные знания которых получены в результате их практической деятельности» [7, с. 70]. Однако, стоит подчеркнуть, учитывая важность критерия общедоступности, «расплывчатость» его границ, что делает его субъективным. Важно отметить, что такие знания обладают сложностью. Объективная важность и необходимость использования специальных знаний при расследовании преступлений возникает в тех случаях, когда лица, участвующим в уголовном процессе требуется более полное представление со стороны лица, обладающего глубокими по-

знаниями в той или иной сфере, например, в науке. Такая необходимость порождает проведение такого процессуального действия, как назначение экспертизы, в соответствии со ст. 195 УПК РФ.

Таким образом, на основании изложенного, мы можем сделать вывод и сформулировать авторскую позицию, относительно понимания сущности определения «специальные знания» в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению,

«специальными знаниями» в уголовном процессе являются не общедоступные знания, умения и навыки в науке, ремесле, технике, а также иных сферах, полученные лицами, владеющими такими знаниями посредством приобретенного профессионального образования, накопленного опыта и профессиональной деятельности, используемые для расследования (уголовного дела) преступлений и осуществления разумного и справедливого правосудия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 26 сентября 2022 г. N39 ст. 6535
2. Федеральный закон от 31.05.2001 N73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N27 (часть I) ст. 5101
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета от 16 июля 2021 г. N159
4. Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. 86 с.
5. Зуев Е. И. Современное представление о специальных познаниях в судопроизводстве // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1985. Вып. 1
6. Новодранова, Н. с. О понятии «специальные знания» в уголовном процессе / Н. С. Новодранова // Научный альманах.— 2018.— № 6–1(44).— С. 248
7. Соколов Ф. А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / А. Ф. Соколов, М. В. Ремизов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова.— Ярославль, 2010. С. 70
8. Сорокотягин И. Н. Специальные познания в расследовании преступлений / И. Н. Сорокотягин; Отв. ред. Л. Я. Драпкин.— Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984.— 119 с.

Особенности административной ответственности должностных лиц в Российской Федерации

Голенко Марина Сергеевна, студент магистратуры;
Шепелева Екатерина Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Исследуя и анализируя современную обстановку, можно с полной уверенностью заявить, что административные правонарушения, которые совершаются должностными лицами, занимают самый большой удельный вес во всем объеме правонарушений такой категории субъектов. При этом, отмечается, что институт административной ответственности должностных лиц в современных условиях изучен на недостаточном уровне.

Автором определены основные особенности административной ответственности должностных лиц и руководителей, а также обозначены основные виды административной ответственности таких субъектов.

Ключевые слова: административная ответственность, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, должностные лица, руководители организаций, административные наказания

Административная ответственность представляется таким видом юридической ответственности, которая выражена в применении государственными органами, должностными лицами и представителями власти установленных мер воздействия. Административная ответственность наступает, когда правонарушение не обладает признаками состава преступления в соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, каждое государственное лицо несет

ответственность за жизнь, здоровье и безопасность своего персонала. Однако, организации не всегда соблюдают требования трудового законодательства, что приводит к наложению административных штрафов [8, С. 175].

В Российской Федерации вопросы привлечения к административной ответственности регламентируются нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Этот кодифицированный закон направлен на

регламентацию порядка наложения административных наказаний как на юридических, так и на физических лиц. К числу последних, в частности, можно отнести руководителей юридических лиц, их должностных лиц и рядовых сотрудников.

С точки зрения Кодекса об административных правонарушениях к числу должностных лиц можно отнести сотрудников коммерческих предприятий, организаций и государственных структур, осуществляющих деятельность в пределах своей компетенции, которая определяется их служебным положением. Иначе говоря, сотрудник организации может быть оштрафован как должностное лицо в случаях, когда им было совершено административное правонарушение при исполнении своих служебных обязанностей. Такие же санкции могут настичь и руководителей юридических лиц [4, С. 30].

Важно отметить, несмотря на то, что Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации регламентирует большинство вопросов административной ответственности, он постоянно изменяется и корректируется с целью совершенствования административного законодательства.

Само административное законодательство о правонарушениях предусматривает четыре вида наказания в отношении должностных лиц. Первым из таковых является предупреждение, выраженное в официальном порицании, оформленном в письменном виде. Такая мера наказания применяется в случае, когда должностное лицо совершило правонарушение впервые, а само правонарушение не привело к имущественному ущербу и не причинило вред жизни и здоровью людей. Данная санкция предусмотрена статьей 3.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Вторым видом административного наказания, применяемого в отношении должностных лиц, является административный штраф. Это денежное взыскание, которое может быть наложено не только на должностное лицо, но и на руководителя, сотрудника или даже на юридическое лицо.

Следующим видом административного наказания является дисквалификация, которая подразумевает лишение сотрудника права занимать конкретную должность либо управлять юридическим лицом, что предусмотрено статьей 3.11 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1]. Этот вид наказания применяется, когда правонарушение совершено сотрудником, ранее привлекавшимся к административной ответственности. С целью исполнения постановления о дисквалификации необходимо расторгнуть трудовое соглашение с виновным должностным лицом либо перевести его на другую должность. Если речь идет о руководителе, то если в отношении него применяется наказание в виде дисквалификации, — он лишается права управлять соответствующим юридическим лицом [6, С. 371].

Наконец, четвертым видом административного наказания является административное приостановление деятельности, что предполагает прекращение работы юридического лица на определенный срок. Из этого следует, что такая мера административной ответственности может быть применена только в отношении юридического лица. Оно назначается, когда менее

жесткие меры воздействия не приводят к желаемому результату.

Необходимо подробнее выделить особенности административной ответственности руководителей организации. Такая ответственность охватывает широкий круг вопросов, в числе которых охрана труда, пожарная безопасность, выплата заработной платы, взаимоотношения с подчиненными, работа с персональными данными и многие другие. Главным основанием привлечения руководителя к административной ответственности является невыполнение либо ненадлежащее выполнение требований законодательства. Как правило, большое количество правонарушений связывается с организационно-распорядительной либо административно-хозяйственной деятельностью.

Важно обозначить, что до недавнего времени за нарушения норм Трудового кодекса Российской Федерации [2], которые были выявлены по результатам проверки, одновременно привлекали к ответственности и организацию, и должностное лицо. К примеру, при задержке заработной платы работодателю мог быть выписан штраф в размере пятидесяти тысяч рублей, а директору — до двадцати тысяч рублей. На сегодняшний день к административной ответственности привлекается кто-то один. То есть, если директор, кадровый работник или управляющая компания оплатят причитающийся штраф, то сам работодатель будет освобожден от такой обязанности.

Важным в данном случае является то, что инспектор соответствующего контролирующего органа должен установить, что работодателем было сделано все для избегания нарушения правил и норм закона. При этом, действует и обратное правило: инспектор государственной инспекции труда не будет налагать штраф на кого-либо, когда уже была оштрафована организация на сумму выручки от реализации товара, работы, услуги либо цену государственного контракта [7, С. 179].

Начиная с 2022 года, ответственность работодателей, которые относятся к числу субъектов малого предпринимательства и микропредприятий, могут привлечь к административной ответственности по тем же правилам, что и индивидуальных предпринимателей. Другими словами, в отношении них в значительной степени снизились размеры штрафов.

В случаях, когда работодателем было допущено несколько нарушений, влекущих за собой наложение административного штрафа по одной статье, — ему выписывается только один штраф. Если же было нарушено несколько статей (несколько частей одной статьи) Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, — виновному лицу выписывается самый большой размер штрафа, предусмотренный Кодексом. Дисквалификация в качестве санкционной меры применяется только тогда, когда нельзя выписать предупреждение либо штраф. Причем, такое правило распространяется как на работодателей, так и на всех остальных работников юридического лица [6, С. 376].

Когда речь идет о сотрудниках, являющихся должностными лицами организации, таковые привлекаются к ответственности за совершенное правонарушение, когда оно связано с исполнением распорядительных функций. Как правило, к числу должностных лиц относят начальников отделов, ин-

женеров, главных бухгалтеров, специалистов по охране труда и прочих [3, С. 210].

Важно выделить порядок привлечения должностных лиц к административной ответственности. Этот порядок установлен законодателем и включает в себя четыре этапа.

На первом этапе при проведении проверки выявляется нарушение законодательства. Оно может быть выявлено, когда поступила жалоба от подчиненного лица.

На втором этапе соответствующие органы расследуют обстоятельства дела, осуществляют сбор доказательств и составляют протокол.

На третьем этапе протокол и все документы направляются в прокуратуру либо трудовую инспекцию. Такие документы в некоторых случаях рассматриваются также городскими и районными судами, государственными инспекторами либо представителями надзорных органов.

На четвертом и завершающем этапе суд либо другая инстанция выносят постановление о мере административное взыскания, которым может стать, как уже было отмечено, предупреждение, штраф, дисквалификация и приостановление деятельности [5, С. 188].

Административное взыскание накладывается в течение двух месяцев с момента обнаружения нарушения. В некоторых особых случаях осуществляется конфискация объекта правонарушения. То есть, изымается продукция и товары, которые не отвечают техническим или гигиеническим требованиям.

Таким образом, можно сказать, что административная ответственность должностных лиц, руководителей и работодателей в Российской Федерации обладает своими характерными особенностями. Причем, ответственность работодателей представляется большей, а наказание более строгим.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 2868.
3. Измайлова, Д. Э. Должностные лица как субъекты административной ответственности / Д. Э. Измайлова, А. З. Нагучева // Modern Science. — 2021. — № 5–3. — С. 209–213.
4. Кондрашова, А. В. Общая характеристика должностных лиц как субъектов административной ответственности / А. В. Кондрашова // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации. — 2020. — С. 28–32.
5. Пашкова, Е. Н. Особые условия привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции / Е. Н. Пашкова // Сборник научных статей по итогам недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. — 2020. — С. 187–190.
6. Соболева, М. Е. Дисквалификация — мера административной ответственности должностных лиц / М. Е. Соболева // Аллея науки. — 2020. — Т. 1. — № 11 (50). — С. 370–378.
7. Сунагагуллин, Т. Ш. Административная ответственность должностных лиц / Т. Ш. Сунагагуллин // Молодежь и системная модернизация страны. — 2019. — С. 178–181.
8. Ширинян, Р. В. Актуальные проблемы реализации института административной ответственности должностных лиц / Р. В. Ширинян // Молодой ученый. — 2020. — № 40 (330). — С. 173–176.

Понятие и признаки административной ответственности

Голенко Марина Сергеевна, студент магистратуры;
Шепелева Екатерина Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье выделена сущность понятия «административная ответственность», а также обозначены основные признаки административной ответственности в Российской Федерации. Также, автором обозначены ключевые особенности такого вида ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, функции административной ответственности, правонарушения

Вопросы и проблематика привлечения к административной ответственности в Российской Федерации в современных реалиях представляются наиболее обсуждаемыми и дискус-

сионными в правовой науке. Причем, такая тенденция сохраняется уже на протяжении нескольких лет. Например, очень важной представляется проблематика привлечения к админи-

стративной ответственности должностных лиц, которая обладает важной практической ролью, так как она направлена на обеспечение требований правопорядка и осуществление профилактической функции [2, С. 162].

Как и любая другая юридическая ответственность, административная ответственность обладает своими отличительными характеристиками и функциями. Основное внешнего проявления административной ответственности является ее взаимосвязь между должностным лицом (в данном случае), имеющим право осуществлять функции по привлечению к административной ответственности, и личностью, которая принимает на себя обязанность по соблюдению ограничений, которые стали результатом совершения правонарушения и утверждены административным законодательством.

Как отмечают сами правоведы, административной ответственности характерны определенные признаки, которые отличают ее от других видов юридической ответственности. Такими признаками являются следующие:

1) основной фактор привлечения правонарушителя к административной ответственности — это факт совершения административного правонарушения;

2) административная ответственность может быть применена в отношении всех групп лиц: физических, юридических, должностных;

3) для правоправного привлечения лица административной ответственности необходимо руководствоваться основными параметрами, которые утверждены Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации [1] и законами субъектов Российской Федерации в сфере административных правонарушений;

4) административная ответственность обязательно применяется в отношении физических и юридических лиц, когда имеется подтверждение вины этого лица;

5) большая часть случаев привлечения к административной ответственности правонарушителей разрешается в безсудебном порядке;

6) к административной ответственности правонарушителя могут привлечь судьи судом общей юрисдикции, арбитражных судов, организации органов исполняющей власти, комиссии по делам несовершеннолетних и обеспечению их права, объединенные организации, которые сформированы в соответствии с действующими законами субъектов Федерации [5, С. 179].

Представленный перечень особенностей административной ответственности является не исчерпывающим. Например, необходимо обозначить, что характер административной ответственности представляется не таким жестким и строгим, в сравнении с уголовной ответственности. Так, привлечение к административной ответственности не влечет для правонарушителя тяжелых законодательных последствий. В этой связи, правонарушитель не приобретает судимости и не может быть уволен с работы, если речь идет о должностном или физическом лице.

Необходимо определить, что последовательность действий по привлечению к административной ответственности строго подчиняется системе утвержденных процессуальных и административных

законодательных методов, которые заключаются в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации. Процедура принуждения к ответственности административного плана представляется более сложной по характеру в сравнении с процедурой привлечения к дисциплинарной ответственности, но отличается меньшей трудностью и большей результативностью в сравнении с уголовным процессом.

Также подчеркнем, что опротестование деятельности и постановлений органов или должностных лиц по вопросам административной ответственности осуществляется в судебном либо административном порядке. Назначение же мер административной ответственности определяет для правонарушителя установление специального негативного правового последствия, в форме указания срока исполнения административного наказания, которое ему назначено [3, С. 185].

В течении одного года со дня реализации решения о назначении административного наказания в соответствии со статьей 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации лицо может считаться привлеченным к административной ответственности [1].

Важно также обозначить, что административная ответственность выполняет два вида основных функций: защитную (компенсационную) и профилактическую (превентивную). Защитная или компенсационная функция административной ответственности предполагает утверждение для личности, совершившей административное правовое нарушение, ограничения и ущемления, которые призваны возместить ущерб, причиненный охраняемому законом общественному отношению.

Профилактическая или превентивная функция административной ответственности предполагает предотвращение совершения административных правонарушений. Она же, в свою очередь, делится на частную и общую превенцию.

Цель частной превенции заключается в том, что административная ответственность должна быть направлена на предотвращение осуществления в будущем таких правовых нарушений лицом, совершившим административное правонарушение. Принцип общей превенции заключается в установлении оснований и условий, способствующих реализации административного правонарушения, и предотвращению осуществления административных правонарушений иными субъектами права [4, С. 355].

В завершении представленного исследования необходимо выделить совокупность отличительных признаков административной ответственности. Так, само по себе административное законодательство, а соответственно, и административная ответственность, выстраиваются на таких основополагающих признаках, как закономерность, беспристрастная достоверность, виновность, равноправие перед законом, неизбежность наказания, справедливость, рациональность и гуманность.

Таким образом, вопрос административной ответственности представляется очень важным для исследования. Он характеризуется наличием большого количества дискуссий, проблем и трудностей, которые необходимо разрешить в ближайшее время в рамках административного реформирования.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Гостищева, О. С. Правовая сущность административной ответственности / О. С. Гостищева // Молодой ученый. — 2022. — № 6 (401). — С. 161–164.
3. Зименкова, И. И. Административная преюдиция как междисциплинарный институт / И. И. Зименкова // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — Т. 14. — № 7. — С. 181–186.
4. Игнатъева, И. В. Сущность и отличительные признаки административной ответственности / И. В. Игнатъева, И. И. Зедгенизова, Е. Л. Власова // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020. — Т. 16. — № 2. — С. 354–357.
5. Самсонова, А. В. Общетеоретические подходы к определению административной ответственности и ее основные признаки / А. В. Самсонова // Аспирантские тетради. Сборник научных статей научно-практической конференции. — 2022. — С. 175–182.

Проблемы толкования оценочного понятия «заведомо ложное публичное объявление» (статья 197 УК РФ)

Грачева Марина Сергеевна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ выражена в заведомо ложном публичном объявлении руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности. Законодатель не указал, что следует понимать под ложным публичным объявлением.

Е. Д. Романова считает, что публичный характер отдельно взятого объявления заключается в обращении его к неопределенному и достаточно широкому кругу лиц, например, с помощью средств массовой информации [1 с. 140]. Е. В. Махно под публичностью предлагает понимать адресацию сообщения о несостоятельности неопределенному, широкому кругу лиц, совершенную в присутствии значительного числа людей [2 с. 117]. Однако стоит отметить, что данное объявление должно быть дано в официальной форме.

М. М. Савченко считает, что ответственность за преступление, предусмотренное ст. 197 УК РФ наступает только при публичном, с соблюдением установленной законом процедуры объявления о несостоятельности (банкротстве) с рассмотрением дела арбитражным судом [3 с. 62]. В. И. Морозова и С. Л. Цыганкова придерживаются мнения о том, что «заведомо ложное публичное объявление» выражается только в совершении юридически значимых, процессуально закрепленных действий, соответствующих нормам законодательства о несостоятельности, а сообщение о несостоятельности, форма которого не соответствовала требованиям законодательства, не образует признака фиктивного банкротства, но может при наличии необходимых элементов образовать состав другого преступления [4 с. 44].

Однако не все авторы согласны с данным мнением. Так, Б. В. Волженкин считает, что действующая редакция ст. 197 УК

РФ никак не связывает момент окончания фиктивного банкротства и, следовательно, возможность возбуждения уголовного дела с решением арбитражного суда о фиктивном банкротстве должника [5 с. 413].

Следует отметить, что распространенное связывание понимания объявления о несостоятельности с подачей соответствующего заявления в арбитражный суд не применимо к ситуациям внесудебного банкротства. Заявление об этом типе процедуры банкротства подается в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. При этом для внесудебного банкротства не требуется признания лица банкротом, этот юридический факт может наступить по завершении процедуры банкротства.

С. А. Александров считает, что противоречия в толковании рассматриваемой нормы возникают, в связи с наличием разнообразных подходов к определению понятия и признаков фиктивного банкротства [6 с. 66]. Фиктивность банкротства связывается с фактической платежеспособностью лица. При этом Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства регламентировано, что проверка на предмет фиктивности банкротства проводится после возбуждения дела о банкротстве [7]. Однако это не означает, что признаки фиктивного банкротства не могут наличествовать до возбуждения дела о банкротстве. Таким образом, в силу буквального толкования уголовного закона фиктивное банкротство выражается в публичном объявлении лица о его несостоятельности. В данном случае публичное объявление может быть выражено посредством объявления в средствах массовой информации, путем объявления на собрании неопределенного круга лиц или другим подобным способом.

В методических рекомендациях, составленных Федеральной налоговой службой, под «заведомо ложным пу-

бличным объявлением» понимается совершенное в публичном месте (например, в средствах массовой информации, в арбитражном суде) сообщение (устное, письменное) о своем банкротстве, которое не соответствует действительности, так как лицо на самом деле является платежеспособным и обладает возможностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов [8]. Сформулированное определение не может являться толкованием, поскольку официальным толкованием и разъяснением Уголовного Кодекса наделен только Верховный Суд РФ. Кроме того, методические рекомендации официально не опубликованы, то есть принять во внимание такой акт толкования правоприменителями, не представляется возможным.

В судебной практике, а именно в приговоре Менделевского районного суда Республики Татарстан от 19.02.2018, судом произведена попытка толкования данного оценочного понятия, однако как таковой дефиниции не сформулировано, понятие раскрыто судом исходя из обстоятельств дела, а именно как умышленная подача генеральным директором общества заявления о признании юридического лица несостоятельным (бан-

кротом) в Арбитражный суд Республики Татарстан (то есть заведомо публичное объявление), однако ввиду того, что активы общества позволяют удовлетворить требования кредиторов в полном объеме данное объявление было признано ложным. Генеральным директором общества передавалось имущество путем совершения безвозмездных сделок с другими компаниями, что и привело общество к банкротству [9].

Изложенное позволяет утверждать, что в настоящее время существует необходимость дать официальное толкование такому оценочному понятию, как «заведомо ложное публичное объявление». Целесообразным видится его закрепление в примечании к ст. 197 УК РФ. Представлена такая дефиниция может быть в следующем виде: «Под заведомо ложным публичным объявлением понимается умышленное совершенное в официальной форме (например, в арбитражном суде, средствах массовой информации) сообщение о своей несостоятельности (банкротстве), которое не соответствует действительности, когда у должника присутствуют признаки платежеспособности и возможности удовлетворить требования кредиторов».

Литература:

1. Романова Е. Д. Толкование уголовного закона на примере статьи 197 Уголовного кодекса Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 38 (328). С. 140.
2. Махно Е. В. О некоторых проблемах законодательного определения объективной стороны фиктивного банкротства // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 117.
3. Савченко М. М. Проблемы квалификации фиктивного банкротства по объективным и субъективным признакам состава преступления // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4 (94). С. 62.
4. Морозов В. И., Цыганков С. Л. Генезис и особенности квалификации фиктивного банкротства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (34). С. 42–49.
5. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 413.
6. Александров С. А. Фиктивное банкротство гражданина: признаки объективной стороны состава преступления // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99). С. 66.
7. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.03.2022).
8. «Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04–4) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.03.2022).
9. Приговор № 1–1/2017 1–1/2018 1–18/2016 от 19 февраля 2018 г. по делу № 1–1/2017 Менделевского районного суда Республики Татарстан. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 02.03.2022).

Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ)

Джаббарова Эльмира Фирдовсиевна, студент магистратуры
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассмотрены спорные и проблемные вопросы квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны. Рассмотрены подходы к пониманию превышения пределов необходимой обороны, выявлены проблемные аспекты теории и правоприменительной практики о применении ч. 1 ст. 108 УК РФ. Представлены рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: вред, пределы необходимой обороны, необходимая оборона, состав преступления, убийство, эксцесс обороны.

При всём многообразии научных публикаций по проблемам квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны вопрос о юридической природе превышения пределов необходимой обороны сейчас ещё не стал предметом обширных научных исследований. Исследуя судебную практику применения ч. 1 ст. 108 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) [1], стоит сказать о серьезных недостатках и ошибках, которые приводят порой к необоснованному уголовному преследованию. В публикациях СМИ также можно встретить немало примеров необоснованного осуждения лиц, совершивших убийство в состоянии необходимой обороны.

Привилегированный состав убийства, предусмотренный ч. 1 ст. 108 УК РФ, является традиционным для российского уголовного законодательства. В рассматриваемом составе преступления сочетаются признаки как простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), так и превышения пределов необходимой обороны (ч. 3 ст. 37 УК РФ). Для верной квалификации убийства по ч. 1 ст. 108 УК РФ, прежде всего, следует установить, что виновный находился в состоянии необходимой обороны, т.е. причинена смерть посягающему лицу при защите личности и прав (своих собственных или другого лица) или законных интересов общества или государства [4, с. 92]. При этом должны быть соблюдены условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к нападению: оно должно быть общественно опасным и наличным, но нарушено условие, относящееся к защите: допущено превышение пределов необходимой обороны.

Убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ, следует отграничивать, прежде всего, от правомерного лишения жизни посягающего (ч. 1 ст. 37 УК РФ), с другой стороны, от убийства вне состояния необходимой обороны. Не будет превышения пределов необходимой обороны, если, например, женщина, защищаясь от группы насильников, применяет оружие и причиняет смерть одному из нападавших, поскольку здесь явно прослеживается правомерность применения мер необходимой обороны. Однако гораздо сложнее судить о правомерности необходимой обороны и отсутствии превышения ее пределов, если обороняющийся совершил убийство при отсутствии свидетелей своих действий, а доказательством правомерности (или неправомерности его действий) является, по большому счету, лишь показание самого обороняющегося. В реальности грань между самообороной и преступным действием очень тонкая и зыбкая, порой сложно установить, когда обороняющийся допустил превышение необходимой обороны, а когда действовал сообразно реальной и наличной угрозе, защищая собственную жизнь и здоровье.

Проблема квалификации необходимой обороны заключаются в наличии оценочных признаков, юридическое толкование которых в большей степени зависит от усмотрения правоприменителя, чем от точного и однозначного понимания в уголовно-правовой доктрине [6, с. 11]. Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации [2] приводит перечень признаков, позволяющих отграничивать правомерную самооборону, не влекущую ответственности, от такой

обороны, при котором превышены ее пределы, многие из указанных признаков в реальности трактуются весьма неоднозначно и спорно.

В литературе, хотя и описаны признаки превышения необходимой обороны, нет более или менее сложившегося представления о том, что на самом деле является превышением необходимой обороны. Д. Н. Тропин по этому поводу пишет, что «превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно несоответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства» [9, с. 673]. Также под превышением пределов необходимой обороны принято понимать причинение гораздо большего вреда в сравнении с ожидаемым вредом при совершении общественно опасных действий при нападении [7].

Анализ мнений ученых и исследователей свидетельствует о том, что превышение пределов необходимой обороны связано с излишней интенсивностью защитных действий. Лицо, превышающее меры необходимой обороны, совершает общественно опасное деяние, при этом, не столько защищая свою жизнь и здоровье, сколько желая причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. В случае с убийством превышение мер необходимой обороны свидетельствует о направленности умысла обороняющегося на лишение жизни другого человека, который, хотя и угрожает своими действиями личности обороняющегося, все же не представляет достаточной степени угрозы для него, чтобы лишать его жизни ради защиты собственных интересов.

Нужно отметить, что все случаи необходимой обороны являются уникальными и индивидуальными. Необходимо четко знать законодательство, но даже это не гарантирует положительного результата, так как превышение пределов необходимой обороны заключается в размытой формулировке преступления.

УК РФ изначально возлагает на обороняющееся лицо обязанность оценить преступление и возможные последствия еще до его совершения, что практически невозможно осуществить при нападении. Проблема квалификации содеянного по ч. 1 ст. 108 УК РФ заключается в том, что, находясь в состоянии острого стресса, когда человеку угрожают ножом или огнестрельным оружием и его жизнь находится в опасности, у обороняющегося нет в запасе времени, чтобы тщательно обдумать, как не причинить больший вред нападающему. В условиях реальной угрозы жизни и здоровья приходится действовать быстро и без промедления, при этом, человек сам заранее не может знать, как он отреагирует в той или иной ситуации, так как зачастую действует на уровне рефлексов [5, с. 7]. Дефицит времени, необходимый для принятия верного решения о способе защиты от нападения, приводит к неверным выводам о реальном характере угрозы. В таких ситуациях обороняющийся действует быстрее, чем осознает реальную степень внешней угрозы со стороны нападающего. Такие примеры нередки с бывшими военнослужащими или служащими правоохранительных органов, у которых отточенные годами службы рефлексы сти-

мулируют быструю ответную реакцию на экстремальную ситуацию. В этой связи следует согласиться с мнениями ученых, которые предлагают в совокупности оценивать и сравнивать как эмоциональное состояние обороняющегося, так и уровень его физического развития. Состояние стресса или страха, вызванное внезапным применением насилия или угрозой его применения, способно спровоцировать бесконтрольную реакцию обороняющегося, неверно оценить степень угрозы и причинить вред больший, чем был предотвращен. В большинстве случаев обороняющийся лишен способности оценивать ситуацию хладнокровно, объективно и адекватно.

Правоприменительная практика по делам о необходимой обороне и превышении ее пределов имеет существенные противоречия. В процессе вынесения судебных приговоров суды часто ориентируются на исследование только объективных признаков, не обращая внимания на психическое состояние обороняющегося в момент причинения им смерти нападающего, тем, самым, игнорируется анализ субъективных признаков данного преступления [3, с. 207]. В целом в правоприменительной практике преобладает обвинительный уклон, о чем свидетельствует то обстоятельство, что фиксируемое судебной статистикой количество эксцессов обороны значительно превышает число случаев правомерной необходимой обороны, более того, наблюдается низкий процент количества оправданных по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Анализ судебной статистики свидетельствует о значительном числе осужденных по ч. 1 ст. 108 УК РФ, при этом, тенденции к заметному снижению числа осужденных по данной статье не наблюдается. Так, например, по

данным Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации, в 2020 году по ч. 1 ст. 108 УК РФ было осуждено 227 чел., в 2019 году — 232 чел., в 2018 году — 221 чел. [8]. При этом, за три года применения ч. 1 ст. 108 УК РФ было вынесено лишь три оправдательных приговора, остальные были осуждены к реальным срокам лишения свободы или осуждены условно.

Зачастую, не учитывая все объективные и субъективные факторы, суды оценивают действия обороняющегося как превышение необходимой обороны. Между тем, суды, оценив к заключению о том, что действия подсудимого подлежат переквалификации по соответствующей части УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение вреда при превышении мер необходимой обороны.

Сложной в практике является квалификация при так называемой «мнимой обороне». Причинение смерти при «мнимой обороне», когда лицо добросовестно заблуждалось, полагая, что оно подвергается нападению, хотя нападения в действительности его не было или оно было прекращено, по общим правилам об ошибке не должно влечь уголовной ответственности. Однако, если при этом лицо превысило предел обороны, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, оно подлежит ответственности по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Таким образом, выявленные сложности и противоречия уголовно-правовой оценки превышения пределов необходимой обороны приводят к тому, что на практике судам сложно квалифицировать деяния виновных лиц по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Разрешение данной проблемы видится в дальнейшем совершенствовании института необходимой обороны.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 // Бюллетень ВС РФ. — 2012. — № 11.
3. Акимочкин, В. И. Убийство при превышении пределов необходимой обороны: анализ субъективной стороны / В. И. Акимочкин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2021. — № 1 (834). — С. 201–208.
4. Алексеева, И. С. Особенности уголовно-правовой оценки убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны / И. С. Алексеева // Вестник Российского университета кооперации. — 2018. — № 2 (32). — С. 92–94.
5. Даровских, Д. А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны / Д. А. Даровских // Российский следователь. — 2010. — № 3. — С. 7–9.
6. Казарина, М. И. О критериях отграничения необходимой обороны от превышения пределов необходимой обороны / М. И. Казарина, И. А. Барканов // Глагол правосудия. — 2020. — № 2(24). — С. 11–14.
7. Савельев, И. И. Превышение пределов необходимой обороны / И. И. Савельев // Символ науки. — 2016. — № 5. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-predelov-neobhodimoy-oborony?> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Судебная статистика РФ. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.02.2022).
9. Тропин, Д. Н. О некоторых вопросах применения необходимой обороны / Д. Н. Тропин // Молодой ученый. — 2016. — № 21. — С. 671–675.

Предмет, объект и пределы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях

Дорофеева Мария Георгиевна, студент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Прокурорский надзор за соблюдением установленного законом порядка разрешения заявлений и сообщений о готовящихся и совершенных преступлениях включает в себя соблюдение правил приема, регистрации, рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений, сроков проведения проверок и порядок их продления, а также порядка проведения процессуальных действий, необходимых для правильного разрешения поступившего заявления, сообщения.

Объектом же прокурорского надзора, исходя из вышеуказанного предмета, будут являться государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять деятельность по приему, регистрации, рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях, выявлению и расследованию преступлений.

Пределы прокурорского надзора имеют большое теоретическое и практическое значение, так как позволяют точно определить круг полномочий прокурора, а также единство надзорной деятельности. В научной литературе пределы прокурорской проверки определяются как границы должного, возможного и запрещенного поведения прокурора при выборе объекта проведения проверки, применении полномочий, связанных с ее проведением, а также средств прокурорского реагирования. Пределы прокурорского надзора раскрываются соответственно через перечень нормативных правовых актов, за исполнением которых прокурор должен осуществлять надзор, и поднадзорных объектов, а также через объем полномочий прокурора.

В силу ч. 1 ст. 37 УПК РФ предел прокурорского надзора можно очертить «процессуальной деятельностью» органов предварительного расследования — т.е. прокурор осуществляет надзор только за исполнением поднадзорными органами уголовно-процессуального законодательства, а методическая, организационная и иные виды деятельности органов предварительного расследования и их должностных лиц выходят за рамки прокурорского надзора. Однако, в следующей же части статья 37 УПК РФ содержит исключение из сделанного вывода: так, прокурор уполномочен давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве отдельных процессуальных действий [1].

Процессуальная самостоятельность следователей и дознавателей гарантирована законом, именно поэтому устанавливаются пределы прокурорского надзора, определяемые статьями УПК РФ, которые условно можно разделить на две группы:

- 1) статьи, закрепляющие полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве (статья 37 УПК РФ и др.);
- 2) статьи, которые регламентируют основания и порядок обжалования должностными лицами органов предварительного расследования решений прокурора, его принявшего, вышестоящему прокурору (напр., п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 41, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Надзорная деятельность прокурора по отношению к органам предварительного расследования носит характер последующей проверки законности принятых процессуальных решений, совершенных следственных и иных действий. В то же время по отношению к органам дознания деятельность прокурора может носить и превентивный характер, в случаях, когда осуществляется проверка законности и обоснованности планируемых к принятию процессуальных решений либо намечаемых к проведению процессуальных действий (например, при даче согласия на обращение в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу).

Таким образом, прокурорский надзор за установленным порядком разрешения заявлений и сообщений о преступлениях — часть надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Цель прокурорского надзора за установленным порядком разрешения заявлений и сообщений о преступлениях состоит в том, чтобы:

- 1) были зарегистрированы все поступившие заявления и сообщения о преступлениях;
- 2) соблюдались сроки регистрации и разрешения заявлений и сообщений;
- 3) соблюдался процессуальный порядок оформления сообщений о преступлениях;
- 4) принятые решения по поступившим сообщениям были законными и обоснованными;
- 5) обеспечивались права и законные интересы лиц, в том числе и соблюдение обязательного уведомления заявителей о принятии заявлений;
- 6) принимались меры к устранению нарушений закона в этой области, причин и условий, способствовавших совершению этих нарушений, привлечению виновных в нарушении закона к установленной законом ответственности.

К нормативным актам, очерчивающим пределы прокурорского надзора, прежде всего относятся Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «О прокуратуре РФ», приказы Генерального прокурора РФ.

Действенность прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях является одним из его ключевых критериев. Так, п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 5 сентября 2011 года № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» [2] обязывает начальников подразделений Генеральной прокуратуры РФ, прокуроров субъектов РФ, городов и районов, других территориальных, приравненных к ним военных прокуроров и проку-

рооров иных специализированных прокуратур исходя из своей компетенции организовывать, обеспечивать и осуществлять постоянный и действенный надзор за неукоснительным исполнением органами дознания и предварительного следствия требований Уголовно-процессуального кодекса РФ и иных федеральных законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении необходим не только для своевременной защиты прав потерпевших, но и для правильной оценки складывающейся криминогенной обстановки (как в отдельно взятой местности, так и в масштабах страны в целом), а также для принятия соответствующих организационных и оперативно-тактических решений в сфере борьбы с преступностью. Это звучит особенно актуально в контексте модернизации сферы правовой статистики.

В этой связи стоит отметить значимость изменений, внесенных в ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 487. В соответствии с данными поправками, Генеральная прокуратура Российской Федерации наделяется полномочиями осуществлять государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре, проводить федеральное статистическое наблюдение на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами.

С 1 января 2022 г. официальная статистическая информация, полученная в ходе осуществления государственного единого статистического учета, должна размещаться Генеральной прокуратурой Российской Федерации на официальном сайте Российской Федерации, определенном Правительством Российской Федерации, в информационно-телекоммуникационной

сети «Интернет» в форме открытых данных с учетом ограничений, установленных федеральными законами.

Перечень размещаемой в интернете официальной статистической информации будет утверждаться Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с федеральными государственными органами и федеральными органами исполнительной власти, обладающими соответствующими первичными статистическими данными.

Для реализации полномочий в указанной сфере по заказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации создано специальное программное обеспечение государственной автоматизированной системы правовой статистики. Центральным элементом данной системы является хранилище всех документов первичного учета в электронном виде. На основе имеющихся данных сформирован единый реестр уголовных дел, обеспечивается возможность объективной оценки хода и результатов их расследования. Главной целью создания системы является обеспечение прозрачности, достоверности и полноты учетных сведений о преступлениях и возможности проследить всю цепочку событий, начиная от сообщения о совершенном преступлении до исполнения судебного решения, исполнения уголовного наказания и снятия судимости.

В целях совершенствования этой работы в настоящее время активно проводится опытная эксплуатация модернизированного специального программного обеспечения государственной автоматизированной системы правовой статистики в пилотной зоне, в которую вошли несколько десятков прокуратур субъектов Федерации и приравненных к ним иных специализированных прокуратур.

Таким образом, эффективный прокурорский надзор на досудебной стадии уголовного судопроизводства способствует формированию объективных статистических данных, приближая их к адекватному отражению реальной ситуации с преступностью в нашей стране.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 5 сентября 2011 года № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» // СПС Консультант Плюс

Правовая регламентация необходимой обороны в уголовном праве России

Казакова Ольга Сергеевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассмотрена правовая природа необходимой обороны в уголовном законодательстве России. Определены условия правомерной необходимой обороны, дана юридическая оценка условий превышения пределов необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, ответственность, квалификация.

Действующим Уголовным кодексом РФ, а именно в ч. 1 ст. 37 регламентируется легальное понятие состояния не-

обходимой обороны, сформулированное как защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом

интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [1].

Исследование института необходимой обороны важнейшим образом связано с установлением условий, определяющими ее правомерность. Часть указанных условий содержится в самой диспозиции нормы о необходимой обороне, остальные продиктованы сложившейся судебной практикой и уголовно-правовой доктриной. Существует две группы условий правомерности: первая группа содержит условия, относящиеся к посягательству, а вторая условия, относящиеся к защите. Каждая группа предусматривает наличие соответствующих ей условий, при соблюдении которых вред, причиненный обороняющимся лицом, считается состоянием необходимой обороны.

Первое условие, относящееся к посягательству, то есть к действиям нападавшего, это общественная опасность посягательства. Данное условие прямо зафиксировано в ч. 1 ст. 37 УК РФ, и особенно значимо для отнесения конкретной ситуации к необходимой обороне. С проверки соблюдения именно этого условия в первую очередь следует начинать при квалификации действий обороняющегося, чтобы установить возникла ли в начале криминальная ситуация, при которой защитные действия были так необходимы.

Вторым условием считают наличность, которая означает, что действия обороняющегося правомерны лишь в границах осуществляющегося посягательства. Следовательно, посягательство имеет начало и окончание. Причинение вреда нападающему законно, когда оно совершено с начала посягательства до его окончания. В то же время, некоторые исследователи отмечают, что право на необходимую оборону возникает и до начала самого посягательства, когда угроза его осуществления реальна.

Последнее условие этой группы — это реальность, другими словами, действительность посягательства. Существует правило о том, что посягательство должно происходить на самом деле, в реальной жизни, а не в воображении защищаемого лица. Если обстановка дает основание полагать, что действительно осуществляется общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, то действия признаются совершенными в рамках необходимой обороны [5].

В группу условий, относящихся к действиям обороняющегося, входит условие о том, что защите подлежат только охраняемые уголовным законом интересы. Создастся связь между деянием нападавшего и отражающими действиями защищаемого, то есть последний отстаивает интересы, на которые был направлен преступный умысел. Такими интересами становятся жизнь, здоровье, собственность, личная свобода, половая неприкосновенность и свободы, честь и достоинство, в том числе другие права и свободы человека, общественные и государственные интересы.

Закон допускает расширительное толкование круга охраняемых интересов, называя их «охраняемые законом интересы общества или государства». Тема необходимой обороны при защите права собственности вызывает считается дискуссионной

по причине невозможности создания единой шкалы ценностей, отсюда и отсутствие единогласного решения в этом вопросе. Для определения соответствия средств защиты характеру и опасности посягательства на право собственности предлагаем сравнивать санкции. К примеру, наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих обстоятельств предусмотрено до 8 лет лишения свободы, за грабеж в особо крупном размере предусмотрено наказание в виде 12 лет, что считается более тяжким преступлением.

Одной из особенностей необходимой обороны является активная форма защиты, которая выражается в действиях обороняющегося. Предполагается, что допустимо причинение нападающему как физического, так и имущественного вреда, который может выражаться в уничтожении или повреждении имущества в ходе оборонительных действий [1].

Еще одним условием считается причинение вреда только нападавшему, т.е., что отражающие действия направлены на лицо, представляющее общественную опасность. Законное применение автоматически срабатывающих приспособлений и устройств применимо, но вред не должен быть причинен посторонним лицом, существует суждение, что при обыденном, нормальном ходе вещей, срабатывание автоматических устройств невозможно вне противозаконного посягательства, ситуацию надлежит расценивать по правилам о необходимой обороне [3].

Д. А. Даровских видит возможным исключение «термина характер из дефиниции превышения пределов необходимой обороны, что позволит правоприменителю акцентировать внимание и сосредоточиться на установлении соответствия защиты общественной опасности посягательства как важнейшего свойства [1]. Предел допустимого вреда при необходимой обороне определяет степень опасности посягательства, чем оно опаснее, тем шире пределы допустимого вреда, причиняемого нападавшему.

Явное несоответствие между оборонительными действиями и общественной опасностью посягательства выражается в непропорциональности ценности защищаемого интереса; причиненного ущерба с потенциальным при посягательстве; применяемых мерах, орудиях, средствах обороны и посягательства; численности сторон, сил и интенсивности их действий.

Важными аргументами, имеющими значение для признания причинения вреда в рамках состояния необходимой обороны, указываются неожиданность посягательства, влекущая заведомую неготовность к отражению нападения и неспособность в полной мере соотнести свое поведение с обстановкой и характером посягательства, а также нахождение лица в положении выбора и неспособность всегда адекватно оценивать происходящее, изначально невыгодная позиция обороняющегося по сравнению с посягающим.

Превышение пределов необходимой обороны считается оценочной категорией. С одной стороны, оценочные понятия создают условия для более полного учета многообразия особенностей случаев необходимой обороны, обеспечивая гибкость уголовно-правового регулирования. С другой, идентичные эпизоды квалифицируются судьями (следственными органами) по-разному. В связи с этим актуально сокращение оценочных категорий.

Субъектом права на причинение вреда в состоянии необходимой обороны является любое физическое лицо. Для гражданских лиц необходимая оборона — это право. Для сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих оно приравнивается к обязанности, вытекающей из специальных нормативных актов и принятых по службе обязательств. В соответствии с ч. 3 ст. 37 УК РФ положения о необходимой обороне в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Исходя из вышеуказанного, право на необходимую оборону для сотрудников правоохранительных органов не должно ограничиваться.

Изучение правовой регламентации института необходимой обороны приводит к выводу о целесообразности издания отдельного Федерального закона «О необходимой обороне в Российской Федерации», в котором бы формулировались понятие необходимой обороны, перечислялись случаи, при которых возможна реализация права на оборону, устанавливались уровни пределов необходимой обороны, которых может достичь обороняющийся в зависимости от степени общественной опасности посягательства. В то же время случаи неограниченной необходимой обороны должны отдельно включать защиту от вооруженного преступного посягательства, в условиях неожиданности.

Литература:

1. Даровских Д. А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны / Д. А. Даровских // Российский следователь. — 2010. — № 3. — С. 7–9.
2. Девятко А. Ю. Исполнение приказа или распоряжения и необходимая оборона как обстоятельства, исключающие преступность деяния / А. Ю. Девятко // Военно-юридический журнал. — 2010. — № 9. — С. 21–25.
3. Есаков Г. А. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона / Г. А. Есаков // Уголовное право. — 2013. — № 1. — С. 17–23.
4. Кочетков Н. М. Некоторые пути решения проблемы превышения пределов необходимой обороны в сложившихся условиях общественных отношений / Н. М. Кочетков // Актуальные проблемы управления и экономики. — 2016. — № 3. — С. 147–155.
5. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений: монография / А. И. Рарог. — Москва: Профобразование. — 2001. — 133 с.

Особенности уголовной ответственности за разбой в уголовном праве России

Казакова Дарья Сергеевна, студент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье определены вопросы правовой природы уголовной ответственности за разбой по уголовному законодательству России. Определены алгоритмы квалификации за разбой в теории и практике применения статьи 162 УК РФ.

Ключевые слова: разбой, ответственность, квалификация.

Разбой как форма хищения представляет собой «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» [1]. Правовая характеристика разбоя по объекту преступления определяет данное преступление к двухобъектным составам противоправных деяний: помимо отношений собственности, определенных как непосредственный объект преступления, дополнительно причиняется вред правам личности [5].

По признакам объективной стороны деяние характеризуется в отличие от других составов хищений именно в нападении, совершаемом с применением таких свойств преступного насилия, представляющего опасность для здоровья граждан или причиняющий ему какой-либо конкретный вред. Следовательно, конструктивными признаками состава разбоя в объ-

ективной стороне служат: 1) противоправное нападение и 2) опасное насилие или угроза его применения. Само хищение остается за рамками объективной стороны. Для квалификации по признакам состава разбоя так же не обязательно устанавливать размер похищенного имущества, он может быть даже минимальным, по этому пути также идет правоприменительная практика, которая подтверждает правильность вышеуказанного подхода, однако в теории права имеется предложение о недопустимости данного обстоятельства, что, несомненно, бы противоречило главному свойству деяния: нападению.

Следует так же учитывать, что нападение при разбое всегда предшествует завладению имуществом, в ином случае преступное деяние может приобретать другие правовые формы преступлений против собственности, например, вымогательство.

Юридическая характеристика насилия в разбое, которое, как было указано выше, опасно для жизни или здоровья, и в практической плоскости правоприменения зависит от установления любого из двух законодательно установленных условий: от правовой оценки свойств совершенного физического воздействия на объект посягательства или возможной реальной опасности противоправного способа. Согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 под насилием, опасным для жизни или здоровья, «следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности». Таким образом, согласно рекомендации Пленума Верховного Суда России при квалификации разбойных нападений факт применения преступного насилия, когда потерпевшему лицу причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, то данные последствия, установленные по уголовному делу охватываются составом анализируемого деяния и необходимости в дополнительной квалификации по совокупности со статьями уголовного закона против здоровья населения не требуется в процессе правоприменения, содеянное деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 162 УК РФ, в случае отсутствия иных отягчающих обстоятельств.

Правовая природа угрозы насилия в разбойном нападении заключается в установлении признаков запугивания потерпевшего лица каким-либо указанным выше видом насильственного преступного воздействия в целях последующего противоправного изъятия и удержания чужого имущества, не требуется дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ.

Разбой по своей законодательной конструкции состава преступления считается оконченным с момента нападения, что отличает его от иных форм хищений. В случае совершения состава разбоя его объективные признаки заключаются в факте противоправности деяния, где виновное лицо в отношении предмета посягательства не обладает никакими правомочиями в аспекте вещных прав.

Уголовное законодательство России определило, что субъектом разбоя может быть любое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. О.А. Буркина отмечает, что «предумышленный характер действий при разбое с бесспорностью следует из самого понятия хищения, представляющего собой целенаправленную деятельность» [1]. Как отмечается в теории уголовного права, при определении свойств прямого умысла установление в каком-либо преступлении цели предопределяет анализируемый вид вины при квалификации преступлений. Установление свойств признаков субъективной стороны состава деяния, где разбойному нападению свойственен прямой умысел и соответствующая корыстная цель, выступает юридической основой, как отмечается в юридической литературе для квалификации действий виновных лиц за начальную стадию преступной деятельности, когда деяние не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам, поскольку уголовное законодательство России в незавершенных стадиях преступной деятельности «признает только умышленные действия, а в теории и практике применения уголовного

закона считается, что не просто умышленные, а совершаемые с прямым умыслом» [2].

Относительно квалифицирующих обстоятельств разбоя применительно к признаку совершения группой лиц по предварительному сговору признается только факт преступления, выполненного двумя и более субъектами преступления (исполнителями), которые заранее — до начала выполнения преступления договорились о условиях совместного совершения правонарушения и если будет установлено, что преступный сговор возник уже в процессе совершения разбоя, или участвовали лица, которые не подлежат уголовной ответственности, то анализируемый квалифицирующий признак отсутствует.

При юридической оценке признака организованной группы: ее устойчивости может выступать временной промежуток ее деятельности, преступная специализация членов преступной группы, особая техническая оснащенность участников, особая длительная подготовка при планировании разбойных нападений, а также иные обстоятельства повышающие качества совместности преступных действий. При квалификации разбойных нападений по признакам их совершения организованной группой действия всех виновных лиц подлежат квалификации без ссылки на статью 33 УК РФ независимо от их преступной роли в содеянном преступлении.

Квалифицируя разбой по признаку незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище следует всегда подразумевать, что он будет подразумевать собой противоправное тайное или открытое в них вторжение с целью совершения анализируемого деяния, а так же тогда, когда виновный извлекает предметы преступления без соответствующего вхождения на охраняемый объект уголовным законодательством, однако здесь необходимо учитывать факт того, чтобы было обязательно преодоление какого-либо препятствия: не было открытого доступа к имуществу, например, открыто окно.

Относительно квалификации вооруженных разбойных нападений следует учитывать, чтобы было обязательное применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Представляется правильной квалификация по признакам основного состава разбоя, когда лицо лишь угрожает оружием, оно служит фактом подкрепления противоправной угрозы, только реальное применение поражающих свойств оружия или предметов, используемых в качестве оружия, «ближайшее» их применение к потерпевшему служит признаком вооруженности в разбое, что судебная практика также подтверждает данный вывод [2–3]. Кроме этого действия виновного при демонстрации оружия или угрозе заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия следует «квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия» [2–5].

Разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ) означает, что в процессе преступления причиняются телесные повреждения, обладающие признаками, перечисленными в ч. 1 ст. 111 УК РФ и дополнительной квалификации по этой статье не требуется.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Буркина О. А. Квалификация имущественных преступлений с применением насилия / О. А. Буркина // Российский следователь. — 2010. — № 2. — С. 75–81.
3. Воткин В. А. Значение специальных знаний для раскрытия и расследования разбойных нападений в СКФО / В. А. Воткин // Российский следователь. — 2018. — № 1. — С. 60–62.
4. Коробов П. В. Разбой как типичная форма хищения / П. В. Коробов // Уголовное право. — 2010. — № 1. — С. 17–22.
5. Ляпунов Ю. И. Преступления против собственности. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. — Москва: Юристъ, 2009. — 711 с.

Налоговые преступления. Понятие, характеристика и взаимосвязь налоговых преступлений с преступлениями, предусмотренными статьями 171, 174, 196, 197 УК РФ

Канатов Георгий Савкудзович, студент магистратуры
Научный руководитель: Галуева Вероника Олеговна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В данной научной статье мы будем исследовать налоговые преступления, содержащиеся в главе 22 УК РФ посвящённой преступлениям в сфере экономической деятельности. В ходе исследования мы дадим определения основным понятиям, присутствующим в указанных преступлениях, таким как налоги и сборы, дадим характеристику указанным преступлениям, а также проанализируем взаимосвязь этих преступлений с преступлениями, предусмотренными статьями 171, 174, 196, 197 УК РФ.

Ключевые слова: налоговые преступления, уголовное право, экономические преступления, незаконное предпринимательство, налоги, сборы, банкротство.

Введение

В теории государства и права система налогообложения является одним из основополагающих признаков государства. С течением времени в сфере уплаты налогов менялись только размеры налогов их виды, а уж преступления в сфере налогообложения были большой редкостью, поскольку контроль сбора налогов, не смотря на отсутствие технического прогресса, был более тщательным, а наказания за налоговые преступления были гораздо жёстче. История знает три периода развития общества, в котором налоги занимали ключевое место в общественной жизни и были неразрывно связаны с жизнью каждого человека и государства: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. На территории древней Руси с начала её существования налоги являлись основным источником доходов государства. За счёт поступлений в казну правители того времени, именуемые князьями, содержали себя и армию. В основном сбор налогов в те времена осуществлялся дважды в год: зимой и весной. Основным источником налогов была земля, ведь именно землевладельцы обеспечивали в большинстве своём поступления денег в казну. За налоговые преступления в то время часто применялись телесные наказания, величина которых определялась размером неуплаченной в казну суммы. Но то были времена, когда человечество только закладывало основы своего существования, и о таких понятиях, как гуман-

ность и цивилизованность мало кто задумывался. В Средние века проблемы со сбором налогов породили новую категорию населения: кабальных холопов, дворников и захребетников, которые фактически становились прислугой у более состоятельных людей. Но даже когда система налогообложения приобрела более современный вид, преступность в сфере налогов никуда не исчезла. Система наказаний в тоже время также расширилась, к телесным наказаниям был добавлен арест и конфискация имущества. Многие правители России впоследствии пытались совершенствовать как уголовно-правовые нормы в сфере налоговых преступлений, так и систему наказаний за данные преступления. Возвращаясь к современности, хочется отметить, что изменения, произошедшие в мире за это время, хоть и благотворно повлияли на общественную жизнь, но всё же не искоренили преступность полностью, но в некотором роде даже способствовали её развитию, что, в частности, можно сказать и о налоговых преступлениях. Постиндустриальное общество, характеризующееся развитием высоких технологий, а также развитием сферы услуг, на которую опирается вся экономика, способствовало росту налоговых преступлений и появлению механизмов уклонения от наказания за указанные преступления. Актуальность данной статьи обусловлена ростом общего числа налоговых преступлений.

Приступая к основной теме исследования, следует вернуться к истокам и ответить на вопрос что же следует понимать под налогом, сбором, а также под страховым взносом? Ис-

черпывающий ответ даёт статья 8 налогового кодекса, которая гласит что:

1. «Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований».

2. «Под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности».

3. «Под страховыми взносами понимаются обязательные платежи на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемые с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования» [3]

Если следовать букве закона, то уплата налогов и сборов является прямой обязанностью каждого гражданина РФ, а также некоторых других субъектов. Это нашло своё отражение в статье 57 Конституции Российской Федерации: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги и сборы обратной силы не имеют» [1]. Однако, несмотря на закрепление обязанности об уплате налогов в основном законе государства существуют те лица, которые не уплачивают налоги или недобросовестно исполняют свои обязанности, по уплате налогов и сборов

В конечном счёте, всё изложенное привело к появлению в уголовном кодексе группы статей, посвящённых налоговым преступлениям. Они нашли своё место в главе 22 Уголовного кодекса РФ, которая именуется Преступления в сфере экономической деятельности. Всего в УК содержится 4 статьи указанного вида преступлений: ст. 198, ст. 199, ст. 199.1, ст. 199.2. Прежде чем перейти к разбору каждой статьи необходимо вспомнить, что же принято понимать под «налоговыми преступлениями». Налоговые преступления представляют собой группу преступлений, закреплённую в уголовном законе, которые направлены на нарушение установленного порядка уплаты налогов и сборов.

Статья 198 Уклонение физического лица от уплаты налогов и сборов и (или) физического лица — плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов. Объектом указанного преступления выступает установленный порядок уплаты налогов и сборов. Предметом преступления являются установленные государством налоги и сборы, то есть опреде-

лённая фиксированная сумма, выраженная в денежном эквиваленте, которую налогоплательщик, был обязан уплатить государству. Субъектом указанного преступления выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, обладающее доходом или имуществом, облагаемым налогами. Объективная сторона преступления выражена в действии, а именно в непредоставлении сведений о доходах, которые лицо было обязано предоставить в установленной законом форме (декларации о доходах) или внесение в указанный документ заведомо ложных сведений о доходах совершённое в крупном размере. Субъективная сторона представляет собой прямой умысел. По конструкции объективной стороны состав является формальным. Помимо основного состава преступления в указанной статье присутствует также квалифицированный состав, содержащий отягчающее вину обстоятельство в виде совершения указанного преступления в особо крупном размере. Что интересно, законодатель установил возможность освобождения от уголовной ответственности при выполнении трех условий:

1. Совершение преступления впервые.
2. Уплата суммы недоимки, включая пени.
3. Уплата штрафа в размере, установленном Налоговым кодексом РФ.

Также уточняется, что крупным размером законодатель признаёт сумму налогов и сборов, составляющую в течение трёх лет подряд два миллиона семьсот тысяч рублей, а особо крупным — сумму, не уплаченную в течение трёх лет, равную тринадцати миллионам пятистам тысячам рублей.

Статья 199 носит название Уклонение от уплаты налогов, сборов подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией — плательщиком страховых взносов.

Данная статья имеет основной и квалифицированный составы. Фактически текст указанной статьи полностью повторяет предыдущую статью за исключением субъекта преступления. Указанное преступление характеризуется прямым умыслом лица его совершившего, сам же субъект специальный им является руководитель организации — налогоплательщика и его главный бухгалтер, а также лица, осуществляющие их обязанности. Квалифицированный состав указанного преступления содержит два отягчающих вину обстоятельства:

1. Совершение деяния, указанного в части первой указанной статьи группой лиц по предварительному сговору
2. Совершение деяния, указанного в части первой указанной статьи в особо крупном размере.

В статье также устанавливается крупный размер неуплаты налогов и сборов им называется сумма неуплаченных налогов и сборов в течение трёх финансовых лет подряд равная десяти миллионам рублей, а особо крупным размером сумма равная сорочка пяти миллионам рублей. Как и в предыдущей статье установлена возможность освобождения от уголовной ответственности при выполнении аналогичных ст. 198 УК РФ условий.

Статья 199.1. Неисполнение обязанностей налогового агента

Непосредственным объектом указанного преступления выступают экономические и финансовые интересы государства

Объективная сторона выражается в бездействии, то есть не исполнении налоговыми агентами в личных интересах требований по исчислению удержанию или перечислению налогов и сборов подлежащих удержанию и перечислению в соответствующий бюджет.

Данное преступление имеет специальный субъект, именуемый налоговым агентом. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» а именно пункт 19 устанавливает: «Субъектом преступления, предусмотренного статьей 199.1 УК РФ, может быть руководитель организации или уполномоченный представитель организации либо лицо, фактически выполняющее обязанности руководителя организации, индивидуальный предприниматель, нотариус, занимающийся частной практикой, адвокат, учредивший адвокатский кабинет, а равно иное лицо, на которое в силу закона либо на основании доверенности возложены обязанности налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов в соответствующий бюджет». [4] Субъективная сторона характеризуется виной, выражается в прямом умысле и имеет специальный мотив, такой как личный интерес, выраженный желанием извлечь выгоду материального и нематериального характера, обусловленную такими побуждениями как карьеризм, протекционизм, желание, получить какую-либо услугу и т.д.

Статья 199.2 Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам, сборам, страховым взносам, в крупном размере. Объектом указанного преступления выступают экономические и финансовые интересы государства. Объективная сторона выражена в действиях, направленных на сокрытие имущества и средств, с помощью которых должна была быть уплачена недоимка по налогам и сборам. Под недоимкой при этом следует понимать сумму налогов, сборов и страховых взносов, неуплаченных в установленный срок. Субъектом преступления выступает физическое лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя, являющиеся собственником имущества организации, руководитель организации либо лицо, осуществляющее управленческие функции в этой организации, связанные с распоряжением её имуществом. Субъективная сторона выражена в форме вины, характеризующиеся прямым умыслом. Квалифицированный состав статьи содержит совершение аналогичного преступления, но в особо крупном размере.

Рассматривая взаимосвязь между налоговыми преступлениями и иными общественно опасными деяниями в экономической сфере, а именно преступлениями, предусмотренными ст. 171, ст. 174, ст. 196, ст. 197 УК РФ.

Незаконное предпринимательство — это осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или получения лицензии в установленном законом порядке. Взаимос-

вязь указанного преступления с налогами очевидна, поскольку деятельность указанных юр лиц без соответствующей регистрации и лицензии лишает государство возможности проводить мониторинг указанных организаций, а также взимать налоги. Соответственно в случае совершения лицом указанного преступления он может быть привлечён к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 198–199 УК РФ.

Отмывание (легализация) денежных средств, заведомо приобретённых преступным путём. Под указанным преступлением следует понимать придание законного вида доходам, приобретённым в обход законодательства РФ. Несмотря на множественность методов отмывания денег, полученных преступным путём, все методы имеют общие черты. В России чаще всего можно встретить следующие способы: ведение такого бизнеса, как гостиничный комплекс, рестораны, игровой бизнес, шоу бизнес и т.д. Такой бизнес на руку недобросовестным предпринимателям, поскольку проводить аудиторские и налоговые проверки в таких заведениях весьма трудно, поскольку чистые доходы сливаются с доходами, полученными от незаконной деятельности, что весьма удобно для недобросовестных предпринимателей. Также существует большой риск переправления указанных денежных средств за рубеж посредством счетов, находящихся в иностранных банках. Что в свою очередь может нанести вред финансовым и экономическим интересам государства. Именно объект указанных преступлений связывает ст. 174 с налоговыми преступлениями ведь ущерб наносится сходным интересам государства в области экономики и финансов.

Следующим деянием, которое связано с налоговыми преступлениями можно считать преднамеренное банкротство. Оно закреплено в уголовном кодексе в ст. 196. Банкротство само по себе есть не способность лица (юридического лица, индивидуального предпринимателя или гражданина) в полном объёме отвечать по своим обязательствам перед кредиторами и осуществлять уплату обязательных платежей. В контексте же преступления, указанного в Уголовном кодексе, преднамеренным банкротством называют действия или бездействия, совершаемые гражданами, индивидуальными предпринимателями и руководителями организаций (юридических лиц), которые влекут неспособность указанных субъектов отвечать по своим обязательствам перед кредиторами и государством. К указанным действиям можно отнести:

1. Заключение сделок на финансово не выгодных условиях.
2. Переоформление имущества организации на близких родственников.
3. Использование оборотных средств организации для личных нужд.
4. Получение большого числа кредитов.

Ответ на вопрос, что связывает данное преступление с налоговыми преступлениями, лежит в самом определении банкротства, ведь лицо, являющиеся банкротом, не отвечает даже по налоговым обязательствам перед государством.

Ну и последнее преступление, взаимосвязь которого с налоговыми преступлениями нам предстоит установить, именуется фиктивным банкротством. Оно закреплено статьёй 197 УК РФ.

В отличие от преднамеренного банкротства, при котором организации, индивидуальные предприниматели и граждане своим действием или бездействием превращают себя в банкротов, фиктивное банкротство носит характер лишь устного публичного заявления о своей неспособности отвечать по своим обязательствам. Чаще всего фиктивное банкротство используется физическими лицами с целью списания банками долгов в виде кредитов, взятых населением или частными финансовыми организациями (банками) с целью выведения средств на офшорные счета для личного использования, юридическими лицами, которые были открыты с целью получения большого числа кредитов и закрылись сразу после их получения. Основным условием, при котором банкротство признаётся фик-

тивным наличие у лица свободных финансовых средств, для исполнения обязательствам перед кредиторами и государством. Как уже отмечалось выше, банкротство влечёт за собой прекращение финансовых обязательств перед государством. А поскольку фиктивное банкротство — это намеренная ложь в целях уклонения от исполнения финансовых обязательств, способная причинить материальный вред экономическим интересам страны, поскольку как уже было сказано банкротство влечёт за собой списание налогов.

Подводя итоги исследования, можем сказать, что данное исследование помогло лучше понять саму структуру и суть налоговых преступлений, а также оценить степень взаимосвязи норм уголовного права и их влияние друг на друга.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом изм. 2020 года)//СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс в ред. От 14.07.2022 с изм. и доп. вступ. в силу 25.07.2022 // СПС КонсультантПлюс.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 1 (от 31.07.1998 года) (в ред. от 28.06.2022 года)//СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»//СПС КонсультантПлюс.

Проблема соотношения понятий «политическая агитация» и «политическая реклама»

Коваленко Софья Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия «предвыборная агитация» и «политическая реклама». Освещаются вопросы соотношения указанных политико-правовых категорий, их взаимосвязь. Акцентируется внимание на несовершенстве отечественного законодательства в части регулирования вопросов осуществления политической рекламы.

Ключевые слова: предвыборная агитация, политическая реклама, избирательная компания, избирательное право, выборы, деятельность политических партий.

Одной из наиболее действенных и распространенных в Российской Федерации форм взаимоотношения избирателей (лиц, обладающих активным избирательным правом) и избираемых (субъектов, обладающих пассивным избирательным правом) является предвыборная агитация. Последняя осуществляется в ходе осуществления избирательной кампании, заканчиваясь в момент ее окончания. При этом деятельность политических партий по привлечению «на свою сторону» избирателей не оканчивается в момент окончания избирательной кампании, данная деятельность осуществляется, в том числе, в ходе политической рекламы.

Как указывает Т.В. Троицкая, одной из проблем отечественного избирательного права является отсутствие легального определения указанного понятия и его взаимодействия с иными категориями указанного правового института, что видится достаточно большой проблемой [5, с. 6].

Рассмотрим, для начала, определение политической агитации, которое дано в нормативных правовых актах и в науке. Легальное определение указанного понятия дано в п. 4 ч. 1 ст. 2

Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [7], который определяет интересующую категорию как деятельность, которая осуществляется в период избирательной кампании, целью которой является побуждение избирателей к голосованию за кандидата кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них).

Примечательно при этом, что законодатель предусматривает и иное синонимичное определение указанного политико-правового института — «политическая агитация». Данный факт видится достаточно важным в аспекте рассматриваемого вопроса, в связи с тем, что нормативная правовая база признает то, что указанная деятельность носит политический характер и непосредственно связана с политической деятельностью.

Нельзя не отметить, что легальное определение видится достаточно логичным и не требующим изменения, в связи с тем, что оно отражает политико-правовую сущность указанной деятельности, которая имеет целью привлечение в ходе осуществ-

вления предвыборной кампании политическими партиями или же кандидатами электората.

При этом, исходя из содержания законодательного определения, можно прийти к выводу о том, что агитационная деятельность ограничена сроками проведения предвыборной кампании, оканчиваясь в момент окончания проведения выборов. Как отмечают отдельные авторы, данная деятельность носит ограниченный по срокам и непосредственным целям характер и связана с достижением конкретной цели — получение преимущества на проводимых в определенный момент времени выборах с целью дальнейшего осуществления политической борьбы и деятельности [6, с. 103].

Аналогичной позиции придерживается и А. А. Романова, которая указывает, что к одному из основных признаков предвыборной агитации необходимо относить ее кратковременный характер и строго ограниченную цель, которая связана с осуществлением политической борьбы в рамках конкретного вопроса — получения голосов в ходе выборов [4, с. 80].

Для понимания сущности предвыборной агитации, необходимо указать на те методы, в которых она осуществляется. Законодатель в ч. 3 ст. 48 вышеназванного федерального закона определяет, что агитация может быть выражена в следующих методах:

- в виде распространения сведений по телеканалах, в сетевых и печатных изданиях;
- в виде осуществления публичных мероприятий агитационного характера;
- в виде изготовления и распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов, в том числе, в сети «Интернет»;
- иными методами, которые не запрещены законом.

То есть указанный перечень является открытым и позволяет субъектам пассивного избирательного права использовать любые методы, которые не будут противоречить избирательному и иному законодательству РФ [1, с. 39].

Рассмотрим определение политической рекламы. Современное российское законодательство указанное понятие не определяет. Единственным случаем, в нормативно-правовом регулировании, когда было сформулировано определение политической рекламы является Постановление ЦИК России от 5 апреля 1996 г. № 86/718-II [3].

Указанный нормативный правовой акт определил политическую рекламу как распространение участниками избирательного процесса через СМИ информации о кандидатах на должность Президента РФ с использованием средств и приемов, которые отличают рекламные материалы от иных видов и жанров информации (броскость, лаконизм, повторяемость и проч.) с целью формирования общественного мнения.

Стоит отметить, что указанное определение не вполне соответствует тем законодательным положениям, которые нашли свое отражение в соответствующем федеральном законе, который указывает на то, что реклама представляет собой информацию, которая распространяется любым способом с целью привлечения внимания в объекту рекламирования [8].

ЦИК РФ указывает на распространение данной формы рекламы именно через СМИ, однако, безусловно, она может рас-

пространяться и иными способами, что следует из легальных положений законодательства о рекламе.

Достаточно логичным видится определение политической рекламы, данное Н. Г. Хрошевич, указывающим на то, что политическая реклама представляет собой вид рекламы, которая носит ярко выраженный агитационный характер, нацеленный на привлечение интереса граждан к тем или иным политическим партиям, объединениям и иным субъектам политики, с целью получения ими одобрения общества и повышение легитимности [9, с. 79].

Как отмечают отдельные авторы, сущность политической рекламы заключается в том, что она действует постоянно и не зависит от каких-либо социально-значимых событий, так как имеет целью сформировать определенное представление и лиц о тех или иных политических явлениях и (или) их участниках, в том числе с целью привлечения сторонников и лояльных граждан [2 с. 2].

На основании изложенного, видится возможным сформулировать авторское определение рассматриваемой категории. Итак, политическая реклама представляет собой постоянно действующую форму донесения информации о субъектах политики и их деятельности с целью одобрения их действий и привлечения лиц, которая разделению политические взгляды субъектов и готовы поддерживать их. Видится возможным указать на то, что рассматриваемый вид рекламы является агитацией, так как нацелен на привлечение электората субъектами политики.

Говоря о соотношении предвыборной агитации и политической рекламы необходимо указать, что последняя носит куда более широкий характер, так как не ограничена какими-либо временными и пространственными рамками, фактически, действуя в той или иной форме постоянно. Предвыборная агитация, в свою очередь, носит несколько «усеченный» характер и находится в зависимости от сроков проведения тех или иных выборов, а также региона их проведения.

Ярким примером является газета «Правда», выпускаемая Коммунистической партией Российской Федерации. В «обычном режиме» она, исходя из анализа содержания, имеет своей целью проведение политической агитации среди граждан и привлечение интереса к собственной политической деятельности. Однако в режиме предвыборной борьбы, данное издание осуществляет привлечение электората с целью получения голосов на выборах.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что понятие «политическая реклама» и «предвыборная агитация» соотносятся как целое и часть, в связи с тем, что последняя представляет собой деятельность по привлечению электората в строго отведенный период избирательной кампании, а политическая реклама имеет ту же цель, но существующую перманентно.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что рассмотренные политико-правовые категории имеют существенное значение в политической жизни общества и государства. На основе проведенного анализа видится необходимым исключить из п. 4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» указание на

возможность применения по отношению к предвыборной агитации синонимичного понятия «политическая агитация» применив его к политической рекламе.

В то же время, считается необходимым дополнение ч. 1 ст. 2 названного федерального закона п. 4.1, который стоит изложить в следующей редакции: «политическая реклама (политическая агитация) — деятельность субъектов политики, дей-

ствующих в соответствии с требованиями законодательства, имеющая целью влияние не запрещенными законом способами, на мнение граждан, с целью привлечения электората и укрепления роли в обществе».

Видится, что указанные изменения приведут к повышению эффективности правового регулирования в области деятельности политических партий и избирательных кампаний.

Литература:

1. Зелинский Я. В. Формы и методы предвыборной агитации: проблемы идентификации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 37–40.
2. Казданян с. Ш., Енгоян П. А., Акопян Г. А. О влиянии рекламы на политическое поведение личности // Бюллетень науки и практики. 2017. № 1 (14). С. 1–6.
3. Об Инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний кандидатам на должность Президента Российской Федерации, избирательным объединениям, инициативным группам избирателей и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях: постановление Центральной избирательной комиссии Рос. Федерации от 05.04.1996 № 86/76-П // Вестник Центризбиркома РФ. 1996. № 73.
4. Романова А. А. Тенденции правового регулирования предвыборной агитации в сети Интернет // Молодой ученый. 2018. № 15 (201). С. 79–81
5. Троицкая Т. В. Предвыборная агитация в России: конституционно-правовой аспект // Economic Consultant. 2017. № 2 (18). С. 5–9.
6. Турищева Н. Ю. Предвыборная агитация в системе правового и социально-политического регулирования выборов // Государство и право. 2019. № 1. С. 102–111.
7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон [принят Гос. Думой 22.05.2002] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
8. О рекламе: Федер. закон [принят Гос. Думой 22.02.2006] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
9. Хорошевич Н. Г. Социальная и политическая реклама: учебное-методическое пособие. Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2015. 146 с.

Полномочия Министерства юстиции в сфере оспаривания региональных нормативно-правовых актов

Колокольникова Полина Евгеньевна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

На сегодняшний день проверка качества регионального законодательства осуществляется в следующих направлениях: прокуратурой в ходе осуществления организации надзора за законностью правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и судом в соответствии с вступившим в законную силу Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) [1].

Применительно к законодательству Кировской области приказом прокурора Кировской области от 09.04.2019 № 93 утвержден регламент организации надзора за законностью правовых актов органов государственной власти Кировской области [2].

Так, прокуратура Кировской области обращалась в Кировский областной суд с административным иском с заявлением о признании недействующим пункта 2.4 Порядка заключения инвестиционного договора о предоставлении налоговой пре-

ференции, подпункта 2.1.2.2 пункта 2.1 раздела 2, подпункта 4.1.6 пункта 4.1 раздела 4 и таблицы 2 приложения № 4, подпункта 2.1.2 пункта 2.1 раздела 2, подпункта 4.1.6 пункта 4.1 раздела 4 и таблицы 1 приложения № 7 к Порядку заключения инвестиционного договора о предоставлении налоговой преференции, утвержденного постановлением Правительства Кировской области от 20.12.2016 № 34/270 (в редакции постановлений Правительства Кировской области от 13.06.2018 № 282-П, от 28.12.2018 № 658-П). Решением Кировского областного суда от 16.12.2020 по делу № 3а-106/2020 в удовлетворении административных исковых требований было отказано. Суд указал, что нарушений оспариваемыми положениями требований нормативно-правовых актов, имеющих большую юридическую силу, не установлено [4].

Также главой 21 КАС РФ регламентирован порядок производства по административным делам об оспаривании норма-

тивных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Согласно ст. 208 КАС РФ подать административное исковое заявление с требованием о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части могут лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы [1].

Таким образом, круг лиц, обладающих правом на оспаривание регионального нормативного правового акта, законодателем определен.

Так, общество с ограниченной ответственностью «Луч» обратилось в Кировский областной суд с административным исковым заявлением к Правительству Кировской области о признании недействующим постановления Правительства Кировской области от 5 апреля 2019 года № 176-П «Об утверждении перечня мест на территориях муниципальных образований Кировской области, отправление из которых одного и того же транспортного средства, используемого для перевозок пассажиров и багажа по заказу, более трех раз в течение одного месяца запрещается». Решением Кировского областного суда от 02.07.2019 по делу № За-37/2019 административный иск был удовлетворен частично, суд указал, что произвольное и необоснованное установление ограничений нарушает баланс интересов участников правоотношений, дает основания предполагать чрезмерное ограничение прав таких лиц [3].

21 апреля 2020 года Правительство России внесло в Госдуму законопроект № 945998–7 (далее — Законопроект), согласно которому данный круг расширяется: дополнительными полномочиями по оспариванию региональных и муниципальных нормативных правовых актов наделяется Министерство юстиции Российской Федерации [5].

Законопроект предполагает внесение изменений в статьи 208 и 209 КАС РФ. Согласно Законопроекту Министерство юстиции Российской Федерации наделяется правом на подачу административного искового заявления о признании нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, устава муниципального образования или муниципального правового акта о внесении изменений в устав муниципального образования не действующим полностью или в части, если по результатам проведения правовой экспертизы будет выявлено, что оспариваемый нормативный правовой акт не соответствует иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и нарушает права, свободы и законные интересы граждан. Срок, в течение которого Министерство юстиции Российской Федерации сможет реализовать данное право, — не ранее чем через 3 месяца со дня получения органом, принявшим оспариваемый нормативный правовой акт, заключения по результатам проведения правовой экспертизы.

Предполагается, что данный трехмесячный срок установлен для того, чтобы орган, принявший обжалуемый акт, смог привести указанный акт в соответствие с нормативным правовым актом, обладающим большей юридической силой. Если же это

не произойдет, Министерство юстиции Российской Федерации сможет в судебном порядке оспорить не соответствующий законодательству акт.

Следует отметить, что имеются как сторонники принятия данного Законопроекта, так и противники. Последние утверждают, что реализация предлагаемых новелл приведет к дублированию полномочий Минюста России и органов прокуратуры. Однако с этим нельзя согласиться, поскольку предлагаемые изменения создадут дополнительные возможности для выявления и устранения норм, противоречащих федеральному законодательству. Если данным вопросом будет заниматься не один, а несколько уполномоченных органов государственной власти, то это позволит повысить качество регионального законодательства. Более того, предполагается, что указанные категории дел будут рассматриваться с привлечением прокурора для дачи заключения по делу.

Сторонники предлагаемых изменений обоснованно отмечают, что принятие Законопроекта будет способствовать более оперативному исключению из нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, уставов и муниципальных актов норм, противоречащих законодательству, что повысит гарантии защиты прав граждан и обеспечения интересов государства. Представлять интересы Минюста России в судах по доверенности будут руководители территориальных органов Минюста России (созданы в каждом субъекте Российской Федерации). Поэтому реализация положений Законопроекта не потребует увеличения штатной численности Минюста России и выделения Минюсту России дополнительных финансовых средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Между тем, данный Законопроект так и не принят. Согласно Протоколу заседания Совета ГД ФС РФ от 20.05.2020 № 264, на котором Законопроект рассматривался, было принято решение направить Законопроект Президенту РФ, в комитеты, комиссию Государственной Думы, фракции в Государственной Думе, Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Правительство РФ, Счетную палату РФ, Общественную палату РФ, Верховный Суд РФ для подготовки отзывов, предложений и замечаний, а также на заключение в Правовое управление Аппарата Государственной Думы. Также было принято решение включить Законопроект в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы в период весенней сессии 2020 года (июнь).

16.06.2020 правовое управление аппарата Государственной Думы дало заключение, согласно которому замечаний концептуального характера к Законопроекту не имеется.

В дальнейшем никаких действий по принятию Законопроекта не производилось. Представляется, что данный Законопроект необходимо принять. Представлять интересы Минюста России в судах по доверенности будут руководители территориальных органов Минюста России (созданы в каждом субъекте Российской Федерации). Поэтому реализация положений Законопроекта не потребует увеличения штатной численности Минюста России и выделения Минюсту России дополнительных финансовых средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391.
2. Приказ прокурора Кировской области № 93 от 09.04.2019 «Об утверждении регламента организации надзора за законностью правовых актов органов государственной власти Кировской области» // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_43/documents/normative-act?item=9493654.
3. Решение Кировского областного суда от 02.07.2019 по делу № 3а-37/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Кировского областного суда от 16.12.2020 по делу № 3а-106/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Паспорт проекта Федерального закона № 945998-7 «О внесении изменений в статьи 208 и 209 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (в части расширения состава органов, обладающих правом оспаривать положения нормативных правовых актов в суде)» (внесен Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

Региональное законодательство в области обращения с животными

Колокольникова Полина Евгеньевна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Во многих цивилизованных странах существует законодательство, которое регламентирует права животных. Оно состоит из ряда правовых норм, закрепленных либо в одном нормативном акте, либо в нескольких правовых документах. В них закрепляются основные естественные права живых существ и отношение человека с животным миром.

В России на конституционном уровне предусмотрено, что Правительство Российской Федерации осуществляет меры, направленные на формирование в обществе ответственного отношения к животным (п.е.5 ч. 1 ст. 114 Конституции РФ) [1].

Действующим законодательством предусмотрено, что отношения в области обращения с животными регулируются как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Так, на территории Кировской области действует Закон Кировской области от 30.07.2009 № 404-ЗО «О ветеринарии в Кировской области», который регулирует отношения в сфере ветеринарии в целях защиты животных от болезней, выпуска безопасных в ветеринарно-санитарном отношении продуктов животноводства и защиты населения от болезней, общих для человека и животных, на территории Кировской области [2].

04.02.2021 Правительство Кировской области своим постановлением № 56-п утвердило Правила содержания и защиты домашних животных на территории Кировской области (далее — Правила). Правилами установлены требования к содержанию, выгулу домашних животных: собак и кошек. Действие документа не распространяется на содержание животных в научных, медицинских организациях, так как там действуют биотические правила проведения экспериментальных исследований и испытаний на животных. Согласно постановлению, животных обязательно нужно будет регистрировать, после чего данные о питомцах внесут в электронную базу данных. Такая база будет содержать информацию о всех зарегистрированных в Кировской области животных, принадлежащих юрлицам, физлицам и ИП. Кроме того, владелец питомца обязан защи-

щать животное и предотвращать жестокое обращение с ним или угрозы его здоровью. А хозяевам частных домов придется позаботиться о том, чтобы их питомец не мог самостоятельно выбраться за пределы частной территории. Согласно документу узнать допустимое количество домашних животных, которых можно поселить в своей квартире, можно по специально утвержденной формуле. Правила вступили в силу 14 февраля 2021 года [3].

Таким образом, Кировская область стала первым российским регионом, где ввели квоту на домашних питомцев в квартире. Однако Прокуратура Кировской области опротестовала введение квоты на домашних животных. Одним из пунктов в документе, вызвавших наиболее широкий резонанс, стало правило о квоте на домашних животных. Дополнительно изучив данное требование, сотрудники прокуратуры пришли к выводу, что правовой акт принят с превышением представленных органам государственной власти субъекта полномочий, отдельные положения «Правил содержания и защиты домашних животных на территории Кировской области» содержат не предусмотренные федеральным законодательством ограничения права собственности. Кроме того, ранее Председатель комитета Государственной Думы РФ по экологии и охране окружающей среды Владимир Бурматов направил в прокуратуру запрос с требованием отменить постановление правительства Кировской области, которое вводит квоту на домашних животных [4].

На сегодняшний день Правила в первоначальной редакции не действуют, Постановлением Правительства Кировской области от 29.06.2021 № 328-П в Правила были внесены изменения. Исключен п. 3.5.3, вводящий требования к допустимому количеству домашних животных в жилом помещении многоквартирного дома. Изменения коснулись и условий содержания домашних животных на территории Кировской области. Из Правил исключены требования о необходимости получения письменного согласия всех совершеннолетних

граждан, зарегистрированных и фактически проживающих в коммунальной квартире, для содержания домашнего животного в коммунальной квартире или в жилом помещении, занимаемом несколькими семьями, а также требования к владельцам домашних животных в части обеспечения домашних животных необходимым пространством. Также из Правил полностью исключен раздел 4 «Требования к выгулу собак».

Кроме того, внесены изменения в пункт 3.10 Правил в целях приведения его в соответствие с Ветеринарными правилами осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов бешенства, утвержден-

ными приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 25.11.2020 № 705 «Об утверждении Ветеринарных правил осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов бешенства».

Оценивая качество законодательства Кировской области в области обращения с животными, следует согласиться с тем, что утвержденные в первоначальной редакции Правила вводили имущественный ценз для граждан и «привязывали» право заводить домашних питомцев к количеству квадратных метров, находящихся в собственности человека. В связи с этим, внесение изменений в Правила было законным и обоснованным.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Закон Кировской области от 30.07.2009 № 404-ЗО «О ветеринарии в Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области», № 5(125), 20.10.2009.
3. Постановление Правительства Кировской области от 04.02.2021 № 56-П «Об утверждении Правил содержания и защиты домашних животных на территории Кировской области» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/>.
4. Прокуратура Кировской области опротестовала введение квоты на домашних животных // URL: <https://www.kirov.kp.ru/online/news/4198942/> (дата обращения: 14.08.2022).

Некоторые проблемы кадровой политики на государственной службе субъекта Российской Федерации

Кошелева Виктория Анатольевна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье автор предпринял попытку обозначить правовые и организационные проблемы кадровой политики на государственной службе субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная служба, кадровый резерв, кадровая политика.

Эффективная кадровая политика на государственной службе напрямую влияет на результативность деятельности органов государственной власти и является одним из условий успешного решения стоящих перед обществом задач и укрепления российской государственности. Кроме того, развитие и совершенствование кадровой политики влияет на укрепление конституционно-правового статуса государственного служащего.

Кадровая политика — это система идей и практических (методических) рекомендаций, объединяющая развитие теоретических и организационных аспектов государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации в процессе разработки и внедрения кадровых процедур, форм, принципов и методов кадровой деятельности, отражающая взаимодействие различных отраслей науки и юридической практики [5].

Сегодня приоритетное место в государственной кадровой политике занимает кадровое обеспечение системы государственного и муниципального управления: насыщение структур исполнительной, законодательной и судебной власти профессионально подготовленными, ответственными кадрами, обладающими высоконравственными качествами и чувством гражданского долга. Особого внимания требует деятельность по формированию административного и элитного слоя и его резерва. В настоящее время покрыт дефицит профессионально подготовленных руководителей государственного уровня [4].

В настоящий момент в России ведется активное реформирование системы государственного управления. В указанном процессе принимают активное участие эксперты из Центра стратегических разработок (ЦСР), Центра подготовки руководителей цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС и другие. Представители самих органов власти также активно вовлекаются в ре-

ализацию мероприятий по совершенствованию государственного управления и кадровой политики.

Тем не менее, несмотря на многочисленные исследования и подготовленные экспертами предложения, реформирование кадровой политики на государственной службе в России происходит крайне медленно, как на федеральном уровне, так и на региональном.

Все проблемы кадровой политики условно можно классифицировать на две группы: правовые и неправовые (организационные). Правовые проблемы так или иначе можно решить, изменив действующее правовое регулирование. Требования к кандидатам и процедура формального отбора и проверки документов кандидатов на государственную службу, система повышения квалификации и обучения, система должностей, условия снятия с должности и формирования денежного содержания государственных служащих закреплены федеральным законодательством [3].

К числу правовых проблем можно отнести условия формирования денежного содержания госслужащих, которое фактически связано со стажем и формальными заслугами сотрудников, но не с компетентностью, результативностью и эффективностью работы [1]. Излишнюю зарегулированность системы управления кадрами и организации работы на госслужбе, которая приводит к главенству соблюдения формальных правил и процедур над содержательными результатами работы.

Неправовые проблемы чаще всего связаны с организационными аспектами управления кадрами на госслужбе. Например, проблема внедрение современных технологий управления персоналом на госслужбе. Формирование и работа с кадровыми резервами и резервами управленческих кадров в разных субъектах РФ и на федеральном уровне, которые существуют параллельно и никак не связаны между собой. Причиной тому отсутствие единого подхода и технологий создания этих резервов и коммуникаций в органах исполнительной власти по

кадровым вопросам, что снижает эффективность работы с кадрами. Отсутствует также и горизонтальные связи между органами государственной власти разных регионов по кадровым вопросам.

Например, в Нижегородской области создан и функционирует полноценный кадровый портал «Команда Правительства» [2]. Данный портал — это не только база вакансий государственной службы, но и образовательная площадка и площадка для профессионального развития, в основе которой лежат современные HR-технологии. В Челябинской области и соседних регионах аналогичные порталы отсутствуют.

Интересно отметить, что в Нижегородской области методология отбора кандидатов разработана Факультетом оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС и, начиная с 2014 года, используется при формировании резерва управленческих кадров, находящегося под патронажем Президента Российской Федерации. Это отличный пример взаимодействия академического сообщества с органами государственной власти в сфере кадровой политики, которое направлено на решение проблем, которые мы обозначили выше, и на развитие регионального кадрового потенциала.

Условность данной классификации заключается в том, что так или иначе система управления кадрами базируется на правовом регулировании и сильно зависит от действующего законодательства.

Указанные проблемы являются следствием отсутствия единой и продуманной кадровой политики, и ее законодательного регулирования. И для того чтобы добиться прогресса в процессе изменения системы и обеспечить органы государственной власти специалистами, обладающими компетенциями, навыками и опытом, которые необходимы для достижения национальных целей, требуется переработать законодательные нормы и методические рекомендации, регулирующие систему управления кадрами.

Литература:

1. Добролюбова, Е. И. Заработная плата чиновников: сколько и как платить / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков. // Экономическое развитие России. — 2019. — № 4. — С. 92–94.
2. «Команда Правительства» — экосистема профессионального развития. // Команда Правительства Нижегородской области: [сайт]. — URL: <https://hr.government-nnov.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 31. ст. 3215.
4. Хайбуллаева, М. М. Проблема кадровой политики на государственной службе / М. М. Хайбуллаева, Д. В. Голиков. // Системные технологии. — 2018. — № 26. — С. 111–114.
5. Щукина, Т. В. Вопросы содержания и структуры кадровой политики в системе государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации / Т. В. Щукина. // Административное право и процесс. — 2011. — № 11. — С. 4–5.

Специфика безвиновной ответственности в предпринимательской деятельности

Крикуненко Елена Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В цивилистической науке вина рассматривается в качестве одного из ключевых условий наступления гражданско-правовой ответственности. Указанное обстоятельство напрямую отражено в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ). Так, к примеру, в статье 401 ГК РФ говорится о том, что лицо, исполнившее обязательство ненадлежащим образом или не исполнившее его, несет ответственность при наличии вины. Аналогичным образом законодатель подходит к разрешению вопросов, связанных с причинением вреда, в соответствии со статьёй 1064 ГК РФ лицо может быть освобождено от ответственности если докажет, что вред был причинен не по его вине [1].

Вместе с тем определенное исключение существует для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Вина в предпринимательской деятельности не является обязательным условием образования гражданского правонарушения, что напрямую следует из положений статьи 401 ГК РФ. Учитывая специфику предпринимательской деятельности как деятельности, базирующейся на риске, а также осуществляемой на профессиональной основе, законодатель счел необходимым возложить на данные субъекты также ответственность, образованную случайно. Кроме того, определенным фактором стала большая имущественная стабильность (защищенность) по сравнению с физическими лицами, предпринимательскую деятельность не осуществляющими.

В теории гражданского права существует несколько взглядов, относительно представленного вопроса. Отдельные авторы, в частности В. З. Гущин, полагают, что наличие института безвиновной гражданской ответственности свидетельствует об отступлении от обязательности условия вины [2, с. 57]. По нашему мнению, вина выступает важным и неотъемлемым условием наступления гражданско-правовой ответственности. Сама по себе возможность наступления ответственности без вины не может быть рассмотрена как общая тенденция развития всей гражданско-правовой ответственности. Безвиновная ответственность существует для поддержания идей равенства и справедливости, главенствующих в гражданском праве.

Другие рассматривают безвиновную ответственность, как способ достижения справедливости [3, с. 304]. Сторонник данного подхода, В. А. Тархов, приводит в качестве примера ситуацию с ломбардом, из которого вещи, сданные на хранение, исчезли. Какой смысл сдавать профессиональному хранителю вещи, если он будет нести ответственности только при наличии его вины?

В своих исследованиях В. А. Копылов делает акцент на такое свойство предпринимательской деятельности как риск. Автор отмечает, что применительно к гражданско-правовой ответственности риск выражается в «осознании субъектом возможности случайного наступления неблагоприятных последствий,

а также в его согласии возместить либо принять на себя убытки или вред, возникшие без его вины» [4, с. 15].

Таким образом, ответственность в предпринимательской деятельности можно считать повышенной, так как предприниматели отвечают за случайное неисполнение, ненадлежащее исполнение обязательств или причинение вреда. При этом стоит отметить, что речь идет именно о невиновной ответственности, а не о презумпции вины предпринимателя, так как в противном случае, лицо могло быть освобождено от ответственности при условии доказанности отсутствия вины.

На практике нередко встречаются случаи, когда субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, посредством договоров изменяют режим гражданско-правовой ответственности в отношениях между собой. Речь идет о включении вины в качестве обязательного условия именно договорной ответственности. Представленная мера полностью согласуется с принципом свободы договора и не противоречит ГК РФ.

Помимо этого, действующее гражданское законодательство предусматривает основания освобождения от безвиновной ответственности в предпринимательской деятельности — обстоятельства непреодолимой силы. При этом само по себе наличие обстоятельства непреодолимой силы не может служить основанием освобождения предпринимателя от ответственности. Необходимо также, чтобы непреодолимая сила препятствовала надлежащему исполнению обязательства (то есть важна причинно-следственная связь). Иными словами, стихийное бедствие, препятствующее предпринимательской деятельности, в одной местности, не мешает осуществлять деятельность (исполнять обязательства) в другой. Помимо этого, важно доказать и влияние непреодолимой силы на саму предпринимательскую деятельность.

В силу положений пункта 3 статьи 401 ГК РФ под обстоятельствами непреодолимой силы понимаются обстоятельства непреодолимые при данных условиях и чрезвычайные. При этом чрезвычайность и непреодолимость являются кумулятивными признаками.

Следует отметить, что понятия чрезвычайности и непреодолимости раскрываются в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Так, под чрезвычайностью понимается исключительность обстоятельства, наступление которого нельзя считать обычным при конкретных условиях. Классическим примером отсутствия признака чрезвычайности выступает падение крана из-за грозы, при условии предупреждения о ней. Сильная гроза может быть рассмотрена в качестве обстоятельства непреодолимой силы, однако предупреждение о ней препятствует образованию признака чрезвычайности [5, с. 28].

Непредотвратимое обстоятельство предполагает, что любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не может избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. Примечательно, что

обстоятельство может быть непредотвратимым, но при этом не будет обладать признаком чрезвычайности и наоборот.

В научной литературе выделяется третий признак непреодолимой силы — непредвидимость [6, с. 107]. При выделении указанного признака авторы исходят из предположения о том, что он обнаруживает устойчивую связь с признаком чрезвычайности. Если лицо предвидело или могло предвидеть наступление чрезвычайного обстоятельства, но при этом не имело объективной возможности устранить его (предотвратить), то оно не может нести ответственность, однако если возможность предотвращения все же существовала, ответственность должна наступать. Рассмотрение признака непредвидимости таким образом приводит к бессмысленности его выделения, и доказывает достаточность признаков чрезвычайности и непредотвратимости, так как во втором случае, когда ответственность наступает, отсутствует признак непредотвратимости.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 9 (часть I). Ст. 1252.
2. Гущин В.З. Гражданско-правовая ответственность // Современное право. 2014. № 1. С. 52–54.
3. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть: курс лекций. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1997. 331 с.
4. Копылов В.А. Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 23 с.
5. Зимнева С.В. Признак «чрезвычайности» непреодолимой силы в судебной практике // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2015. № 3. С. 26–29.
6. Андреев А.А. Эвентуальная ответственность в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 163 с.

Гражданско-правовая ответственность без вины: проблемы теории

Крикуненко Елена Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Традиционно центральным элементом юридической ответственности выступает вина. Указанное обстоятельство порождает массу научных споров, связанных с возможностью существования ответственности без вины.

В настоящее время в научной литературе встречается два подхода к определению соотношения и совместимости принципа ответственности за вину и невиновной ответственности, а именно: «теория виновного начала с исключением» и «теория исключительного виновного начала». Первый подход базируется на идее о том, что юридическая ответственность (в том числе гражданско-правовая) может быть как виновной, так и невиновной. При этом невиновная ответственность рассматривается в качестве исключения из общего правила. К представителям представленной позиции можно отнести Г.К. Матвеева. Автор указывает на необходимость существования исключений из принципа ответственности за вину, обосновывая свою позицию тем, что для возмещения вреда, причиненного невиновно, законодателем используется категория ответственности. Кроме того, Г.К. Матвеевым отмечается

Определенные сложности на практике может вызвать и само установление факта непредвидимости. Признаки чрезвычайности и непредотвратимости связаны с объективной действительностью, тогда как непредвидимость определяется исходя из внутренних качеств субъекта.

Проведенное исследование показало целесообразность безвиновной ответственности предпринимателей, обусловленную спецификой предпринимательской деятельности как деятельности, основанной на риске и осуществляемой на профессиональной основе. Необходимо указать, что в части ответственности в сфере предпринимательской деятельности речь идет именно о безвиновной ответственности, а не о презумпции вины соответствующего субъекта.

Кроме того, следует отметить, что существующих признаков чрезвычайности и непредотвратимости достаточно для определения обстоятельств непреодолимой силы.

и объективная необходимость обеспечения имущественных интересов потерпевшего [1, с. 17].

Следует отметить, что тезис о том, что законодателем для обозначения механизма возмещения вреда, причиненного в отсутствие вины, используется термин «ответственность», и, следовательно, данное явление является ответственностью, не следует считать обоснованным. Невозможно установить смысл и содержание правового явления, ссылаясь исключительно на его обозначение в нормативных правовых актах, следует устанавливать его сущность.

Отдельные авторы также рассматривают невиновную ответственность в качестве специфического признака гражданского права [2, с. 47].

В рамках второго подхода невиновная ответственность отрицается вовсе. Сторонниками второго подхода являются Н.Г. Александров, О.А. Красавчиков, Н.С. Малеин, Л.С. Явич и другие. К примеру, Н.С. Малеин писал, что в условиях отсутствия вины не может существовать никакой юридической ответственности [3, с. 156]. Выступая с критикой пер-

вого подхода, О. А. Красавчиков отмечал, что при тщательном анализе положений гражданского законодательства помимо невинной ответственности можно также обнаружить «безвредную», «беспричинную» и «беспротивоправную» ответственности [4, с. 154], что в полной мере соответствует действительности.

Теория исключительного виновного начала находит свое проявление в публичных отраслях права, таких как административное и уголовное право, в которые отсутствие вины обуславливает полное отсутствие состава правонарушения (в том числе преступления).

Анализ положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) показывает, что на сегодняшний день используемая законодателем категория ответственности имеет содержание, расходящееся с общими представлениями о ретроспективной юридической ответственности. Разрешение представленной проблемы, как справедливо отмечает В. А. Толстик, видится несколькими путями: расширение категории юридической ответственности или же в обособлении возмещения вреда при отсутствии вины (то есть в разделении мер ответственности и мер защиты) [5, с. 326].

Расширение содержания категории юридической ответственности, по нашему мнению, неизбежно повлечет за собой стирание границ между самим явлением ответственности и охранительным правоотношением, в связи с чем приведет к утрате необходимости ее самостоятельного выделения.

По этой причине считаем важным обратить внимание на второй способ. Еще в советский период О. С. Йоффе подчеркивал, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства юридическая ответственность не возникает, а имеет место быть защита. Аналогичным образом рассматривались и случаи возмещения вреда, причиненного при отсутствии вины. Как указывал автор, в данном случае речь идет о защите, выраженной в принудительном исполнении обязанности [6, с. 124]. Многие исследователи пошли еще дальше, определяя правовую природу такой защиты.

Необходимо отметить, что в основе обязательства по возмещению убытков могут лежать различные юридические факты (события или действия). О возмещении вреда, выраженном в форме ответственности, целесообразно говорить в том случае, когда в основе такого вреда лежит правонарушение. В теории права под правонарушением понимается виновное, противоправное деяние, за совершение которого установлена ответственность. Для других юридических фактов, лежащих

в основе обязательства по возмещению вреда, должна существовать иная правовая форма возмещения (мера защиты, правовосстановительные меры и т.д.).

Таким образом, при гражданском правонарушении должны быть реализованы меры ответственности, а при невинном причинении вреда меры защиты, однако способ защиты (внешнее выражение меры) в определенных случаях может совпадать (возмещение убытков, компенсация морального вреда).

Не менее значимыми критериями разграничения мер ответственности и мер защиты выступают их содержание и назначение. Так, гражданско-правовая ответственность предполагает создание нового обязательства, не существовавшего ранее, тогда как защита нередко ограничена существующими между сторонами договоренностями. Кроме того, меры гражданско-правовой ответственности, как правило, налагаются государством и выполняют карательную функцию, тогда как меры защиты могут быть реализованы в неюрисдикционной форме и имеют восстановительный характер.

Отдельное внимание следует уделить подходу А. М. Хужина, который исследуя вопросы невинной ответственности, отходит от критерия вины. Автор отмечает, что вместо переосмысления явления юридической ответственности без вины, необходимо воспринять концепцию строгой юридической ответственности. Сущность указанной концепции заключается в том, что по причине усложнения общественных отношений, разной значимости благ и специфики деятельности требования к виновному поведению лица ужесточаются, что приводит к необходимости создания и существования строгой юридической ответственности. Иными словами, ответственность наступает не за невинное деяние, а за виновное, однако в случаях, прямо установленных законом (предпринимательская деятельность, источник повышенной опасности и т.д.) [7, с. 15].

Вместе с тем представленный подход не разрешает проблему с качественной позиции, так как в ее рамках фактически невинное поведение может признаваться виновным в силу простого указания в законе.

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу о том, что принцип виновности должен распространять свое действие на все виды юридической ответственности, в том числе на гражданско-правовую ответственность. Меры ответственности должны реализовываться только при наличии правонарушения, тогда как меры защиты могут осуществляться в иных случаях.

Литература:

1. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература. 1970. 312 с.
2. Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 1958. № 1. С. 47–53.
3. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юридическая литература. 1985. 193 с.
4. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юридическая литература, 1996. 200 с.
5. Толстик В. А. Принцип ответственности за вину и невинная юридическая ответственность: проблемы совместимости // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 324–327.
6. Йоффе О. С. Значение вины в советском гражданском праве // Ученые записки. 1951. № 129. С. 118–160.
7. Хужин А. М. Невинное поведение в праве (общетеоретический аспект): автореф. докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 54 с.

Позитивные и негативные аспекты правового регулирования статуса индивидуального предпринимателя в российском законодательстве

Кузнецов Илья Андреевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, физическое лицо, государственная регистрация, личная имущественная ответственность, правовой статус.

Цель. Цель настоящей статьи состоит в обобщении, анализе нормативно-правовых норм различного уровня, посвященных индивидуальным предпринимателям, выявлении недостатков правового регулирования данного института, а также поиске и разработке механизмов правового регулирования данного института.

Методология. Достижение поставленной цели обеспечивалось на основе использования общенаучных и частнонаучных методов исследования: диалектического, формально-логического, системно-структурного, сравнительно-правового, технико-юридического, метода научного анализа.

Результаты. Проведенный анализ действующей нормативно-правовой базы позволил выявить недостатки правового регулирования института индивидуального предпринимательства, сформировать вектор поиска и разработки сбалансированных механизмов правового регулирования данного института.

Введение. Понятие индивидуального предпринимателя раскрывается в ч. 2 ст. 11 Налогового кодекса российской федерации как понятие физического лица, зарегистрированного в установленном порядке и осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также как главы крестьянских (фермерских) хозяйств. Такой установленный законом порядок регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя подробно раскрывается в главе VII.1 о «государственной регистрации индивидуальных предпринимателей» Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». В частности, статьями 22.1–22.4 указанного Закона № 129-ФЗ предусмотрен порядок самой государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, а также порядок внесения изменений в сведения об индивидуальном предпринимателе, содержащиеся в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, порядок государственной регистрации при прекращении физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя и порядок исключения индивидуального предпринимателя из единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей по решению самого регистрирующего органа.

Однако несмотря на наличие законодательного закрепления настолько подробного порядка отражения сведений в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, в том числе как о внесении таких сведений, так и об их изменении или исключении, само правовое регулиро-

вание предпринимательской деятельности граждан, осуществляющих такую деятельность без образования юридического лица и прошедших государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя как в современных реалиях российского законодательства, так и на протяжении долгого времени в целом, остается недостаточно удовлетворительным.

Текст статьи. В текущих условиях развития российского правового поля в рамках предпринимательства статус индивидуального предпринимателя по своей сути воспринимается как некая форма продолжения развития статуса гражданина как субъекта гражданских правоотношений [1, с. 41]. В подтверждение данного довода можно привести как и личную имущественную ответственность индивидуального предпринимателя, по которой такое лицо отвечает всем своим личным имуществом, кроме перечня, указанного в п. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в который, к примеру, входит единственное жилье, так и понятие юридического адреса индивидуального предпринимателя, под которым принято считать адрес фактического проживания именно по месту регистрации физического лица, при том, что сведения о месте регистрации физического лица, осуществляющего свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей не вносятся, в связи с чем на практике также существует обособленная проблема привлечения недобросовестных индивидуальных предпринимателей к ответственности, в том числе и по Закону Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей».

Также дополнительным примером восприятия в действующем законодательстве статуса индивидуального предпринимателя как лишь дополнительной надстройки над статусом физического лица является правовой бизнес-инструментарий самого индивидуального предпринимателя. Владелец какого-либо бизнеса, осуществляющего свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя не может просто перепродать такой бизнес другому индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу. Для этого владельцу бизнеса, осуществляющему свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя будет необходимо либо ограничиться осуществлением вывода из собственного бизнеса производственных и иных активов, либо переводить свой бизнес в отличное от индивидуального предпринимательства правовое поле юридического лица посредством создания такого юридического лица с неизбежной потерей статуса ин-

дивидуального предпринимателя. Указанная проблема также находит свое отражение в сложности привлечения индивидуальным предпринимателем в своей бизнес инвесторов [2, с. 506], основным требованием которых зачастую является включение самого инвестора в состав участников компании, в том числе и с мажоритарной долей участия. Данный способ развития бизнеса доступен только для юридического лица, гражданин же, осуществляющий свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, совладельца бизнеса в текущих условиях развития российского законодательства каким-либо законным способом оформить не может. Создается ситуация, при которой сам индивидуальный предприниматель, желая укрепить противодействие давлению на свой бизнес извне, или руководствуясь целью обеспечения дополнительного развития своего дела, остается сильно ограниченным действующим законодательством в своем правовом инструментарии.

При этом, при сравнении правового статуса индивидуального предпринимателя и правового статуса юридического лица действующим законодательством ставятся не самые эффективные положительные особенности правового статуса индивидуального предпринимателя в противовес отрицательно сказывающимся на осуществлении индивидуальным предпринимателем своей деятельности особенностям действующего законодательства, возлагающим на такого предпринимателя высокие дополнительные риски лично имущественного характера, при негативном раскладе способные довести его до банкротства физического лица, а также сковывающего такого индивидуального предпринимателя в предоставляемом ему ограниченном правовом инструментарии по развитию его предпринимательской деятельности. Более простая регистрация в качестве индивидуального предпринимателя и более простая ликвидация его статуса, а также отсутствие обязанности индивидуального предпринимателя вести бухгалтер в совокупности с отчасти действительно полезными сторонами индивидуального предпринимательства в виде более низких административных штрафов и менее обременяемых налоговых режимов для индивидуальных предпринимателей по сравнению с правовым регулированием деятельности организаций в итоге не перевешивают совокупности следующих факторов: внесения индивидуальным предпринимателем страховых взносов даже при фактическом несении им убытков, погашения долгов за счет личного имущества индивидуального предпринимателя, ограничений по видам деятельности и неделимости бизнеса.

Однако некоторые исследователи как теоретического аспекта правового статуса индивидуального предпринимателя [3, с. 79], так и практического аспекта осуществления индивидуальным предпринимателем своей деятельности [4, с. 105] считают, что физическое лицо, обладающее данным статусом, корректировке правового регулирования при действующем законодательстве не подлежит, в частности ввиду имеющих у такого лица признаков, являющихся как одновременно специальными признаками, присущими только индивидуальному предпринимателю так и являющихся признаками общими, присущими всем юридическим лицам.

Так, различными исследователями выделяются следующие признаки:

1) Индивидуальный предприниматель, при осуществлении своей деятельности является единственным управляющим лицом, следовательно, ему свойственно организационное единство, являющееся специальным признаком юридического лица.

2) Индивидуальный предприниматель имеет имущественную самостоятельность, в его случае сразу достигающей абсолютную степень — личную имущественную ответственность. Юридическим лицам также присуща самостоятельная имущественная ответственность, ведь у них имеется закрепленное за ними имущество, которым они отвечают по долгам перед кредиторами.

3) Наличие у индивидуального предпринимателя, как и у юридического лица, специальной компетенции, возникающей на основании самой цели образования такой организационно-правовой формы осуществления деятельности.

4) Легитимность деятельности как индивидуального предпринимателя, так и юридического лица в силу государственной регистрации обеих организационно-правовых форм.

Такой подход к исследованию данного вопроса является полезным лишь с точки зрения теоретического анализа, так как является слишком обобщающим и не позволяет выявить правовые аспекты действующего законодательства, требующие корректировки, как например в рассмотренных нами ранее случаях с ограничением правового инструментария физического лица, имеющего статус индивидуального предпринимателя.

Заключение. На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что в настоящее время в рамках российского законодательства существует необходимость не только в формировании более точной самостоятельной правосубъектности гражданина, имеющего статус индивидуального предпринимателя, но и в самом формировании баланса такой правосубъектности, при котором излишне жесткие положения, закрепленные на законодательном уровне, не будут влечь за собой настолько однозначно высокие риски для лица, обладающего статусом индивидуального предпринимателя. Так, при сравнении индивидуального предпринимателя и юридического лица по все тому же критерию личной имущественной ответственности можно провести очередную наглядную параллель. При неспособности юридического лица ответить по своим обязательствам перед его кредиторами в отношении такого юридического лица может быть возбуждена процедура банкротства юридического лица. При этом, в случае установления факта банкротства юридического лица по вине контролирующего организацию лица, такое контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности. В представленном примере имеется баланс распределения имущественной ответственности, так как при наступлении такой ситуации возникнет лишь возможность привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности, а не строго императивно установленное однозначно привлечение к такой ответственности. В случае же с индивидуальным предпринимателем при его невозможности расплатиться по долгам с его кредиторами такой индивидуальный предприниматель однозначно будет нести личную имущественную ответственность [5, с. 177].

Литература:

1. Вайпан, В. А. Источники предпринимательского права: учебно-методический комплекс / В. А. Вайпан. — Москва: Юстицинформ, 2017. — 84 с.
2. Ершова, И. В. Предпринимательское право / Г. Д. Отнюкова. — Москва: Проспект, 2015. — 624 с.
3. Курбанова, Р. А. Предпринимательское право. Учебник / Р. А. Курбанова. — Москва: Проспект, 2021. — 856 с.
4. Филиппова, С. Ю. Имидж коммерсанта: правовое регулирование и способы охраны. / С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитоновна. — Москва: Стаут, 2018. — 288 с.
5. Иванова, С. П. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц. Учебное пособие / С. П. Иванова, Д. Н. Земляков, А. Л. Баранников. — Москва: Юстиция, 2020. — 200 с.

Актуальные проблемы законодательства в области государственной историко-культурной экспертизы земельных участков (на примере Иркутской области)

Купцова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В Российской Федерации закреплен комплекс мер по государственной охране культурного наследия, одной из которых является государственная историко-культурная экспертиза (далее — ГИКЭ). В статье приводится анализ системы государственного регулирования ГИКЭ земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Рассматриваются «технологические» проблемы и законодательные лакуны в области проведения данного вида ГИКЭ в частности: незавершенность нормативно-правового регулирования (отсутствие подзаконных актов), слабое ценовое регулирование, недостаток экспертов по проведению экспертизы, отсутствие централизованного регулирования процедуры ГИКЭ и др.

Ключевые слова: историко-культурная экспертиза, экспертиза земель, эксперты, археологическая разведка, археология.

Введение

Федеральным законом от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — ФЗ-73) введено понятие «государственная историко-культурная экспертиза». ГИКЭ представляет собой деятельность экспертных организаций и физических лиц (экспертов), связанную с проведением научных исследований, изучением и оценкой определенного объекта экспертизы, а также подготовки выводов (заключений) по предмету экспертизы, оформленных в соответствии с процедурным порядком в виде документа установленной формы. Актуальность темы исследования определяется постановкой проблемы, которая ранее не подвергалась широкому исследованию. Процедура ГИКЭ закрепились в законодательном поле с 2009 года. После 13 лет существования нового правового института возникла необходимость проанализировать результаты его введения. Очевидно, что ГИКЭ обеспечила большую открытость в части принятия управленческих решений уполномоченными государственными органами, а также дала возможность общественным институтам влиять на принимаемые государственными органами решения, посредством внесения предложений по заключениям историко-культурных экспертиз, размещенных на общественные слушания в сети Интернет. Несмотря на положительные стороны, ГИКЭ имеет ряд неоднозначных проблем. До настоящего времени в нормативно-правовом поле не дано исчерпывающее

определение понятию «государственная историко-культурная экспертиза», не утверждена единая концепция и методика её проведения.

Изучением вопроса функционирования ГИКЭ начиная с 2010–2014 годов занимаются как государственные специалисты в области охраны культурного наследия, так и научные исследователи (Давыденко Г. Г., Берлизов М. П., Макаров С. В., Шухобротский А. Б., Тарновский В. В., Шишова О. П.), несмотря на это, вопрос регулирования экспертизы земельных участков остается актуальным.

ГИКЭ является одним из инструментов государственной охраны культурного наследия, посредством которого решаются многие задачи: устанавливается категория объекта культурного наследия, определяется его культурная ценность, определяется наличие или отсутствие объектов культурного наследия на какой-либо территории и др. Инициаторами проведения экспертизы могут быть органы охраны объектов культурного наследия, а также заинтересованные физические лица и организации. В соответствии с ФЗ-73 объектами историко-культурной экспертизы являются:

— *документация*, обосновывающая включение или исключение объекта из единого государственного реестра объектов культурного наследия Российской Федерации; документация, обосновывающая изменение категории объекта культурного наследия или отнесение его к особо ценным объектам культурного наследия;

— *проекты зон охраны* объектов культурного наследия;

— *проектная документация* по сохранению объекта культурного наследия или документация, обосновывающая его сохранность при строительных и хозяйственных работах;

— *земли, подлежащие воздействию строительных, хозяйственных и иных работ* [7].

Историко-культурная экспертиза земельных или лесных участков проводится в целях определения наличия или отсутствия на них объектов культурного (археологического) наследия. Экспертиза проводится до начала проведения земляных и строительных работ в форме археологической разведки (полевых археологических работ) [7]. Заключение историко-культурной экспертизы является основанием для принятия государственным органом охраны объектов культурного наследия решения о возможности проведения строительных, хозяйственных и иных работ на земельном участке (ст. 32 ФЗ-73).

В соответствии с действующим законодательством, любые строительные и хозяйственные работы могут проводиться при условии отсутствия на земельном участке объектов культурного (археологического) наследия, либо при условии выполнения ряда включенных в проектную документацию мероприятий, обеспечивающих безусловную сохранность объектов культурного наследия, в том числе объектов, находящихся на сопредельной с участком территории. Для археологических объектов, в случае доказанной невозможности сохранить их физическую целостность в ходе строительных работ, в качестве мероприятий по обеспечению сохранности, выполняются спасательные археологические раскопки.

Взаимодействие ГИКЭ и органов государственного управления

В соответствии с ФЗ-73, информацию о наличии или отсутствии объектов культурного наследия на земельном участке застройщик обязан получить в государственном региональном органе охраны объектов культурного наследия. Заключение регионального органа охраны по результатам рассмотрения обращения застройщика может содержать различную информацию, обобщив которую можно выделить следующие виды:

1. Земельный участок расположен в границах объекта культурного (археологического) наследия. В данном случае вступает в силу статья 36 ФЗ-73, согласно которой застройщик обязан разработать проектную документацию или включить в состав уже разрабатываемой проектной документации раздел об обеспеченности сохранности, попадающего в зону строительства объекта культурного (археологического) наследия. Разработанная документация должна пройти государственную историко-культурную экспертизу и согласование регионального органа по охране культурного наследия.

2. На земельном участке отсутствуют объекты культурного (археологического) наследия. В этом случае строительные, земляные и другие виды работ можно производить без ограничений.

3. Требование провести государственную историко-культурную экспертизу земельного участка, подлежащего воздействию строительных и иных работ, с целью определения наличия либо отсутствия объектов культурного (археологического) наследия на участке.

Основания для назначения государственным органом ГИКЭ земель в правом поле описаны достаточно размыто, что создает трудности для их понимания даже специалистам.

В соответствии со ст. 30 ФЗ-73 государственная историко-культурная экспертиза земель проводится в том случае, если земельный участок расположен в границах территорий, в отношении которых имеются основания предполагать наличие на них объектов археологического наследия. Критерии определения этих территорий устанавливаются Правительством Российской Федерации (пп. 34,2, п. 1, ст. 9 ФЗ-73). На сегодняшний день эти критерии не разработаны и не утверждены. Законодатель, предусмотрев данное обстоятельство, указал, что до времени пока такие территории не утверждены, историко-культурная экспертиза проводится в соответствии с требованием этого же закона, но в редакции, действовавшей до 4 августа 2018 года. Положение Закона в старой редакции гласит, что историко-культурная экспертиза земельных участков, подлежащих воздействию строительных работ, проводится в том случае, если государственный орган не имеет сведений об отсутствии на данном участке объектов культурного наследия (абз. 3 ст. 30 ФЗ-73 в редакции, действовавшей до 04.08.2018 г.).

Данные о наличии или отсутствии объектов на определенной территории государственный орган получает по результатам экспертиз, проводимых путем археологической разведки. Результаты экспертизы оформляются в форме акта с обязательным приложением научного отчета о выполненных археологических исследованиях. Отчеты содержат всю необходимую информацию касательно обследованного участка, включающую сведения о выявленных археологических объектах, об археологической перспективности территории, целесообразности дальнейших исследований и т.д. На территориях, где ранее, до обращения застройщика, ГИКЭ земель не проводилась и, следовательно, у регионального органа охраны нет сведений о результатах археологических изысканий, госорган обязан назначить проведение экспертизы.

После выполнения экспертизы, акт ГИКЭ со всеми прилагаемыми документами сдаётся заказчиком в региональный орган охраны. У уполномоченного органа законодательно закреплены сроки рассмотрения акта — 15 рабочих дней. Заключение экспертизы размещается на официальном сайте госоргана и проходит общественные обсуждения. После завершения срока рассмотрения, орган охраны обязан выдать уведомления о согласии или несогласии с выводами экспертизы. По мнению части исследователей, возможность государственных органов выразить несогласие с выводами экспертизы носит коррупциогенный фактор (Тарновский В. В., Шишова О. В.). Действительно, государственные органы вправе назначить повторную экспертизу в случае несогласия с выводами, однако это право у государственных органов весьма ограничено. В положении об экспертизе выделено всего пять причин выразить несогласие:

- 1) несоответствие заключения экспертизы российскому законодательству;
- 2) истечение 3-летнего срока оформления экспертизы;
- 3) выявление в отношении эксперта обстоятельств, которые запрещали ему проведение экспертизы (владение цен-

ными бумагами заказчика, родственные связи с заказчиком, личная заинтересованность в выводах экспертизы);

4) нарушения порядка и принципов проведения экспертизы;

5) наличие в заключение экспертизы, прилагаемых к нему документах и материалах недостоверных сведений, оказывающих влияние на вывод экспертизы.

Все эти причины не затрагивают содержания выводов экспертизы и носят «формальный» окрас. Таким образом, государственные органы не вмешиваются в выводы экспертизы, а только регулируют законность её выполнения. Несмотря на то, что экспертиза является государственной, фактически государственные органы власти выполняют только четыре функции — организационную (назначает экспертизу), регулируемую (регулирует порядок проведения), аттестационную (аттестует экспертов) и согласующую (уведомляет о согласии или несогласии с выводами эксперта).

Причины невыполнения экспертизы

Застройщиками или по-другому заказчиками ГИКЭ земельных участков являются как физические лица, желающие получить разрешение на строительство или поставить на государственный учет земельный участок, так и юридические лица — строительные или проектные организации, органы местного самоуправления. Для многих из них проведение государственной историко-культурной экспертизы затруднительная задача. Одной из причин этому является недостаточное понимание ее процедуры. Правовое регулирование в этой сфере весьма запутано, поэтому большую роль в этом деле играет компетенция государственных служащих, которые обязаны консультировать застройщиков по данному вопросу.

Одна из основных причин невыполнения требований законодательства и отказа от проведения экспертизы — её высокая стоимость. Экспертиза крупных строительных объектов — зданий, нефтепроводов, линии электропередачи, может достигать нескольких миллионов рублей, стоимость экспертизы небольших участков — десятков тысяч. Финансирование экспертизы законодатель полностью возложил на заказчика строительных работ (п. 2 ст. 30 ФЗ-73). Если крупные заказчики (юридические лица) способны заложить в стоимость проекта работ суммы на историко-культурную экспертизу, то физические лица зачастую не способны оплатить такие работы, вынуждены брать кредитные займы, а некоторые стараются даже обойти законодательство.

В особенно уязвимом положении остаются малообеспеченные граждане, погорельцы или семьи с низким уровнем дохода. Для таких единичных случаев государство может взять на себя проведение ГИКЭ. Тогда экспертизы выполняются в рамках ведомственной целевой программы, но их количество не превышает 3-х в год, что крайне мало даже для Иркутского региона.

Размер оплаты экспертизы устанавливается договором между экспертом и заказчиком и находится в прямой зависимости от объема выполняемых экспертом работ. Оплата труда эксперта никак не урегулирована. Стоимость работ опреде-

ляется в рамках рыночных отношений на основании конкурентных закупок и может быть значительно ниже реальной. Единственным регулятором ценообразования является «Сборник цен на научно-проектные работы по памятникам истории и культуры СЦНПР-91», утвержденный приказом Министерства культуры СССР № от 05.11.1990 г., введен в действие 01.01.1991 г. Сборник составлен в первую очередь для проведения реставрационных работ в отношении памятников архитектуры и в незначительной степени затрагивает археологические работы. Он не отвечает требованиям современного законодательства, требует корректировки в связи с устаревшими технологиями и методами проведения археологических работ, инфляцией и т.д. Стоимость экспертизы зачастую завышается, поэтому требуется издание единой методики расчета цен.

Дефицит федеральных государственных экспертов

Другой проблемой, которую необходимо отметить, является малое количество государственных экспертов, при большом количестве необходимых экспертиз.

Как было сказано выше, государственная историко-культурная экспертиза земель, подлежащих хозяйственному освоению, проводится путем археологических полевых работ. Положением о порядке проведения археологических полевых работ установлено, что археологические исследования могут проводиться только юридическими лицами с соответствующей уставной целью деятельности [3], на основании разрешения (открытого листа), выдаваемого федеральным органом охраны объектов культурного наследия физическим лицам, состоящим в трудовых отношениях с указанными организациями.

Таким образом, экспертом в отношении экспертизы земельных участков может выступать лишь юридическое лицо. Это не противоречит законодательству, поскольку в Положении о порядке проведения государственной историко-культурной экспертизы есть пункт (76), четко указывающий на возможность привлечения к проведению экспертизы юридических лиц, в трудовых отношениях с которыми находятся не менее трех аттестованных государственных экспертов.

В свою очередь, аттестация государственных экспертов предусматривает ряд требований сильно ограничивающих количество специалистов. Одним из таких, помимо профильного высшего образования, является подтвержденный разрешениями (открытым листом) 10-ти летний стаж археологических полевых работ. То есть, чтобы провести назначенную государственным органом по охране объектов культурного наследия историко-культурную экспертизу земельного участка, необходима организация, в уставных задачах которой указаны археологические исследования, имеющая в своем штате трёх археологов с 10-ти летним подтвержденным стажем, имеющих действующий открытый лист и являющихся аттестованными экспертами.

Выполнение этих условий довольно сложная задача. В ряде регионов России нет необходимого количества экспертов, а в некоторых регионах они отсутствуют совсем, что делает невозможным выполнение государственных историко-культурных экспертиз земель в соответствии с законодательством.

В Иркутской области 10 действующих экспертов-археологов и 12 организаций различных форм собственности, выполняющих историко-культурные экспертизы. Организации вынуждены привлекать экспертов в штат по совместительству, что

никак не решает проблему большого количества необходимых экспертиз.

Количество подготовленных специалистов по профилю экспертной деятельности по регионам резко различается (рисунок 1).

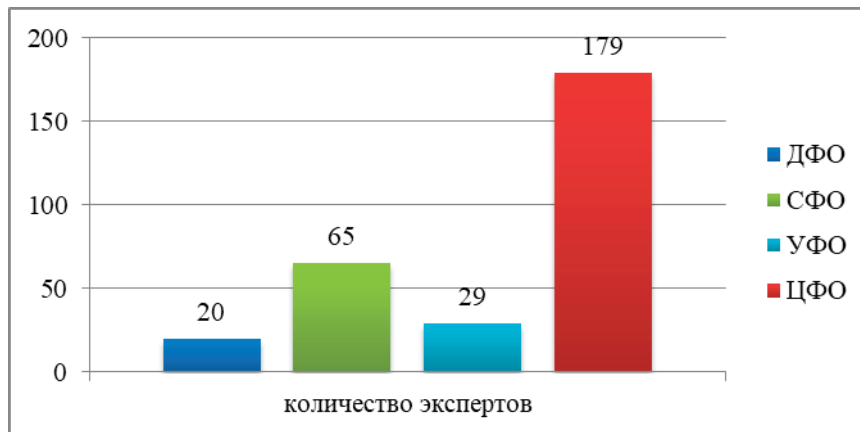

Рис. 1. Соотношение количества экспертов по Федеральным округам [5]

Так, например, по данным на Минкультуры РФ на 2022 год в Центральном федеральном округе количество экспертов составляет 179. В то время как в Дальневосточном федеральном округе в 9 раз меньше (20 экспертов). В Сибирском федеральном округе 65 экспертов и в Уральском — 29, что также меньше, чем в Центральном в 3 и 6 раз соответственно. Количество требуемых экспертов напрямую зависит не только от количества объектов культурного наследия, степени хозяйственного освоения территории, но и качества подготовки специалистов, а также количества профильных учебных заведений.

Разрешения (открытые листы) на право проведения археологических работ

Порядок проведения археологических разведок с целью проведения историко-культурной экспертизы определяется Положением о порядке проведения полевых археологических работ, как отдельный вид исследований, требующий получения самостоятельного Разрешения (открытого листа). За каждый выданный Министерством культуры РФ открытый лист специалист-археолог обязан отчитаться посредством сдачи в Российскую академию наук научного отчета. В соответствии с Постановлением Правительства № 127 открытый лист выдается либо на основании плана научных исследований, либо на основании договора (оферты) с заказчиком археологических работ (экспертизы). То есть, каждая историко-культурная экспертиза земель должна проводиться по самостоятельному открытому листу, выданному на основании уже заключенного с заказчиком экспертизы договора. Срок выдачи открытого листа по регламенту Министерства культуры РФ составляет 1 месяц с момента подачи заявления. Количество назначаемых экспертиз в Иркутской области за год составляет несколько тысяч, следовательно, археологам для их выполнения требуется получить нескольких тысяч открытых

листов за короткий период полевого сезона (5 месяцев), что абсолютно невыполнимо.

Централизация управления

В научном сообществе неоднократно высказывалась позиция о необходимости реорганизации всего механизма ГИКЭ, путем его централизации. В настоящее время экспертиза проводится отдельными аттестованными государством экспертами, не имеющими отношения к уполномоченным государственным органам или учреждениям. Заказчик работ вправе выбрать любого эксперта, аттестованного по нужному ему объекту экспертизы. Для упрощения процедуры проведения экспертизы многими специалистами предлагается передать полномочия по ведению и организации ГИКЭ подведомственным Министерству культуры РФ государственным федеральным учреждениям и их филиалам в федеральных округах.

Стоит отметить, что создание не только единого органа регулирующего проведение ГИКЭ, но и единого электронного портала ГИКЭ значительно было улучило понимание данной процедуры и повысило её прозрачность для общества. Наличие единого портала ГИКЭ особо актуально именно сейчас — в условиях процесса цифровой трансформации государственного управления. В настоящее время информация о ГИКЭ расположена в различных информационных ресурсах, не связанных между собой: сайт Министерства культуры РФ, сайты региональных органов охраны. Единый портал ГИКЭ, мог бы содержать не только реестр заключений экспертиз по всей территории РФ, но и выдаваемые Министерством культуры РФ разрешения (Открытые листы), открытый банк данных по объектам культурного наследия и территориям, в отношении которых у органов охраны имеются основания предполагать наличие на них объектов археологического наследия (территории, определенные

ст. 30, п.п. 34.2 п. 1 ст. 9 ФЗ-73). Открытость, полнота, доступность и прозрачность информации, повысит заинтересованность заказчиков экспертизы, а также облегчит работу экспертам и специалистам.

Недоработки в законодательстве (запутанная процедура назначения экспертизы), слабая взаимосвязь законодательной и исполнительной власти в процессе законотворческой деятельности (не утверждённые критерии перспективных территорий, ценовое регулирование), явные административные противоречия (выдача открытых листов), малочисленный институт экспертов, отсутствие специалистов и утрата доверия граждан и организаций к деятельности органов охраны объектов культурного наследия (малый процент выполнения экспертиз) — вопросы, требующие пристального рассмотрения и принятия решений на законодательном уровне. По мнению автора статьи необходим ряд законодательных инициатив:

1. Финансирование экспертиз для социально не защищенных слоев населения из регионального бюджета.
2. Ценовое регулирование на государственном уровне (расчет стоимости экспертизы, оплата труда эксперта).

3. Совместная работа Российской академии наук, региональных органов охраны объектов культурного наследия и Правительства Российской Федерации в плане разработки критериев перспективности территорий.

4. Привлечение большего количества экспертов, например, путем создания экспертных групп по региональному признаку под руководством Российской академии наук.

5. Выдача экспертам открытых листов по территориальному принципу (область, регион, край и т.д.), что позволит сократить количество запрашиваемых специалистами открытых листов, увеличить число проведенных археологических разведок.

6. Централизация государственного управления историко-культурной экспертизой на федеральном уровне. Передача полномочий по организации, проведению, контролю и надзору единому федеральному органу подведомственному Министерству культуры РФ.

7. Создание Единого электронного информационного портала ГИКЭ.

8. Популяризация археологических исследований, создание и открытие музеев археологии.

Литература:

1. Давыденко Г.Г., Берлизов М.П. История становления и современное состояние института историко-культурной экспертизы в России // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 1. — С. 49–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-sovremennoe-sostoyanie-instituta-istoriko-kulturnoy-ekspertizy-v-rossii> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Макаров С.В. Итоги 10-летнего опыта применения положения о государственной историко-культурной экспертизе / С.В. Макаров // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 62–3. — С. 79–83.
3. Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной документации (утверждено постановлением Российской Академии наук от 20 июня 2018 года № 32)
4. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. N569 «Об утверждении положения о государственной историко-культурной экспертизе»
5. Реестр аттестованных экспертов по проведению государственной историко-культурной экспертизы // Министерство культуры РФ. — URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-certified_experts/ (дата обращения 15.03.22)
6. Тарновский В. В., Шишова О. П. Институт государственной историко-культурной экспертизы: роль, проблемы и задачи реформирования / В. В. Тарновский // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 79. — С. 92–106.
7. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»
8. Шухобродский А. Б. Особенности государственной историко-культурной экспертизы и её роль в формировании феномена «памятник истории и культуры» / А. Б. Шухобродский // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2011. — № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gosudarstvennoy-istoriko-kulturnoy-ekspertizy-i-eyo-rol-v-formirovanii-fenomena-pamyatnik-istorii-i-kulturny> (дата обращения: 01.03.2022).

Незаконная вырубка леса

Куртынова Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Московский государственный университет геодезии и картографии

В современном мире существует немало экологических проблем: загрязнение мирового океана, воздуха, уменьшение биоразнообразия и многое другое. Помимо преодоления данных глобальных проблем в Российской Федерации в настоящий момент стоит острая необходимость в решении

такой задачи как вырубка лесов в незаконном порядке. Особенно актуален данный вопрос в связи с последствиями практически ежегодных пожаров в Сибири, так как запасы лесных ресурсов подверглись немалому ущербу и нуждаются в восстановлении.

Причины и мотивы вырубki леса

Безусловно, то, что вырубka и заготовка лесных материалов необходима для жизни граждан, так как древесина используется в строительстве, древесный уголь необходим для обогрева дома, также вырубka леса нужна для освобождения земли с целью постройки сельскохозяйственных угодий и создания пастбищ для скота. Кроме всего прочего, РФ является крупным экспортёром лесоматериалов и целлюлозно-бумажных изделий (за 2019 год: от 6% до 21% всего мирового экспорта лесной продукции, в зависимости от её вида). [1] Все эти действия опираются на нормы права, контролируются исполнительными органами и осуществляется под надзором уполномоченных организаций. Вся иная деятельность, неподконтрольная государственным органам, нарушает права граждан и государства.

Масштабы сокращения леса

Регулирование оборота древесины в настоящий момент сложно назвать эффективным, так как борьба с нелегальным уничтожением лесных массивов ведется очень слабо и не способствует сокращению правонарушений в данной сфере.

Как известно, 1/5 всех лесов мира приходится на территорию Российской Федерации, что составляет 1,2 млрд га и 70% площади всей страны. При этом ежегодно около 1 млн га леса вырубается в законном порядке, при этом в обязательном режиме должен восстанавливаться такой же объем леса. Так и происходит, но, естественно, из-за недолжного ухода значительная часть посадок погибает. [2]

К тому же постоянные пожары, расширение инфраструктуры, добыча полезных ископаемых также сокращает численность лесных ресурсов. Страдает природа, флора и фауна. Именно поэтому сейчас очень важно обратить внимание на незаконную вырубку леса, ведь данный фактор при желании можно проконтролировать, в отличие, например, от пожаров.

По данным Всемирного фонда дикой природы от 10% до 20% (в отдельных регионах до 50%) древесины, заготавливаемой в Российской Федерации, имеет незаконное происхождение. [3] По статистике убыток для казны РФ оценивается примерно в 13–30 млрд рублей ежегодно. [1]

Помимо экономических аспектов важно затронуть и экологию.

Уменьшение количества лесных посадок, во-первых, отрицательно сказывается на качестве воздуха, которым мы дышим. Во-вторых, массовые рубки способствуют глобальному потеплению, так как нарушается водный цикл. Также лес является местом обитания многих животных, уничтожая лес, мы лишаем дома тысячи лесных жителей.

Законная вырубka

Где же та грань, определяющая законность вырубki?

Итак, начнем с того, как определить правомерность вырубki леса. Обратимся к законодательству, затрагивающему лесную сферу РФ. Согласно ст. 30 Лесного Кодекса Российской

Федерации граждане нашего государства имеют право заготавливать древесину для личных потребностей на основании договоров купли-продажи, то есть отсутствие у лица подобного документа ставит под сомнения законность его действий, связанных с лесозаготовкой.

Также закон четко устанавливает критерии, по которым возможна вырубka:

- деревья не входят в перечень видов, не допускаемых к вырубке;
- лица осуществляют свою деятельность на основе договора аренды лесного участка;
- вырубka осуществляется в допустимых объемах, не превосходящих расчетную лесосеку;
- наличие порубочного билета. [4]

Таким образом, вся деятельность, которая не соответствует вышеназванным критериям законной рубки, требует государственного урегулирования и применения наказания к нарушителям.

Понятие «незаконная вырубka леса»

С тем чтобы дать определение понятию «незаконная вырубka леса» нужно отметить, что лесные ресурсы в составе земель лесного фонда — это все федеральная собственность государства. Лесной фонд — это обширное понятие, которое охватывает всю совокупность лесов, лесных и нелесных земель, установленных законодательством. Именно поэтому, под незаконной вырубкой следует понимать такую вырубку, которая наносит вред государственной собственности.

Виды ответственности за незаконную вырубку

Вследствие незаконно вырубki лесного фонда и причинения вреда лесным насаждениям в зависимости от состава и размера деяния выделяют следующие виды ответственности:

- административная — регулируется КоАП РФ;
- уголовная — регулируется Уголовным кодексом РФ.

Административная ответственность согласно ст. 8.28 КоАП РФ наступает по таким причинам как:

1. Противозаконная валка леса, повреждение лесных насаждений или самостоятельное выкапывание в лесах деревьев и иной растительности.
2. Незаконной рубки с использованием различных видов техники.
3. Приобретение, хранение и сбыт заведомо незаконной древесины. [5]

Уголовная же ответственность является более тяжелым видом ответственности, так как здесь противоправное деяние именуется преступлением и включает в себя причинением более существенного вреда, чем в административном порядке.

Существуют следующие квалификации уголовной ответственности, связанные с незаконной вырубкой леса согласно ст. 260 УК РФ:

1. Незаконная вырубka, а также нанесения вреда до уровня прекращения роста лесных насаждений, если деяние совершено в значительном размере (ущерб от 5 тысяч рублей).

2. Противозаконная вырубка или повреждение до уровня прекращения роста лесных насаждений группой лиц либо лицом, использующим свою должность.

3. Вышеназванные деяния лиц либо по договоренности лиц, либо в особо крупном размере (ущерб от 150 тысяч рублей). [6]

Наказания за противозаконную вырубку леса

Если правонарушитель все же был пойман, то его ждет судебное разбирательство, в котором ему будут назначены санкции за содеянное деяние.

Для начала важно упомянуть, что именно судья назначает размер и вид наказания, опираясь при этом лишь на закон, опыт и свои знания в лесном законодательстве.

Для административного и уголовного порядка производства предусмотрены различные процессы, при этом и наказание будет различаться.

Так, максимальное административное наказание, которое может получить нарушитель порядка — это штраф (для граждан до пяти тысяч рублей, для юридических лиц до семисот тысяч рублей).

В уголовном составе все более строго: штраф может достигать трех миллионов рублей. Возможен и худший расклад — лишение свободы до 7 лет со штрафом до пятисот тысяч рублей.

В обоих случаях будет обязательна конфискация незаконно добытой древесины, при этом происходит автоматический переход данного ресурса в собственность государства. Далее дре-

весина обращается в доход государственного бюджета путем реализации ее на торгах.

Меры по сохранению леса

Под охраной и сохранением леса подразумевается деятельность по защите, воспроизводству и лесоразведению в общем и по недопущению гибели от самовольных нерегулируемых рубок лесных насаждений в частности.

Мерами по регулированию и решения проблемы вырубки лесов зачастую является посадка деревьев. Но полностью восполнить нанесенный ущерб окружающей среде она не может, так как молодые деревья не всегда получают должный уход и могут погибнуть от вредителей или неблагоприятных погодных условий. Подход к данному вопросу должен быть комплексным. Потому следует выделить следующие направления и меры для установления баланса в мире природы и в мире людей:

1. Планировать объем лесозаготовок.
2. Увеличить охрану и проверку оборота древесных ресурсов.
3. Усилить качество контроля и учета лесного фонда.
4. Совершенствовать нормы закона, связанного с регулированием лесозаготовок.
5. Воспроизводить леса с учетом особенностей окружающей среды.
6. Открыть информацию, касающуюся деклараций лесопользователей, так как в данный момент общественность не может контролировать то, в каких объемах и кем вырубается лес.

Литература:

1. Статистика по лесной продукции. — Текст: электронный // Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций: [сайт]. — URL: <https://www.fao.org/forestry/statistics/80938%40180724/ru/> (дата обращения: 03.10.2022).
2. Лизан, И. Ю., Уралов С. С. Создание лесной Госкорпорации. — Текст: электронный // «Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза »Союзный нарратив 2050»: [сайт]. — URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B/%D0%A1%D0%BE%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D0%B%D0%B5%D1%81.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Противодействие нелегальному лесопользованию. — Текст: электронный // Всемирный фонд дикой природы: [сайт]. — URL: <https://wwf.ru/what-we-do/forests/combating-illegal-forest-exploitation/> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006 г. № 50. Ст. 5278.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 1. Ст. 1.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 г. № 25. Ст. 2954.

Особенности налоговых поступлений в бюджеты Российской Федерации

Лисицына Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье затрагивается вопрос о том, как формируются бюджеты РФ. Рассматривается понятие бюджета, налога, особенности формирования бюджетов, зачисляемых в федеральный, региональный и местные бюджеты.

Автор приходит к выводу о том, что поступления бюджета подразделяются на три категории: налоговые, неналоговые, безвозмездные поступления. Формирование бюджета происходит путем поступления различных налогов, сборов, платежей в определенных пропорциях, закрепленных бюджетным законодательством.

Ключевые слова: бюджет, налоги, налоговые поступления.

В статье 6 БК РФ закреплены понятия бюджета, консолидированного бюджета, бюджетной системы РФ, доходов бюджета.

Таким образом, под бюджетом понимается форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Под образованием бюджета понимаются его доходы, которые складываются из поступающих в бюджет денежных средств.

Федеральный бюджет, бюджеты субъектов, местные бюджеты и бюджеты государственных внебюджетных фондов в совокупности образуют бюджетную систему, которая регулируется законодательством РФ и основана на экономических отношениях и государственном устройстве РФ.

Консолидированный же бюджет представляет собой свод бюджетов бюджетной системы РФ на соответствующей территории, не включает в себя бюджеты государственных внебюджетных фондов, не учитывает межбюджетные трансферты.

Согласно статье 39 БК РФ доходы бюджетов формируются в соответствии с бюджетным, налоговым законодательствами, и законодательством об иных обязательных платежах.

Как пишет Райзберг, Б. А. «В доходах бюджета находят выражение экономические отношения, которые возникают между налогоплательщиками и государством. Проявляются эти отношения при совершении платежей в виде налогов и сборов, направляемых на формирование бюджетного фонда государства». [3, с. 438]

Доходами бюджетов могут быть налоговые, неналоговые и безвозмездные поступления.

Как указано в статье 41 НК РФ к налоговым доходам бюджетов относятся доходы от предусмотренных законодательством РФ о налогах и сборах федеральных налогов и сборов, в том числе от налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, региональных налогов, местных налогов и сборов, а также пеней и штрафов по ним.

Понятие налогов закреплено в ч. 1 ст. 8 НК РФ, где под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

К налоговым доходам относятся федеральные, региональные и местные налоги и сборы, а также пени и штрафы.

В федеральный бюджет зачисляются налоговые поступления от федеральных налогов и сборов, налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, которые определены в статье 50 БК РФ. К таким налогом относятся:

- налог на прибыль организаций;
- налог на добавленную стоимость;
- акцизы;
- налог на добычу полезных ископаемых;
- сбор за пользование водных биологических ресурсов;
- водный налог;
- государственные пошлины;
- налог на доходы физических лиц;
- налог, взимаемый в связи с применением специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения».

Налоговые доходы бюджетов субъектов Российской Федерации определены в статье 56 БК РФ, к которым относятся:

- налог на имущество организаций;
- налог на игорный бизнес;
- транспортный налог;
- налог на прибыль организаций;
- налог на доходы физических лиц;
- акцизы;
- налог на добычу полезных ископаемых;
- сбор за пользование объектов водных биологических ресурсов;
- налог, взимаемый с применением упрощенной системы налогообложения;
- государственный пошлины;
- налог на профессиональный доход;
- налог, взимаемый в связи с применением специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения».

Налоговые доходы бюджетов городских поселений, муниципальных районов, городских округов, городских округов с внутригородским делением, внутригородских районов, сельских поселений, муниципальных округов определены в статьях 61–61.6 БК РФ, к которым относятся:

- земельный налог;
- налог на имущество физических лиц;
- налог на доходы физических лиц;
- единый сельскохозяйственный налог;
- налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения;
- государственные пошлины.

На основании изложенного, видно, что формирование бюджета происходит путем поступления различных налогов, сборов, платежей в определенных пропорциях, закрепленных бюджетным законодательством. Все поступления разграничены по уровням бюджетов.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая, от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. — 1998. — № 148–149.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Российская газета. — 1998. — № 153–154.
3. Райзберг, Б. А. Курс экономики: учебник / Б. А. Райзберг, Е. Б. Стародубцева; под ред. Б. А. Райзберга. — 5-е изд., испр. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — С. 438.

Правовое регулирование заведомо ложной рекламы

Литвинова Ксения Игоревна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье автор рассматривает правовое регулирование такого вида ненадлежащей рекламы, как заведомо ложная реклама.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, ненадлежащая реклама, заведомо ложная реклама.

В настоящее время реклама представляет собой значимое социально-экономическое явление общества, которому, в современной действительности, необходимо грамотное правовое регулирование. В то же время, конкурентная борьба на товарном рынке за внимание потребителя и прибыль часто побуждает хозяйствующие субъекты к совершению незаконных действий, заключающихся в распространении ложной или неточной информации о продукте. Для распространения подобной информации используются различные приемы и способы, однако, наиболее часто данные цели осуществляются именно посредством рекламы.

В Федеральном законе «О рекламе» четко обозначены только два вида ненадлежащей рекламы — недобросовестная и недостоверная. [1]

Недобросовестная реклама — это информация, которая представляет собой рекламу товара, реклама которого таким образом запрещена либо содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с другими товарами, порочит честь, достоинство или деловую репутацию иных лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, тем самым злоупотребляя доверием потребителей или недостатком у них опыта и знаний в определенных сферах и т.д.

В качестве примера можно привести случай, связанный с телеканалом МУЗ-ТВ. Федеральная антимонопольная служба признала недобросовестной рекламу МУЗ-ТВ со слоганом «Телеканал «Муз-ТВ» — главный музыкальный канал». Экспертная комиссия ФАС не нашла в открытых источниках доказательств превосходства МУЗ-ТВ над другими музыкальными каналами. Таким образом, сравнение МУЗ-ТВ с другими профильными телекомпаниями противоречит требованиям пункта 1 части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе». ООО «Муз-ТВ Операционная компания» пришлось отказаться от упомянутого слогана. [2]

Недостоверная реклама — это реклама, информация в которой содержит сведения, не соответствующие действительности относительно свойств, качеств и характеристик рекламируемого товара. Данный вид ненадлежащей рекламы характерен для тех ситуаций, когда изготовитель или продавец товара присваивают ему ложные преимущества перед другими товарами, преследуя тем самым цели его быстрой и выгодной реализации.

Одним из примеров вышеперечисленного может являться реклама компании АО «Эр-телеком холдинг» в Саратовской области. [3] Антимонопольный орган рассмотрел в отношении акционерного общества дело по факту распространения в жилых домах Саратова рекламных буклетов, содержащих следующую информацию: «Попробуй Дом.ру 1 Р/мес. и плати только за то, что нравится». Проведя проверку, Саратовское УФАС установило, что информация о том, что стоимость услуги составляет 1 рубль в месяц, как указано в рекламном буклете, является недостоверной, реальная стоимость пакетов услуг составляла 504 рубля, 624 рубля и 904 рубля в месяц.

Таким образом реклама АО «ЭР-телеком холдинг» содержит информацию, которая не соответствует действительности в части размера платы за услугу связи и вводит потребителей в заблуждение. Наличие у потребителей рекламы потенциальной возможности получить необходимую информацию при посещении интернет-сайта АО «ЭР-телеком холдинг» не освобождает рекламодателя от исполнения обязанности, предусмотренной законом о рекламе. Саратовское УФАС признало рекламу ненадлежащей, поскольку в ней были нарушены требования пункта 4 части 3 статьи 5 закона о рекламе, и выдало обществу предписание о прекращении нарушения.

Заведомо ложная реклама — это реклама товара, с помощью которой производитель или продавец данного товара умышленно вводят в заблуждение потребителей.

На первый взгляд может показаться, что заведомо ложная реклама аналогична вышеуказанной нами недостоверной рекламе, но все же между ними имеется значительное различие. Проанализировав отличительные черты двух этих видов ненадлежащей рекламы, можно сделать следующие выводы: в случае недостоверной рекламы товару, который, в целом, выполняет свои функции одинаково с другими подобными товарами, присваивают не соответствующие ему преимущества, заявляя, что данное средство «быстрее», «сильнее», «выгоднее», чем остальные. В случае заведомо ложной рекламы, рекламируемый товар выдают совершенно не за то, чем он является на самом деле, т.е. этот товар совершенно не выполняет заявленные функции. Примерами такой рекламы являются различные препараты для похудения, в составе которых бывают обычные витамины или мёд, а также многочисленные «целебные» амулеты, браслеты, камни и т.д.

Необходимо отметить, что заведомо ложной рекламой можно причинить серьезный вред здоровью, вплоть до летального исхода. Например, в 2017 году количество смертей в России от самолечения превысило 60 000 тысяч человек. Ассоциация независимых аптек АСНА называют одну из ключевых причин данного показателя: «активная пропаганда нетрадиционного лечения, чудодейственных средств и БАДов в СМИ (в особенности в таблоидах, Интернете и на популярных каналах)». [4]

На сегодняшний день нарушение законодательства о рекламе влечет за собой исключительно административную ответственность. [5, с. 134] Причиной исключения нормы из Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложную рекламу, согласно пояснительной записке к проекту федерального закона от 08.12.2003 N162-ФЗ, было то, что ответственность за данное деяние предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а в иных случаях подобные деяния должны квалифицироваться по ст. 159 Уголовного ко-

декса Российской Федерации «мошенничество» [6]. По нашему мнению, данная причина не обосновывает необходимость внесения изменений.

Большинство признаков состава преступлений заведомо ложной рекламы и мошенничества действительно совпадают, но между указанными составами преступлений можно заметить очень важное отличие в объекте посягательства. Основным объектом посягательства по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации является право собственности, однако, по ст. 182 Уголовного кодекса Российской Федерации «заведомо ложная реклама» объектом является, в первую очередь, добросовестная конкуренция и только потом права граждан на достоверную информацию и право собственности. [7]

На наш взгляд, ст. 182 Уголовного кодекса Российской Федерации в той редакции, в которой существовала, имела некоторые недостатки, но исключение данной нормы из кодекса было поспешным. Кроме того, даже понятия «заведомо ложная реклама» в действующем законодательстве более не содержится.

Литература:

1. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ (ред. от 01.05.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.05.2019) // СЗ РФ от 20.03.2006, N12, ст. 1232.;
2. Самореклама «МУЗ-ТВ» недобросовестна // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/news/7630> (дата обращения 19.09.2022);
3. АО «ЭР-Телеком Холдинг» нарушило Закон о рекламе, распространяя буклеты с недостоверной информацией о стоимости услуги доступа в Интернет // Официальный сайт управления ФАС России по Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://saratov.fas.gov.ru/news/16012> (дата обращения 20.09.2022);
4. Ассоциация независимых аптек рассказала о вреде самолечения // RG62.info [Электронный ресурс]. URL: <http://rg62.info/index.php/all-news/novosti-kompanij/item/16490-assotsiatsiya-nezavisimyykh-aptkek-asna-rasskazala-o-vrede-samolecheniya-i-narodnoj-meditsiny.html> (дата обращения: 20.09.2022);
5. Кулешова И. Ю. Статус субъекта противодействия ненадлежащей рекламе и административно-правовые средства его обеспечения / И. Ю. Кулешова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2018. — № 1 (45). — С. 133–138.;
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 N162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // СЗ РФ, 15.12.2003, N50, ст. 4848.;
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ от 17.06.1996, N25, ст. 2954.

Проблемы института алиментных обязательств родителей.

Способы повышения эффективности взыскания денежных средств с должников

Лиханов Артем Александрович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статью необходимо начать с дефиниции алиментных обязательств. Фактически алименты представляют собой денежные средства, являющиеся частью заработной платы родителя, или выплачиваемые в твердой денежной сумме, за счет перечисления которых обеспечивается содержание ребенка родителя — плательщика.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации Россия провозглашается государством социальным, а перво-степенной целью является защита и охрана материнства и дет-

ства. Основной проблемой функционирования института является эффективность взыскания денежных средств со злостных неплательщиков, а значит и целью государственной деятельности в данном направлении должна являться деятельность по разработке и применению методов и способов, способствующих взысканию с родителей — алиментщиков денежных средств.

Однако данную проблему стоит рассматривать исходя из множества критериев. В первую очередь необходимо устано-

вить причину, по которой существенная часть родителей игнорирует исполнение обязательств по уплате алиментов. Основной причиной неисполнения родителями обязанности по уплате алиментов является отсутствие простейшего воспитания и чувства ответственности у многих родителей. Большое количество преждевременных браков, заключаемых безответственно, приводит в конечном счете к большому количеству разводов среди таких безответственных родителей, которые в конечном счете не считают нужным обеспечивать своих детей от прошлого брака, игнорируя при этом простейшие нормы морали и нравственности, относясь с полнейшим безразличием к своему ребенку [1].

Необходимо решать данную проблему, исходя из причин возникновения у таких родителей девиантного поведения. Например, государству следует больше усилий прилагать к пропаганде и воспитанию в будущих родителях чувств ответственности и любви к своим детям. Уделять больше внимания к развитию в обществе обязательных стандартов взаимоважения, воспитания в людях приоритетных семейных ценностей. Необходимо различными способами добиваться повышения среди людей правосознания и чувства социальной и семейной ответственности. Сформировать в обществе социальную неприязнь к людям, проявляющим по отношению к своим детям безответственное, грубое отношение.

Многие родители воспитаны таким образом, что жизнь их собственного ребенка не играет для них абсолютно никакого значения. Именно для таких родителей государство предусмотрело императивные методы обеспечения исполнения родителями обязанности по уплате алиментов. Стоит отметить, что такие родители придумывают совершенно различные способы, чтобы избежать обязательных выплат алиментов.

Самым распространенным способом является неофициальное устройство родителя на работу с выплатой ему «серой» заработной платы. Таким образом многие недобросовестные родители пытаются скрыть свой истинный уровень заработка, ведь при выплате такой заработной платы, работодатель не передает сведения в налоговые органы, а значит и судебный пристав — исполнитель никаким образом не сможет воздействовать на доходы должника, юридически которых не существует. Решение данной проблемы должно быть многосторонним. Государству необходимо оказать поддержку работодателям, которые отказываются выплачивать работникам заработную плату неофициально. Работодателю должно просто стать невыгодно заключать договор неофициально, что впоследствии повлечет за собой уменьшение количества работников, трудоустроенных неофициально. Данная проблема является многогранной, поскольку вредит не только институту алиментных правоотношений, лишает государственные фонды налоговых и иных отчислений с заработной платы работника, а также создает угрозу нарушения в дальнейшем трудовых прав такого работника.

Литература:

1. Попов Е. А., Пыленко И. П., Амри А. Э. Проблемы правового регулирования исполнения алиментных обязательств // Заметки ученого. № 2. 2022. С. 298–304
2. Хлыстов П. А. Алиментные обязательства супругов в системе правового регулирования алиментных обязательств членов семьи // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. № 15. 2019. С. 84–90

Распространение находит также такой способ ухода от уплаты алиментов, как злоупотребление родителями своим правом. В силу ст. 83 семейного кодекса Российской Федерации в случае, когда у плательщика алиментов имеется нерегулярный, меняющийся заработок, например, зависящий от сезона, спроса и т.д., он вправе ходатайствовать перед судом с просьбой о назначении ему выплаты алиментов в твердой денежной сумме. При этом родитель в частых случаях начинает впоследствии ссылаться на затруднительное материальное положение и заявляет о рассрочке платежа, далее перестает платить вообще [2].

Считаем, что решением проблемы будет являться, несомненно, повышение правосознания среди граждан, общества и в первую очередь среди родителей. Необходимо привить обществу неприязнь к людям, не проявляющим заботу о своих детях, игнорирующих первостепенные, общепризнанные нормы морали и заботы о своих детях. К тому же необходимо использовать и установленные законом методы и способы, гарантирующие выплату детям алиментов. К примеру, популярным способом является заключение соглашения, удостоверенного в нотариальной форме. В соглашении указывается порядок и размеры выплаты, а также контроль за родителем, нарушающим такой порядок и такие выплаты. Преимуществом данного способа будет являться, несомненно, его юридическая сила, поскольку соглашение, удостоверенное нотариально является по сути исполнительным документом, на основании которого заявитель вправе будет напрямую обратиться к приставу — исполнителю с требованием взыскания у плательщика денежных средств в порядке и размерах, утвержденных в соответствии с указанным соглашением [1].

Предлагаем внести в семейный кодекс Российской Федерации изменения и предусмотреть обязательность процедуры заключения соглашения об уплате алиментов и только в случаях, когда один из родителей уклоняется от его заключения, предусмотреть, что добросовестный родитель вправе обратиться в суд с ходатайством принудительного взыскания денежных средств с родителя — должника. В настоящее время, ввиду диспозитивности семейного права и семейного кодекса, законодатель напрямую не обязывает родителей заключать соглашение об уплате алиментов. Однако результатом такой практики стало повышение загруженности судов. Родители, избегающие такой процедуры не могут договориться и прийти к общему соглашению, вынуждены обратиться в суд, в суде же, часто, родитель — плательщик соглашается с доводами другого родителя и соглашается на уплату алиментов. Предлагаем по аналогии с досудебным претензионным порядком урегулирования спора установить обязательность заключения соглашения. Изменение поможет разгрузить суды, а самое важное, должно способствовать к налаживанию диалога между родителями.

Актуальность тайны усыновления

Лиханова Виктория Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В силу положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) тайна усыновления охраняется в соответствии с законом РФ. Должностным лицам государственных органов, а также судьям запрещается без согласия усыновителя разглашать третьим лицам, а также усыновленному информацию об его усыновлении.

Стоит отметить, что СК РФ не закрепляет точного понятия тайны усыновления, однако исходя из буквального толкования норм права можно прийти к выводу, что под тайной усыновления в законе понимается запрет, без воли усыновителя, на разглашение должностными лицами, судьями, а также лицами, которым в силу тех или иных жизненных обстоятельств стало известно об усыновлении ребенка, информации об усыновлении такого ребенка.

С точки зрения права тайна усыновления является важнейшим институтом семейного права, гарантирующим сохранение и укрепление важнейших, основополагающих семейных ценностей и, безусловно, является институтом, призванным защитить неприкосновенность материнства, детства и института семьи.

Однако, согласно п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» Президентом Российской Федерации провозглашен переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления [1].

Для наиболее полного понимания сути проблемы, необходимо оценить действие института тайны усыновления с точки зрения морально — этических норм и соображений, а также исходя из опыта зарубежных стран. Например в США активно применяется практика открытого и закрытого усыновления. При открытом усыновлении связь между биологическими родителями, усыновителями и усыновленным не прекращается. Притом принимающая сторона имеет обязанность отчитываться биологическим родителям о состоянии здоровья усыновленного. При закрытом усыновлении связь между биологическими родителями и усыновленным прекращается, однако не прекращаются алиментные обязательства детей. Стоит отметить, что процедура открытого усыновления с точки зрения законодательства США является более гуманной и направлена в первую очередь на формирование доверительного отношения усыновителей и усыновленного. Во многих англо-саксонских странах тайна усыновления давно является устаревшим, не отвечающим требованиям морали институтом. Аналогичная процедура по усыновлению существует и в Канаде, Великобритании и других европейских странах.

Считается, что тайна усыновления отрицательно сказывается на морально-нравственном состоянии ребенка. Страны англо-саксонской семьи исходят в своем регулировании от противного, считая, что пусть лучше ребенок изначально знает, что он является усыновленным, нежели он узнает это от кого — либо

третьего, сообщившем об этом ребенку исходя из своих низменных побуждений, нанеся тем самым ребенку морально — нравственные страдания. Кроме того практика англо-саксонской семьи показывает, что разглашение тайны усыновления на изначальном этапе сказывается на формировании более доверительных, дружеских взаимоотношений между усыновителем и усыновленным.

По нашему мнению в Российской Федерации переход к практике отказа от тайны усыновления затруднителен ввиду ряда объективных причин, в первую очередь связанных с менталитетом граждан России. Стоит отметить, что нельзя не согласиться с мнением Львовой-Беловой, которое, несомненно, заслуживает внимания, однако стоит отметить также, что тайна усыновления создана скорее не ради обеспечения интересов усыновителей, а для психологической безопасности усыновленных, ограждая их, например, от биологических родителей, лишенных родительских прав ввиду систематического применения насилия к ребенку, а также для защиты усыновленного от давления, исходящего извне. Например, Корнакова С. В. и Чигрина Е. В. в своей статье считают, что тайна усыновления служит механизмом, способствующим успешной социализации ребенка в обществе, помогая и защищая ребенка от нападок и травли со стороны сверстников [2].

Существуют и иные мнения, так Рыбалка Е. А. в своей статье указывает, что иногда тайна усыновления может напрямую вредить усыновленному, препятствуя, например, его праву на получение информации по развитию наследственных заболеваний [3]. Данная проблема является актуальной и нашла свое отражение в решении Верховного Суда Российской Федерации. Так, 23 августа 2008 года Верховный Суд Российской Федерации вынес решение об удовлетворении кассационной жалобы Ольги Ледешковой на решения судебных инстанций, отказавших ей в получении сведений о биологических родителях. Ледешкова, будучи удочеренной и находясь во взрослом возрасте, начала испытывать систематические проблемы со здоровьем. По заключению врачей проблемы начали исходить по причине мутации гена и для успешного лечения необходимо консультация с врачом и биологической матерью, сведения о которой у Ледешковой отсутствовали ввиду действия института тайны усыновления, поскольку органы ЗАГС изменили её свидетельство о рождении, а информацию о ее биологической матери, даже с целью получения информации для прохождения лечения Ледешковой орган ЗАГС отказывал, а решения нижестоящих судов действия ЗАГС признавали законным, указывая на абсолютный запрет разглашения тайны усыновления. Верховный суд своим решением впервые создал прецедент, согласно которому абсолютный запрет усыновленного на ознакомление со своими биологическими родителями может быть нарушен ответственными лицами и не будет иметь состав преступления, согласно ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что сохранение в законодательстве института юридической ответственности за разглашение тайны усыновления необходимо для защиты материнства и детства от действий лиц, которые, действуя умышленно, исходя из своих низменных целей намереваются разгласить тайну усыновления, чтобы причинить боль и нравственные страдания

усыновителям и усыновленным, однако преемственность в настоящее время обществом Российской Федерации отмены тайны усыновления считаем нецелесообразным и заблаговременным. Необходимо сохранить тайну усыновления и предоставить усыновителям самостоятельно решать вопрос о целесообразности раскрытия перед усыновленным тайны их усыновления.

Литература:

1. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. № 761
2. Корнакова с. В., Чигрина Е.В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 817–825
3. Рыбалка. Е. А. Правовое положение и перспективы развития тайны усыновления в России // Юристы-Правоведь. 2018. № 4 (87). С. 31–34.
4. Электронный ресурс: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-prave-usynovlennogo-na-dostup-k-informatsii-o-biologicheskikh-roditelyakh/>

Проблемы незаконного использования фирменного стиля компании

Любимова Юлия Юрьевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Статья посвящена анализу незаконного использования фирменного стиля компании, его основных составляющих частей. Фирменный стиль компании предназначен для получения наибольшей популярности у потребителей и прибыли, международного сотрудничества, возможности расширения бизнеса. Процесс выстраивания собственного узнаваемого фирменного стиля компании достаточно долгий и требует большого интеллектуального труда, поэтому важно обезопасить данный труд и защитить от незаконного использования. В связи с этим также рассмотрена важность создания фирменного стиля для компании. Исследована сущность товарного знака и проанализированы случаи незаконного использования товарного знака компании и ответственность для третьих лиц.

Ключевые слова: незаконное использование фирменного стиля, товарный знак, контрафакт, стиль компании.

Важной особенностью большинства компаний является наличие у них собственного фирменного стиля, товарного знака, бренда, который отличает их на рынке и дает преимущество для потребителей в выборе именно их товаров и услуг.

Наличие фирменного стиля особенно важно, если компания хочет или уже умеет потенциальных клиентов, большой сегмент товаров и услуг, зарекомендовала себя и хочет и дальше продвигать свое собственное производство.

Фирменный стиль компании позволяет ей быть узнаваемой, делать цену и историю своей компании. Это особенно важно для конкурентоспособного рынка, который сейчас переполнен организациями, занимающимися производством товаров и услуг, перечень и ассортимент которых ограничен лишь российским законодательством.

Фирменный стиль — это часть айдентики компании, её визуальная составляющая. Основа фирменного стиля состоит из логотипа, товарного знака, корпоративных цветов и шрифтов. Может включать эмблему, паттерны и даже персонажа.

Каждая часть фирменного стиля компании является индивидуальной и опознавательной, что вызывает спрос к данной продукции, зарекомендовавшей себя под данным стилем.

В связи с этим многие части фирменного стиля компании стали незаконно использоваться конкурентами, что стало большой проблемой для многих крупных компаний, теряющих таким образом прибыль.

Одним из важных элементов фирменного стиля компании выступает товарный знак. Товарный знак представляет собой отличительное обозначение продукции, которое способствует выделению произведения на рынке среди остальных у его производителя, и дает возможность клиентам и потребителям отличить его от других.

Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) закрепляет понятие товарного знака в ст. 1477 [1]. Из данной статьи следует, что товарный знак — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, на которое признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. Несмотря на наличие легального определения, существуют определенные проблемы понимания, связанные с данным вопросом.

Компании несут существенные потери прибыли, когда на их товар и марку создается контрафакт. Контрафакт обесценивает интеллектуальную собственность, лишает ее индивидуаль-

ности и себестоимости. Многие известные бренды порой не выдерживали конкуренции на рынке с аналогичным им товаром и подделкой их товарного знака, что в свою очередь, повышалокупаемость и прибыльность контрафактной продукции.

Контрафакт по своей природе представляет собой товар или услугу, который был незаконно использован третьим лицом иного автора интеллектуальной собственности, реализованный и распространенный на незаконных основаниях вопреки воли первоначального правообладателя, с целью получения прибыли. Контрафакт нарушает исключительные права автора на созданное им. Он копирует основную идею и сущность авторского труда, тем самым лишая прибыли и признания первоначального создателя.

Многие инвесторы в связи с ростом контрафакта на мировом рынке перестают инвестирование в компании на основании утраты ими рентабельности и спроса на товар, что приводит к снижению себестоимости производства и может привести к банкротству. Все это влияет на снижение активов корпорации.

Стоит также отметить, что в настоящих условиях, после ухода многих западных компаний с рынка, одни лица стали заинтересованы в передаче своих товаров и брендов, а другие — в приобретение уже популярного бренда для получения прибыли. Многие компании уже имеют свой собственный товарный знак и заинтересованы, чтобы он оставался за ними. Однако некоторые компании все же продают свои магазины и товары, часть из которых остается под старым названием. В данном случае происходит отчуждение товарного знака одной компанией другой. Этот процесс занимает длительное время, так как для перехода товарного знака требуется заключение договора об уступке товарного знака и последующая его регистрация. И в процессе отчуждения также важно, чтобы права не были нарушены другими лицами, а переход прав был возмездным и подтвержденным. При этом многие могут воспользоваться ситуацией, и под брендом известной компании преподнести контрафакт. За данной ситуацией должен следить антимонопольный орган и принимать соответствующие меры.

Контрафакт и плагиат стал достаточно распространенным явлением, однако за нарушение авторских прав на интеллектуальную собственность предусмотрена ответственность, как на российском, так и международном уровне, если это касается зарубежной компании. Третьи лица не могут без разрешения копировать или иным способом пользоваться элементами бренда компании, получать за это доход.

Законодательством за нарушение прав на товарный знак предусмотрены [4]:

- гражданско-правовая ответственность. В данном случае нарушитель будет обязан возместить убытки правообладателю товарного знака;

- административная и уголовная ответственность. В этом случае нарушитель, чьи действия могут быть отнесены к общественно опасным деяниям, подвергается наказанию со взысканием, например, денежного штрафа уже в пользу государства.

Рассмотрим пример незаконного использования товарного знака одной известной компании. Московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь», выпускающая шоколад под

брендом «Аленка», требовала взыскать компенсацию в размере более 310 миллионов рублей с кондитерской фабрики «Славянка» (Белгородская область) за нарушение исключительных прав на товарный знак.

«Славянка» выпускала шоколад под названием «Алина» в упаковке, выполненной в аналогичной цветовой гамме и с изображением девочки, как установили суды, «в похожем цветастом головном платке, из-под которого выбивается челка».

Спор дошел до Высшего арбитражного суда РФ и был отправлен на новое рассмотрение в первую инстанцию. Там длившееся два с половиной года разбирательство завершилось подписанием мирового соглашения: «Славянка» обязалась прекратить выпуск шоколада в спорном оформлении и выплатить истцу 15 миллионов рублей. В свою очередь, «Красный Октябрь» отказался от взыскания остальных 37 миллионов рублей компенсации, рассчитанной судом [2].

Еще одним часто незаконно используемым элементом фирменного стиля является персонаж, который хотя и не так часто используется в компаниях, однако при широкой раскрученности в дальнейшем может широко применяться для продвижения своего товара и услуг другими лицами. Незаконное использование персонажей многими не расценивается как нарушение, что не оправдывает их действия.

Примером может выступать иск компании Blizzard к разработчикам Glorious Saga. Иск основан на претензии компании из-за нарушения интеллектуальной собственности всемирно известной игры Warcraft, так как созданная ответчиком игра почти полностью копирует Warcraft, включая не только содержание, но и самих персонажей и их имена. Blizzard потребовала прекратить поддержку игры, а все исходные данные и прибыль отдать им, в том числе взыскать убытки и судебные расходы [3].

Как известно, известные персонажи могут использоваться повсеместно, изображая их на продуктах, рекламах, этикетках и прочее. Однако для такого использования, если у компании имеется зарегистрированное право на такой товарный знак (персонажа), требуется заключение соответствующего соглашения, по которому тот может возмездно использовать результат интеллектуальной деятельности и фирменного стиля другой компании.

Фирменный стиль компании создается для принесения большей прибыли, узнаваемости, выходе не только на российский, но и международный уровень. Добиться собственного стиля и признательности бывает достаточно сложно, поэтому использование товарного знака, персонажа, фирменного названия другой компанией должно пресекаться.

Таким образом, заключим, что фирменный стиль компании может создаваться и зарабатывать годами. Созданием своего «имени», узнаваемого стиля требует много времени и финансовых вложений, которые позволяют создавать, совершенствовать и внедрять в рынок свой товар или услуги. Поэтому часто особое внимание уделяется именно фирменному стилю. Он должен обладать узнаваемостью и легкостью восприятия, нести понимание для потребителей, что они им предлагают или могут предложить. В связи с этим важно, чтобы фирменный стиль компании не использовался третьими лицами, а в случае такого использования те несли соответствующую ответственность и возмещали понесенный лицом ущерб.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (часть I). — Ст. 5496.
2. 10 самых громких споров из-за интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20120426/635112901.html> (дата обращения: 30.09.2022).
3. Gaming: громкие судебные споры за 2018–2019. [Электронный ресурс]: URL: https://regforum.ru/posts/4604_gaming_gromkie_sudebnye_sporu_za_2018_2019/ (дата обращения: 30.09.2022).
4. Незаконное использование товарного знака [Электронный ресурс]: URL: <https://pravo.rg.ru/rubrics/question/1577/> (дата обращения: 30.09.2022).

О некоторых вопросах направления ответчику копий искового заявления в гражданском процессе

Мавренков Анатолий Сергеевич, студент

Научный руководитель: Новицкий Виталий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В некоторых случаях реализация права граждан РФ на судебную защиту своих прав и свобод оказывается весьма затруднительна. В частности, при отсутствии у истца сведений о месте проживания ответчика, становится невозможно выполнить требования гражданского процессуального кодекса о направлении истцом копии искового заявления и приложенных к нему документов ответчику и иным лицам, участвующим в деле. Автором исследованы недавние изменения законодательства, регулирующие схожие правоотношения, текущая судебная практика судов общей юрисдикции и разъяснения Конституционного Суда РФ по вопросам соответствия Конституции статьи 132 гражданско-процессуального кодекса РФ, в результате чего разработаны и предложены два варианта модернизации действующего законодательства в целях решения данной проблемы, позволяющие выполнить указанное требование, не препятствуя реализации принципа состязательности и равноправия сторон и не ставя при этом под угрозу сохранность персональных данных ответчика.

Ключевые слова: копия искового заявления; персональные данные; адрес ответчика; процессуальная реформа; статья 132 ГПК РФ.

Введение

Право граждан РФ на судебную защиту своих прав и свобод гарантировано ст. 46 Конституции. Так, по искам, вытекающим из гражданских правоотношений, такая защита осуществляется в рамках гражданского судопроизводства, регламентированного нормами ГПК РФ. Однако в некоторых случаях реализация права на судебную защиту интересов весьма затруднительна, а иногда и вовсе невозможна. В частности, если истцу неизвестен адрес проживания ответчика, то не представляется возможным выполнить требование ГПК РФ о направлении ответчику копий искового заявления и приложенных к нему документов, в результате чего возникает основание для оставления судом такого искового заявления без движения. Данная проблема возникла после проведенной в 2019 году процессуальной реформы, следовательно, является относительно новой, а потому ещё не исследована должным образом в научной литературе. Автор настоящей статьи ставит перед собой задачу раскрыть содержание указанной проблемы, исследовать последние новеллы российского законодательства и выработать возможные варианты решения проблемы.

Теория

П. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ устанавливает, что в исковом заявлении, в числе прочего, должно быть указано место проживания ответчика. Кроме того, п. 6 ст. 132 ГПК РФ устанавливает, что к исковому заявлению должно быть приложено «уведомление о вручении, или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов». То есть, подразумевается, что истец для подачи искового заявления должен знать адрес проживания ответчика, а также третьих лиц (при их наличии). Но всегда ли истец может располагать такими сведениями?

В случае со спорами, вытекающими из договорных обязательств, такой проблемы возникнуть не должно — при заключении договора стороны, как правило, указывают свои реквизиты. Кроме того, по такой категории дел обязателен досудебный порядок урегулирования споров: истец перед подачей иска обязан направить ответчику требование о добровольном исполнении обязательства; при несоблюдении досудебного порядка исковое заявление будет возвращено. Но в случае с деликтными и кондикционными обязательствами такой обязанности

у истца, как правило, нет; кроме того, в рамках гражданского судопроизводства могут быть рассмотрены также и неимущественные споры. В таких случаях, если истцу неизвестно место проживания ответчика, то самостоятельно установить его законными способами не представляется возможным, т.к. данные сведения отнесены законом к персональным данным, а потому не подлежат разглашению без согласия данного лица [2, ст. 7]. Предусмотренные законом «О персональных данных» общедоступные источники информации (справочники, адресные книги и т.п.) не распространены повсеместно; более того, сведения из таких источников могут быть исключены по требованию субъекта персональных данных.

Кроме того, сложности с подачей искового заявления могут возникнуть и в случае подачи искового заявления кредиторами умершего человека к наследственному имуществу в порядке ч. 3 ст. 1175 ГК РФ. Сведения о лицах, принявших наследство, не подлежат разглашению третьим лицам [1, с. 4]; механизм же подачи иска к «фиктивному ответчику» — наследственному имуществу — позволяет кредитору обратиться в суд, не имея представления о потенциальных ответчиках, и в дальнейшем, при помощи суда, получить у нотариуса сведения о лицах, принявших наследство от умершего должника. Наложение же на истца обязанности направления копии искового заявления и прилагаемых к нему документов даёт суду возможность оставить такой иск без движения, тем самым лишая кредитора возможности получения сведений, необходимых для защиты своих имущественных прав. В такой ситуации наиболее логичным было бы возложить на истца обязанность направить процессуальные документы в адрес ведущего наследственное дело нотариуса для дальнейшего перенаправления наследникам, однако ГПК этого не предусматривает.

Требование о направлении истцом копий процессуальных документов ответчику в 2019 году пришло в гражданский процесс из арбитражного судопроизводства в рамках процессуальной реформы. В частности, такая норма содержалась в ст. 103 АПК РФ 1995 года, откуда в дальнейшем была перенесена в ч. 3 ст. 125 АПК РФ 2002 года. Наличие такой нормы в арбитражном процессе вполне логично: юридический адрес хозяйствующего субъекта содержится в ЕГРЮЛ/ЕГРИП, и находится в открытом доступе. Арбитражный процессуальный кодекс, равно как и гражданский процессуальный кодекс, при неизвестности места нахождения ответчика допускает подачу искового заявления в суд по месту нахождения спорного имущества либо последнему известному месту нахождения ответчика; однако, в отличие от арбитражного, гражданский процессуальный кодекс по ряду категорий дел предусматривает возможность подачи искового заявления по месту нахождения истца. В таком случае требование о направлении ответчику копий искового заявления и приложенных к нему документов не может быть выполнено.

Презюмируется, что при подаче искового заявления по последнему известному месту нахождения ответчика, процессуальные документы должны быть направлены в суд по последнему известному адресу его проживания. Однако, в случае, если судом будет вынесено решение по делу, а ответчик по указанному адресу не проживал, то такое решение подлежит безого-

ворочной отмене (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Это приводит к затягиванию судебного разбирательства.

Как уже говорилось выше, до 2019 года ГПК не содержал требования о направлении копий искового заявления лицам, участвующим в деле. Истцу предписывалось приложить к исковому заявлению его копии по числу лиц, участвующих в деле; указанные копии после принятия искового заявления к производству направлялись данным лицам судом. Однако в 2018 году была проведена крупная процессуальная реформа, затронувшая гражданское, арбитражное и административное судопроизводство с целью их совершенствования. Инициатором вносимых изменений выступил Верховный суд РФ. В пояснительной записке к внесённому в рамках реформы законопроекту необходимость проведения данной реформы, среди прочего, мотивируется тем, что в период с 2014 по 2017 годы неуклонно росло количество дел, рассматриваемых судами в первой инстанции; это обстоятельство повлекло за собой увеличение нагрузки на суды, и, как следствие — увеличение финансовых затрат на осуществление правосудия [4]. Из приведённой мотивировки следует, что именно для оптимизации указанных затрат и было предложено изменить ст. 132 ГПК РФ, и возложить на истца обязанность направления копий искового заявления другим лицам, участвующим в деле.

Данные изменения вступили в силу в октябре 2019 года, после чего вновь поступающие иски, не содержащие подтверждения направления ответчику копий документов, стали оставаться без движения в порядке ст. 136 ГПК РФ. К примеру, определением Евпаторийского городского суда Республики Крым от 06 мая 2020 года искомое заявление Вишникина А. В. было оставлено без движения в связи с ненаправлением ответчикам копий искового заявления и приложенных к нему документов. 05 июня 2020 года Евпаторийский городской суд вынес определение о возвращении заявителю искового заявления; частная жалоба на указанное определение 13 августа того же года Верховным судом Республики Крым была оставлена без удовлетворения [6].

В 2021 году была предпринята попытка признать неконституционным п. 6 ст. 132 ГПК РФ. Так, заявитель Байдин А. А., обратившись в суд с иском, не направил ответчику копии искового заявления и приложенных документов, в результате чего искомое заявление было оставлено без движения, а затем и возвращено заявителю определениями суда первой инстанции; частная жалоба на оставление иска без движения была отклонена судом апелляционной инстанции. Посчитав, что применённые судами обеих инстанций статьи 132, 136 и 331 ГПК РФ противоречат Конституции, заявитель обратился с жалобой в Конституционный суд РФ. Отказывая в принятии данной жалобы к рассмотрению, высший судебный орган конституционного контроля разъяснил, что обязанность истца направить ответчику копии искового заявления и приложенных к нему документов «способствует реализации принципа состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия» [5].

Не ставя под сомнение обоснованность выводов, содержащихся в приведённом определении Конституционного суда РФ, считаем необходимым для более полного достижения цели процессуального равенства сторон несколько усовершенство-

вать механизм направления лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и отсутствующих у них документов.

20.06.2022 г. вступил в силу ряд поправок в ГПК РФ, принятых в конце 2021 года. В частности, установлены новые требования к исковым заявлениям в гражданском и арбитражном процессе. Согласно действовавшей ранее редакции ГПК, один из идентификаторов личности ответчика (номер паспорта, ИНН, водительского удостоверения и др.) указывался только в том случае, если был известен истцу. Принятые же поправки обязывают истца в случае, если такие сведения неизвестны, напрямую указывать на это в исковом заявлении; тогда такие сведения запрашиваются судом в органах Пенсионного фонда, внутренних дел или налоговых органах [3, ч. 3 ст. 3]. Таким образом, законодатель ясно даёт понять, что готов возложить на суды дополнительную нагрузку, если это необходимо для обеспечения доступа граждан к правосудию.

Результаты и обсуждение

Представляется, что решение проблемы направления истцом копий процессуальных документов может находиться в этой же плоскости. Если исключить пункт 6 из ст. 132 ГПК РФ, то в этом случае механизм подачи искового заявления при неизвестном месте жительства ответчиков должен выглядеть следующим образом: исковое заявление подаётся в суд по месту жительства истца (или месту нахождения спорного имущества) с указанием на то, что место жительства ответчика неизвестно; суд запрашивает данные сведения в органах внутренних дел; после получения сведений выносит определение о принятии искового заявления к производству, в котором указывает истцу о необходимости направления копий документов ответчику, а также сообщает его адрес. В случае, если дело оказывается неподсудно данному суду, то выносится определение о возвращении искового заявления с указанием места проживания ответчика и суда, которому подсудно данное дело.

Данный способ решения проблемы не является единственно возможным. 1 сентября 2022 года вступает в законную силу федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ, расширяющий перечень сведений, охраняемых законом «О защите персональных данных». Отныне сведения о собственнике объекта недвижимости, ранее находившиеся в открытом доступе, могут быть разглашены только с согласия собственника данного объекта. При отсутствии такого согласия сведения о собственнике запрашиваются нотариусом по письменному заявлению заинтере-

ресованных лиц; при этом лица, обращающиеся к нотариусу за указанными сведениями, должны предоставить письменные доказательства своей заинтересованности в получении этих сведений (например, при намерении обратиться в суд за защитой имущественных прав).

Представляется, что такой механизм получения охраняемых законом сведений может применяться и для получения информации о месте жительства потенциальных ответчиков: лицо, желающее обратиться в суд, но не располагающее информацией о месте жительства своего оппонента, обращается за данной информацией к нотариусу, и предоставляет ему документы, на которых заявитель основывает свои требования. Нотариус на основании этих документов запрашивает в органах внутренних дел информацию о месте жительства, и передаёт её заявителю. Так как сбор таких сведений производится для осуществления прав и законных интересов третьих лиц, противоречия Федеральному закону от 27.07.2006 «О персональных данных» не возникает (п. 7 ч. 1 ст. 6). Расходы, понесённые истцом для оплаты нотариального тарифа, могут быть признаны издержками, связанными с рассмотрением дела, и взысканы с проигравшей стороны как судебные расходы в порядке ст. 98 ГПК РФ.

Для законодательного закрепления предложенного механизма необходимо внести соответствующие изменения в Основы законодательства РФ о нотариате, гражданском процессуальном кодексе РФ, а также в Закон о полиции.

Выводы

Таким образом, существует как минимум два варианта решения обозначенной проблемы:

- 1) Требование о направлении истцом копии искового заявления ответчику переносится на стадию подготовки дела к рассмотрению; если истцу неизвестен адрес проживания ответчика, то такие сведения истребуются судом в компетентных органах;
- 2) Требование п. 6 ст. 132 ГПК РФ остаётся на стадии подачи искового заявления; если адрес ответчика неизвестен, то истец обращается за указанными сведениями к нотариусу.

Автор не исключает возможность разработки иных способов решения рассматриваемой проблемы. Кроме того, необходимо определить, какой из предлагаемых способов является наиболее оптимальным для реализации. Оба этих вопроса могут стать предметом дальнейших исследований в данной области гражданского процесса.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-I // «Российская газета» от 13.03.1993. № 49 (665), с. 4–6.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // «Российская газета» от 29.07.2006. № 165 (4131), с. 7.
3. Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях цифровой трансформации принудительного исполнения исполнительных документов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52, ч. 1. ст. 8976.
4. Пояснительная записка к законопроекту от 07.02.2018 № 383208–7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный

сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/B4791618-00D7-4D82-AF2D-293E09AE411B> (дата обращения 10.08.2022).

5. Определение Конституционного суда РФ от 28 января 2021 г. № 96-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байдина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 132, 136 и частью первой статьи 331 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision517224.pdf> (дата обращения 25.08.2022).
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 13 августа 2020 года частной жалобе Вишника Андрея Васильевича, на определение Евпаторийского городского суда Республики Крым от 05 июня 2020 года о возвращении заявления Вишника Андрея Васильевича о пересмотре по новым обстоятельствам решения Евпаторийского городского суда Республики Крым от 20 мая 2019 года по гражданскому делу по исковому явлению Филимонова Сергея Викторовича, Исаева Владимира Дмитриевича, Махнакова Сергея Ивановича к Вишнику Андрею Васильевичу, Зеленцову Дмитрию Александровичу, о возложении обязанности освободить занимаемое подвальное нежилое помещение // Официальный сайт Верховного суда Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: https://vs—krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_de-lo&srv_num=1&name_op=doc&number=6738985&delo_id=5&new=5&text_number=1 (Дата обращения: 25.08.2022)

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 40 (435) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 19.10.2022. Дата выхода в свет: 26.10.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.